

ЭФФЕКТ ПРИСУТСТВИЯ

Специальный выпуск

(22), 2002 г.

Информационно-аналитический журнал

МОФ СЦПОИ, лицензия на издательскую деятельность
Министерства РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций серия
ИД №04674,

выдана 26 апреля 2001 г.

Редактор Татьяна Афанасьева

Периодичность - 4 раза в год

Тираж 500 экз., распространяется бесплатно.

Издание финансируется Агентством США по международному
развитию
в рамках Программы "Укрепление и развитие
некоммерческих организаций", осуществляемой АЙРЕКС

При перепечатке ссылка обязательна

ТЕМА НОМЕРА:
ТЕРРА ИНКОГНИТА.
Журналисты Сибири - о
людях и социальных
проблемах

Содержание:

Краткая аннотация проекта

Межрегиональный конкурс журналистского мастерства “СИБИРЬ - ТЕРРИТОРИЯ НАДЕЖД”

Номинации и призовой фонд конкурса

Особый раздел конкурса “Сибирь – территория надежд”

Межрегиональный конкурс социальной журналистики “Терра инкогнита”

Итоги конкурса социальной журналистики “Терра инкогнита”

Члены жюри

Список победителей

Работы победителей

Номинация “Гражданская инициатива в СМИ”

Елена Черникова (Кемерово), “Наказанные жизнью”, “Кузнецкий край”

Артем Бочкарев, Владимир Токмаков (Барнаул), “Алтайская правда”, “На три головы ниже”

Иван Жбанов (Улан-Удэ), “МК в Бурятии”, “БГУ: рэкет или благотворительность”

Владимир Тихомиров (Чита), “Эффект”, “Лесные братки добывают “зелень” в открытую”.

Лесные братки добывают “зелень” в открытую

Светлана Сиваковская (Новосибирск), “Погорельцы”, “Советская Сибирь”

Елена Костина (Новосибирск), “Советская Сибирь”, “Голод – диагноз, который поставил Игорю врач”, “Диагноз “голод” снят”.

Номинация “Семейное воспитание”

Людмила Комарова (Иркутск), “Труд-Восточная Сибирь”, “Жду тебя или Как закрыть детский дом”

Анна Матвеева (Улан-Удэ), “Номер один”, “16-летняя девушка стала мамой 9 детей”.

Номинация “Аналитический подход в социальной тематике”

Алексей Комаров (Иркутск), журнал “Знамя”, “Алкоголь, друг мой... Задумчивое повествование”

Елена Щербакова (Кемерово), “Кузбасс”, “Как я трудоустроивала соседа”, “Мир для двоих”

Номинация “Молодежь Сибири”

Евгений Кармаев (Омск), “Омская правда”, фотокорреспондент.

Юлия Степанова (Томск), “Томская неделя”, “Мечта о кусочке мыла среди мертвечины”.

Олеся Громова (Кемерово), радиопрограмма “Формула”, “Радио Кузбасса”

Ольга Безгодова (Красноярский край), Уярская районная газета “Вперед” (цикл материалов).

Номинация “Прозрачная власть”

Андрей Аносов (Улан-Удэ), “Номер один”, “Как стать круче Путина?”

Номинация “Благотворительность – новая реальность”

Номинация “Социальные звезды”

Ольга Соловьева (Новосибирск), “Советская Сибирь”, “ОРТО-С” делает революцию в отечественном протезировании”

Марина Кочнева (Барнаул), “Молодежь Алтая”, “Восьмое марта – ласковое слово и феминистке приятно?”.

Елена Климова (Новосибирск), “Советская Сибирь”, “Воспитание мужчин четырьмя стихиями и собственным примером”.

Номинация “За вклад в развитие социальной журналистики”

Сергей Баршай (Красноярск), различные СМИ Красноярска, подборка материалов.

Анастасия Яровая (Иркутск), “Труд-Восточная Сибирь”, “Саламандра”

Краткая аннотация проекта

Проект предусматривал проведение ежегодного окружного конкурса журналистов и СМИ, публикующих материалы на социально значимые темы и освещающих деятельность общественных организаций. Необходимость проведения конкурса была обусловлена наличием следующих проблем:

- Коммерческие требования при размещении социальной информации.
- Разное понимание СМИ и общественными организациями того, что может быть информационным поводом.
- Отсутствие взаимовыгодного сотрудничества между некоммерческими организациями и СМИ.
- Поверхностная разработка социальной информации журналистами.
- Отсутствие доверия журналистов к информации, поступающей от общественных организаций.

Изначально предполагалось проводить конкурс на территории Сибирского федерального округа, но тогда под эти “географические” требования не попадала Тюмень (где находится представительство МОФ СЦПОИ). Выход нашелся: конкурс “Терра Инкогнита” стал составной частью конкурса Межрегиональной Ассоциации “Сибирское соглашение” “Сибирь – территория надежд”. Лучшие работы участников “Терра инкогнита” “плавно” перешли в руки жюри “большого” конкурса “Сибирского соглашения”.

Межрегиональный конкурс журналистского мастерства “СИБИРЬ - ТЕРРИТОРИЯ НАДЕЖД”

Проводится под эгидой:

Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия "Сибирское соглашение",

Издание Правительства Российской Федерации "Российская газета".

Учредитель конкурса:

Исполнительный комитет межрегиональной ассоциации “Сибирское соглашение”

Спонсоры конкурса:

Сибирский химический комбинат,

ООО “Филип Моррис Сэйлз энд Маркетинг”

ОАО “Востокгазпром”

Цели конкурса: Создание позитивного образа сибирских регионов, консолидация власти и общества в решении проблем социально-экономического развития Сибири. **Задачи конкурса:** Поиск нового взгляда на процессы, происходящие в Сибири. Восстановление приоритета традиционных общечеловеческих ценностей. Выявление молодых талантливых журналистов в регионах Сибири.

Создание единого информационного пространства в Сибири.

Условия приема материалов на конкурс:

СМИ:

Направляют в адрес Оргкомитета заявку, одновременно публикуют условия конкурса на страницах своего издания.

Публикуют предварительные итоги конкурса.

Не реже двух раз в месяц размещают на своих страницах материалы, подборки материалов под утвержденной Оргкомитетом рубрикой конкурса.

Информационные агентства:

Направляют в адрес Оргкомитета заявку, одновременно публикуют (распространяют) условия конкурса.

Не реже 1 раза в неделю размещают в своих информационных сообщениях материалы под предложенной Оргкомитетом рубрикой конкурса.

Авторы:

Высылают в адрес оргкомитета заявку и материалы, опубликованные в центральных, региональных, городских, районных, ведомственных, специализированных газетах и журналах.

В присланных материалах указывают СМИ, в которых они были опубликованы, дату публикации и номинацию конкурса.

К участию в конкурсе принимаются материалы, опубликованные в период с 25 апреля 2001 года по 25 апреля 2002 года.

Номинации и призовой фонд конкурса

Для региональных СМИ: 1 премия - 25 000 рублей. 2 премия - 15 000 рублей. 3 премия - 10 000 рублей.

Для информационных агентств:

Специальный приз от исполнительного комитета МА "Сибирское соглашение".

Для авторов: 1 место - персональный компьютер. 2 место - видеокамера. 3 место - видеомэгаффон. Номинация "Лучший очерк" – 4 000 рублей.

Номинация "Лучшая аналитическая статья" – 4 000 рублей. Номинация "Лучшее эссе" – 3 000 рублей. Номинация "Лучшее интервью" – 3 000 рублей. Номинация "Лучший репортаж" – 3 000 рублей.

Номинация "Лучшая заметка" – 2 000 рублей.

Материалы на конкурс участниками пересылаются по адресу:

630099, НОВОСИБИРСК, ул. Урицкого, 19, Исполнительный комитет
межрегиональной ассоциации “Сибирское соглашение”.

Электронная почта: konkurs@massmedia.nsk.su

Обязательна пометка: КОНКУРС-СИБИРЬ.

Контактные телефоны (383-2) 23-59-32, 17-37-59.

Подробности можно узнать в пресс-службах администраций республик, краев, областей.

**Особый раздел конкурса “Сибирь – территория надежд” Межрегиональный
конкурс социальной журналистики “Терра инкогнита”**

Полномочный представитель Президента РФ в Сибирском федеральном округе

Окружной информационный центр “Сибирь”.

Межрегиональный общественный фонд “Сибирский Центр Поддержки
Общественных Инициатив”

Идея: Клуб “Фирн” (бурятское представительство МОФ СЦПОИ).

Спонсор конкурса:

Фонд предпринимателей “Регион-Трейд”.

Цель конкурса:

Привлечение внимания СМИ к общественно значимым темам и общественно значимой деятельности некоммерческих организаций совместными усилиями общественности и государственных органов власти.

Задачи конкурса:

Информирование широких слоев общественности о деятельности некоммерческих организаций.

Повышение интереса СМИ к деятельности и проблемам некоммерческих общественных организаций.

Повышение уровня мастерства журналистов, пишущих на социальные темы.

Создание механизма успешного взаимодействия органов государственной власти и общественности в решении общественно-значимых проблем.

Итоги конкурса подводятся в феврале 2002 года.

Номинации и призовой фонд “Терра инкогнита”:

Гражданская инициатива в СМИ – в данной номинации рассматриваются материалы, в которых журналисты поднимают новую для общества проблему, или, в отдельных случаях, при освещении существующих проблем проявляют гражданскую смелость.

Семейное воспитание – рассматриваются материалы, продвигающие идеи воспитания оставленных, брошенных детей и детей-сирот в приемных семьях.

Аналитический подход в социальной тематике – приветствуются материалы, привлекающие различных экспертов по тому или иному вопросу, а также предлагающие научные подходы к решению социальных проблем.

Молодежь Сибири - рассматриваются материалы, направленные на формирование положительного образа молодого человека нашего времени, рассказы о добровольцах, молодежных лидерах, студенческих инициативах. Предпочтение будет отдано авторам до 30 лет.

Прозрачная власть - рассматриваются материалы, обобщающие опыт взаимодействия власти с общественностью, характеризующие доступность власти в регионах, стимулирующие власть к более открытому и доверительному диалогу с населением.

Благотворительность – новая реальность - удачные примеры сотрудничества коммерческих структур и социальной сферы. В данной номинации не рассматриваются коммерческие материалы и материалы, опубликованные на правах рекламы.

Социальные звезды - рассматриваются материалы, рассказывающие о конкретных людях, внесших значительный вклад в решение тех или иных социальных проблем.

Вклад в развитие социальной журналистики – данная номинация предусмотрена для СМИ, регулярно публикующих или выпускающих в эфир социальные новости, аналитические материалы на заданную тематику. Печатное издание должно публиковать материалы не менее 1 раза в месяц, ТВ и радио выпускать их не реже чем один раз в неделю.

Призовой фонд конкурса – недельные стажировки журналистов в СМИ (информационных агентствах) Москвы и Новосибирска.

Подробности можно узнать в Новосибирском офисе МОФ СЦПОИ:

630073, Новосибирск. Пр. К. Маркса, 57, к. 702.

Тел./факс (383) 346-45-32, 346-54-77, контактное лицо: Татьяна Афанасьева,

e-mail: tanya@cip.nsk.su

Итоги конкурса социальной журналистики “Терра инкогнита”

Окружной конкурс социальной журналистики “Терра инкогнита” был объявлен в рамках конкурса “Сибирь – территория надежд” межрегиональной ассоциации “Сибирское соглашение”.

“Откликнулись” журналисты из 11 регионов Сибири по всем видам СМИ (газеты, телевидение, радио) – желающие поучаствовать в конкурсе нашлись во всех городах, куда поступила информация. Свои работы (более 130) в “Сибирский Центр Поддержки Общественных Инициатив” прислали почти 80 авторов. К этому можно добавить 10 видеокассет с телесюжетами и 6 аудиокассет с радиопередачами. Наиболее активными в теле- и радиочастях конкурса оказались Улан-Удэ, Иркутск, Кемерово, Барнаул, Омск.

Конкурс “Терра инкогнита” имел 8 номинаций. Наиболее “популярными” оказались “Аналитический подход в социальной тематике”, “Молодежь Сибири”, “Социальные звезды” и “Вклад в развитие социальной журналистики”. Меньше материалов представлено в номинациях “Гражданская инициатива в СМИ”, “Семейное воспитание”, “Благотворительность – новая реальность”. Материалы почти по всем номинациям представили Улан-Удэ, Кемерово, Барнаул. Зато Новосибирск отличился в самой редкой номинации – “Прозрачная власть”. Журналист Наталья Светашева представила на эту тему сразу 4 материала.

Подведение итогов конкурса “Терра инкогнита” состоялось 26 февраля в резиденции полномочного представителя Президента по СФО. Некоторые работы (в частности, очень сильных иркутских авторов) были особо рекомендованы жюри в номинации, предусмотренные конкурсом “Сибирь – территория надежд”.

Информация о лауреатах была разослана по регионам в марте, а 19 апреля состоялось подведение итогов в Новосибирске (на праздновании 7-летия МОФ СЦПОИ). Дипломы и памятные подарки участникам конкурса вручал председатель исполкома МАСС Владимир Иванков.

Члены жюри

Иосиф Рохлин, заместитель начальника отдела по работе с общественностью и СМИ аппарата Полномочного представителя Президента РФ в СФО

Ольга Курушина, руководитель ОИЦ “Сибирь”

Марина Новикова, сотрудник ОИЦ “Сибирь”

По газетным публикациям:

Александр Шамов – директор департамента межрегиональной ассоциации “Сибирское соглашение”;

Галина Фролова – “Учительская газета”;

Галина Ткаченко – заместитель председателя правления Новосибирского отделения Союза журналистов;

Игорь Труфанов – Масс-Медиацентр, “Российская газета”.

По телесюжетам:

Элла Давлетшина, кинорежиссер;

Нина Пашкова, собственный корреспондент газеты “Версты” (Москва);

Александр Косенков, начальник отдела информации Новосибирского управления Федеральной службы занятости

По радиосюжетам:

Ольга Егорова, главный редактор радио “Эхо Москвы” в Новосибирске.

Секретарь жюри – редактор МОФ СЦПОИ Татьяна Афанасьева

Список победителей

Стажировки в Москве и дипломы лауреатов получили:

- Юлия Степанова - “Мечта о кусочке мыла среди мертвечины”, “Томская неделя”, 15 марта 2001 г. (Томск).
- Артем Бочкарев, Владимир Токмаков – “На три головы ниже”, “Алтайская правда”, 16 июня, (Барнаул).
- Ольга Безгодова за цикл материалов в Уярской районной газете “Вперед” (Красноярский край).

Фонд предпринимателей “Регион-Трейд” в номинации “Семейное воспитание” наградил денежным призом в размере 5 тысяч рублей Людмилу Комарову (Иркутск) за материал “Жду тебя, или Как закрыть детский дом”, “Труд-Восточная Сибирь”

Обладателями памятных подарков и дипломов лауреатов конкурса стали:

Номинация “Гражданская инициатива в СМИ” -

Елена Черникова (Кемерово) - “Наказанные жизнью”, “Кузнецкий край”, 3 ноября.

Иван Жбанов (Улан-Удэ) - “БГУ – рэкет или благотворительность?”, “МК в Бурятии”, 25 октября 2001 г.

Владимир Тихомиров (Чита) - “Лесные братки добывают “зелень” в открытую”, “Эффект”, 22 августа.

Светлана Розанова (Сиваковская) (Новосибирск) - “Погорельцы”, “Советская Сибирь”, 30 марта 2001 г.

Елена Костина (Гагина) (Новосибирск) - “Голод – диагноз, который поставил Игорю врач”, “Диагноз “голод” снят” - “Советская Сибирь”

Диана Бектаева (Иркутск), сюжет из передачи “Среда” (НТВ). Об ИРОО “Байкальская экологическая волна”.

Номинация “Семейное воспитание” -

Анна Матвеева (Улан-Удэ) “16-летняя девушка стала мамой 9 детей”, “Номер один”, 26 июля 2001 г.;

Номинация “Аналитический подход в социальной тематике” -

Алексей Комаров (Иркутск) - “Алкоголь, друг мой... Задумчивое повествование”, журнал “Знамя”, №6 – материал рекомендован жюри на конкурс “Сибирь – территория надежд” в номинации “Лучший очерк”.

Елена Щербакова (Кемерово):

1. “Как я трудоустроивала соседа”, газета “Кузбасс”, 18 января 2002 г.
2. “Мир для двоих”, “Кузбасс”, 10 января 2002 г.

Номинация “Молодежь Сибири” -

Евгений Кармаев (Омск) – фотопубликации в газете “Омская правда”

Анна Дружинина (Улан-Удэ) – радиопрограмма “Перекресток”, БГТРК

Олеся Громова (Кемерово) – радиопрограмма “Формула”, “Радио Кузбасса”

Екатерина Федотова (Улан-Удэ) – телесюжет “Хуvaraки”, БГТРК.

Номинация “Прозрачная власть” -

Андрей Аносов (Улан-Удэ) - “Как стать круче Путина?”, “Номер один”

Номинация “Благотворительность – новая реальность” -

Наталья Кадырова - ТВ программа “БЛАГО ТВОРЕНИЕ”, ГТРК “Новосибирск”

Номинация “Социальные звезды” -

Ольга Соловьева (Новосибирск) - “Орто-С” делает революцию в отечественном протезировании”, “Советская Сибирь”, 7 июня.

Марина Кочнева (Барнаул) - “Восьмое марта – ласковое слово и феминистке приятно?”, “Молодежь Алтая”, 7 марта.

Елена Климова (Новосибирск) - “Воспитание мужчин четырьмя стихиями и собственным примером”, “Советская Сибирь”, 14 декабря

Номинация “За вклад в развитие социальной журналистики” -

Сергей Баршай (Красноярск) за подборку материалов.

Анастасия Яровая (Иркутск) за подборку материалов в газете “Труд –Восточная Сибирь”.

Газета “Новосибирские новости”.

Газета “Кузбасс”.

Газета “Труд-Восточная Сибирь”.

Газета “Навигатор” (Новосибирск) награждается особым дипломом - “За социальное партнерство”.

Работы победителей

Номинация “Гражданская инициатива в СМИ”

Елена Черникова (Кемерово), “Наказанные жизнью”, “Кузнецкий край”

Меня зовут Черникова Елена. В этом году заканчиваю отделение журналистики Кемеровского государственного университета. До поступления в университет училась в обычной школе (№56) поселка Промышленный. Еще лет с десяти вместе с мамой любила читать газеты (особенно “Аргументы и факты”), но о журналистике как о профессии не задумывалась вплоть до 11 класса – пока не встал вопрос о поступлении. Свою будущую профессию считаю необыкновенно интересной, требующей от человека физической выносливости и трудолюбия. Ну а главной чертой журналиста, думаю, является стремление служить не власти, не своим интересам, а людям. То, что я оказалась замеченной в этом конкурсе – полная для меня неожиданность. Спасибо!

Как научиться жить с диабетом в Кузбассе?

Несломленные

...В телефонной трубке я услышала приветливый и в тоже время твёрдый и сильный голос Галины Андреевны:

- Приезжайте, конечно. Можете хоть сейчас.

В моём представлении сразу возникла уютная двухкомнатная квартирка, где всё пронизано заботой ласковой и домовитой бабушки Жени Шалыгина – тринадцатилетнего мальчика, за которым требуется особый уход, потому что он болен сахарным диабетом.

Однако при встрече с семьей эти образы остались за дверью квартиры. Да, светловолосая пожилая хозяйка дома улыбалась и была искренне приветлива. Но по её голосу чувствовались взволнованность, некоторое стеснение. Каждую свою фразу она начинала, выдохнув из груди воздух, а на протяжении разговора на её глазах выступали всеми силами сдерживаемые слёзы.

Из всех кемеровских семей, где живут больные сахарным диабетом ребяташки, семью Шалыгиных можно назвать самой бедствующей. Здесь все финансовые и житейские проблемы, с которыми сталкиваются семьи детей, больных диабетом, представлены наиболее остро.

И если бы только это! Мама бросила Женю, когда мальчику исполнилось два годика. Бабушке и дедушке – Галине Андреевне с мужем – ничего не оставалось, как взять внука себе на воспитание. Папа мальчика, их родной сын, вскоре завел другую семью и забыл о существовании малыша – так же, как и мать, которая к тому же через несколько лет умерла...

С тех пор дедушка, бабушка и внук так и живут втроем.

— Женя, я да дед, — показывает Галина Андреевна на лежащего в комнате мужа, Анатолия Григорьевича, перенесшего инсульт.

Причем отец Жени с новой семьей живет не где-нибудь на краю света и даже не в другом районе города, а в ... одной квартире с ними (!) – в комнате за деревянной дверью. Он пьет. И иногда приходит поговорить с сыном о жизни.

Женина мечта

Лишив симпатичного большеглазого ребенка родителей, судьба приготовила ему и второе, не менее тяжелое испытание. Однажды под Новый год Женя неожиданно почувствовал себя плохо. Врачи обнаружили у него повышенное содержание сахара в крови и поставили диагноз: сахарный диабет.

Чтобы поддерживать хорошее самочувствие и избежать осложнений, мальчику приходится ежедневно делать инъекции инсулина, питаться только соответствующими продуктами, причем строго в одно и то же время, и наблюдать за уровнем сахара в крови с помощью не менее дорогостоящих средств самоконтроля.

Пока Галина Андреевна и Анатолий Григорьевич трудились (она – главным бухгалтером обкома профсоюза работников лесных отраслей, он – водителем), с питанием внука особых проблем не было. Но теперь уже много лет они живут лишь на свою пенсию и пенсию, которую получает Женя по инвалидности (660 руб.), пока не достигнет совершеннолетнего возраста. Сейчас бюджет семьи Шалыгиных около 3 тысяч рублей.

Надо ли говорить, что прокормить на эти деньги себя, больного внука и больного мужа невозможно. Тем более что больному диабетом не разрешается есть ничего острого, жирного, соленого и содержащего сахар. А предназначенные специально для них диабетические продукты питания семье Шалыгиных не доступны.

— Пока цены не были такими высокими, — вздыхает бабушка, — мы старались покупать диабетические шоколадки (с сахарозаменителем), печенье. А сейчас у нас нет такой возможности.

Кушает Женя гречку, вермишель, рис, иногда картошку. А фруктов, овощей, молочных и мясных продуктов, так необходимых для роста детского организма, практически не видит.

Кроме этого, Жене необходимо 5-6 раз в день с помощью средств самоконтроля брать кровь, чтобы определять содержание сахара. Галина Андреевна с внуком из-за нехватки средств делают это очень редко – лишь один раз в ... неделю (!), а может быть и реже. К тому же у них сломался глюкометр – аппарат, без которого самоконтроль произвести невозможно.

В таких тяжелых условиях нелегко сохранить волю к жизни, мечту. Вокруг – безвыходная, казалось бы, реальность, которая может породить лишь смирение и отчаяние. Однако Женя не ощущает себя в чем-то пострадавшим и ущемленным. Наоборот, он очень веселый, добрый, общительный и, главное, целеустремленный мальчик. Хотелось бы, чтобы его мечта – выучиться и стать автомехаником – осуществилась. Больным сахарным диабетом важно получить высшее образование. Они не могут быть дворниками или водителями, так как должны работать в теплом помещении, иметь возможность вовремя поесть и сделать укол инсулина. Желание мальчика учиться поддерживается бабушкой, которая своим оптимистическим мироощущением, стойкостью духа показывает внуку, как нужно относиться к жизни.

— Да. Тяжело. А что делать? – говорит она. – Если унывать, то для чего тогда жить?

И со слезами добавляет:

- Только бы Женин отец не мучил и оставил нас в покое.

Скромность и человеческое достоинство не позволяют им просить милостыню у государства. Стараются жить сами... И пока еще живы.

Задумаемся?

В России зарегистрированных больных диабетом – 2 млн. человек. Но фактически их в 3-5 раз больше – 8 миллионов. Почему такие неточные данные об этом более чем серьезном заболевании? Дело в том, что сложившаяся в России система медико-статистического наблюдения не позволяет оценить реальную эпидемиологическую ситуацию в отношении сахарного диабета. Несовершенна сама система учета больных и нет социальных программ для выявления диабета на ранних этапах его развития.

Этим беды больных диабетом не исчерпываются. Они практически не обеспечены средствами самоконтроля: наша система обязательного медицинского страхования не дает им этого. Смертность от осложнения при сахарном диабете никак не фиксируется. Человек может внезапно умереть от инфаркта, а истинная причина его смерти останется неизвестной. Опасность диабета как раз и заключается в том, что среди заболевших им инфаркт и инсульт возникают в 3 раза, слепота — в 10 раз, нефропатия — в 15 раз, а гангрена — в 20 раз чаще, чем среди населения в целом.

Да и сама заболеваемость диабетом растет и каждые 10-15 лет увеличивается в 2-3 раза. Причины просты: некачественное питание значительной части населения, малоподвижный образ жизни, отрицательное воздействие окружающей среды, стрессы, наследственность.

Шесть лет назад правительством по заказу Министерства здравоохранения была утверждена федеральная целевая программа “Сахарный диабет”. В ее задачи входит

увеличение продолжительности и качества жизни больных диабетом, снижение заболеваемости и смертности от осложнений, обеспечение больных отечественными лекарственными и диагностическими средствами, создание диабетической службы Российской Федерации. Объем финансирования составил 13908,091 млрд. руб. по ценам 1996 года (5342,307 млрд. руб. — из федерального бюджета; 8135,384 млрд. руб. — из бюджетов субъектов Федерации и 430,4 млрд. руб. — из внебюджетных источников).

В последовавшем за этим постановлением приказе “О мерах по реализации федеральной целевой программы “Сахарный диабет” Минздрав рекомендовал органам здравоохранения и исполнительной власти краев и областей разработать и утвердить идентичные региональные программы, предусмотрев их реализацию и финансирование.

В Кузбассе “знают”, но забывают

В этом году начался второй этап осуществления данного проекта. Ситуация в Кузбассе постепенно меняется в лучшую сторону, хотя лекарственного обеспечения по-прежнему недостаточно. По словам Екатерины Поцелуевой — председателя Кемеровской городской общественной диабетической организации инвалидов, и областная и городская программы у нас разработаны, но ... не приняты из-за отсутствия средств в бюджете.

— Все упирается в финансирование, — говорит она. — Два года назад обеспечение пациентов лекарствами было настолько плохим, что в некоторых поликлиниках не достигало и 30 процентов. Чтобы облегчить жизнь больных, улучшить обеспечение их медикаментами и необходимыми продуктами, и возникла наша организация. Но средств, выделяемых на это государством, совершенно недостаточно, а частные предприятия неохотно соглашаются оказывать спонсорскую поддержку. Благодаря усилиям организации, федеральный бюджет с этого года начал выделять деньги на лечение инвалидов, а все остальные больные диабетом по-прежнему обеспечиваются медикаментами на средства местного бюджета. Мы создали школу, где больные диабетом учатся жить со своей болезнью. Каждую последнюю пятницу месяца в 17 часов в поликлинике № 12 (проспект Ленинградский, 47) проходит собрание для родителей детей с сахарным диабетом и молодых больных с участием главного эндокринолога города Аллы Дмитриевны Алексеевой.

К тому же организация выполнила еще одну задачу: в августе нынешнего года организовала выездную школу диабета для детей и подростков, где дети учились применять теоретические знания на практике. Плохо то, что из 60 больных диабетом кемеровских детей в санаторий смогли поехать только 17.

— За помощью в приобретении путевок, — говорит Екатерина Леонидовна, — мы обращались в местную администрацию, но она с большими трудностями согласилась оплатить только две 10-дневные путевки. Остальные дети отдыхали за счет предприятий своих родителей.

— Увы, — продолжает она, — все наши попытки обратить на себя внимание не дали ощутимых результатов. В прошлом году было очень много разговоров о Дне матери, 25 ноября, и это правильно, но вот о 14 ноября — Всероссийском дне борьбы с сахарным диабетом — местные власти не сказали ни слова. Тогда я решила, что про наших больных вообще забудут, и отправила телеграмму Тулееву. Видимо,

телеграмма до него не дошла, но попала в департамент здравоохранения. Тогда представители администрации подарили больным детям шприцы-ручки для введения инсулина и сам инсулин. Потом подобные акции проводили к Новому году и Дню защиты детей. Но все это только разовые акции, а существенной помощи — полного обеспечения наших больных — от государства нет. Так вот, чтобы власть повернулась к больным лицом, нужно бесконечно ходить и рассказывать о своих проблемах. А нам всегда говорят: “Мы знаем, мы знаем...”. Остается надеяться на поддержку спонсоров, которых пока тоже нет.

Самоконтроль, диета и мотивация

Сахарный диабет страшен не только сам по себе, но и осложнениями. Чтобы их предотвратить, заболевшему диабетом должна быть предоставлена комплексная специализированная помощь. Сюда входят обеспечение достаточным количеством лекарственных средств и профилактические мероприятия.

Больному сахарным диабетом необходимы медицинские препараты, без которых он не может прожить ни дня, — говорит Поцелуева — Например, те же средства самоконтроля — тест-полоски. Они очень дорогие, и их всегда не хватает. С прошлого года горздравотдел начал обеспечивать этими средствами только детей, но и то не в полном объеме.

Помимо лекарств, больному положено соблюдать диету, а сахарозаменители и другие диетические продукты в России производятся в небольших количествах.

— С началом реализации федеральной программы промышленным предприятиям было дано задание наладить разработку и выпуск диабетических продуктов, — продолжает председатель. — Вообще ассортимент диабетических и диетических продуктов достаточно широк — печенье, пряники, конфеты, шоколад, леденцы, вафли, мармелад, различные напитки, содержащие сахарозаменители, а также молочные продукты с пониженным содержанием жира. Однако в Кемерове лишь “КемеровоХлеб” выпускает ксилитное печенье, разные сорта хлеба. Поэтому почти все, что есть в городе для питания наших больных, завозится из европейской части России. Естественно, это влияет на цены. А ведь недорогая диабетическая продукция могла бы быть очень покупаемой.

Цены на диабетические продукты и в самом деле не радуют. В диабетическом отделе магазина “Мегаполис” на пересечении улиц Весенней и Красноармейкой вафли (40 г) стоят 7-8 руб., печенье (170 г) от 11 до 24 руб., мармелад (250 г) — 32 руб., шоколадные конфеты (1 кг) — 120-150 руб., вермишель (400 г) и “ракушка” (400 г) — 18 и 22 руб., баночка джема (430 г) — 65 рублей... По словам продавца, несмотря на такие цены, продукты быстро раскупаются.

Успешный самоконтроль диабета зависит и от отношения к болезни со стороны самого человека. В этом огромную роль играют обучающие программы, которые помогают болеющему вырабатывать мотивацию — то есть спокойную, реальную оценку своему физическому состоянию — и жить в необходимом для этого режиме. По мнению Екатерины Леонидовны, хоть взрослого, хоть ребенка надо научить жить со своей болезнью.

— Но в жизни взрослые и дети не всегда умеют применять свои знания, так как все обучающие программы для впервые заболевших обладают коротким эффектом.

Поэтому система обучения должна обеспечивать больному долговременную мотивацию, ее постоянное обновление и закрепление. А это невозможно без надлежащего лечения, питания и самоконтроля. Как человеку внушить, что ему надо бороться за свою жизнь, если у него нет возможности нормально существовать — хотя бы на уровне элементарных потребностей?

Сострадание и милосердие

Мировая статистика говорит о том, что наименее подвержено заболеванию коренное население Севера, наиболее — жители крупных городов. Женщины болеют чаще, чем мужчины.

Диабет нередко развивается у молодых людей, в организме которых не вырабатывается гормон инсулин. В результате в крови накапливается большое количество глюкозы, и почки начинают выводить ее избыток из организма. Это приводит к повышенной жажде и потреблению большого количества воды. Со временем почки перестают справляться с такой нагрузкой, и возникают боли в животе, рвота, наступает обезвоживание организма. Это инсулинозависимый диабет. Второй тип диабета наиболее распространен и встречается среди людей старше 40 лет, имеющих избыточный вес. У них может быть нормальное содержание инсулина — и тем не менее высокое количество глюкозы в крови. Симптомы диабета этого типа обычно развиваются постепенно, и многие люди не обращают на это внимания. А чему удивляться при нашем низком уровне профилактической работы!

— Риск возникновения диабета у детей, — рассказывает председатель городской диабетической организации, — увеличивается в 7-8 раз при отрицательном влиянии факторов окружающей среды. Кстати, в 1996 году на международном консилиуме в Мексике наша река Томь была признана самой грязной рекой в мире. Что касается взрослых, то большинство людей ведет малоподвижный образ жизни, плохо и неправильно питается. И многие не знают, что они больны. Выявляется это зачастую случайно. Так вот, согласно программе “Сахарный диабет” все люди после 40 лет должны обязательно каждые три года проверять кровь на сахар. У нас этим никто не занимается. Нет денег. Хотя Московская диабетическая ассоциация находит для этого спонсоров. 14 ноября, во Всероссийский день борьбы с сахарным диабетом наша организация планирует провести подобную акцию. Но пока средства не найдены — все это только планы.

Я считаю, что любой человек, у которого есть возможности, должен помочь. Возможно, что он не столкнется с этими проблемами — и славу богу. Но иногда случается обратное... Сегодня вы поможете другому, а завтра другой откликнется на вашу беду. На чувстве милосердия и сострадания и стоит мир.

Артем Бочкарев, Владимир Токмаков (Барнаул), “Алтайская правда”, “На три головы ниже”

За свой “дерзкий” эксперимент соавторы были награждены поездкой в Москву. Правда, Артем Бочкарев, как оказалось, к этому времени уже променял Барнаул на столицу, и посему поездка “досталась” только Владимиру Токмакову.

“Съездил я очень удачно и плодотворно: в Москве общался с ребятами из “Независимой газеты” (Экслибрис”), из издательства “Ad morginet”, а также из Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ (фонд Сергея

Филатова). Общение, естественно, много дало и духовно, и практически: удалось решить кое-какие творческие планы. Успел побывать и в Питере, который, как выяснилось практически в последний день перед отлетом, стал главной моей целью. Кроме газетчиков из "Вечернего Петербурга" и "Невского времени", я общался с профи из модного издательства "Амфора", с которым и заключил контракт на издание своей книги прозы".

На три головы ниже

День в инвалидной коляске

Когда садишься в инвалидную коляску, то первое, что чувствуешь -

ты стал гораздо ниже ростом. И только через какое-то время понимаешь, насколько ниже ты стал.

Большинство наших граждан не представляют даже части тех трудностей, с которыми сталкиваются люди, лишённые способности нормально передвигаться по городу. А каково на самом деле оказаться в инвалидной коляске? Итак, в двенадцать часов дня в районе Октябрьской площади мы выгрузили из редакционной "Волги" инвалидную коляску. Один из нас превращался в сопровождающего, а другой - в инвалида.

Сборка средства передвижения осуществлялась под прикрытием машины. Когда водитель, помахав ручкой, отвалил от стоянки, я уже сидел в кресле. Не успел приноровиться, как Вовка бодро выкатил меня на середину проезжей части. Не знаю, откуда у него такая уверенность в действенности дорожных знаков и "зебры". Машины правого ряда действительно притормозили, а вот темно-синяя девятка, резко перестроившись, едва не поставила точку в самом начале нашего репортажа. Скрип ее тормозов, видимо, отрезвил моего напарника. Запаниковав, он дернулся и сначала едва не опрокинул коляску, а потом налетел на бордюр.

Движение на Ленинском проспекте было приостановлено. Таким было наше первое столкновение с иной реальностью. В одночасье мы попали в мир, где путь от квартиры до ближайшей булочной или аптеки - сплошная борьба за существование. В первые минуты этот переход просто ошеломляет. Но разве не то же происходит в жизни? Человек уверен: болезнь, травма и т.д. могут случиться с кем угодно, только не с ним. Но достается-то именно ему.

В Алтайском крае сегодня более 150 тысяч инвалидов (это только те, кто стоит на учете в соцзащите. Получающих пенсию в других ведомствах, например, в военкоматах мы здесь не учитываем). Это значит, что каждый двадцатый житель края так или иначе ограничен в своих возможностях. А есть у кого-нибудь гарантия, что он не попадет в эту двадцатку? Вчера - ты совершенно здоров, а сегодня на тебя смотрят с жалостью и обывательским любопытством.

"Я не умею прыгать через лужи"

Как говорят инвалиды, сама попытка выбраться на улицу - уже проблема. Инвалид, безвылазно просидевший в своей квартире десять лет, для нашего города, оказывается, не такая уж и редкость. Дело не только в том, что трудно получить коляску (в очереди стоят по несколько лет). Попробуй-ка спустись с третьего этажа,

да еще с этим громоздким средством передвижения. Кстати, не поможет и лифт, даже если таковой имеется: двери слишком узкие, не рассчитаны на инвалидов.

Нам было легче. Мы стартовали на улице. Психологически самые сложные - первые минуты, когда неожиданно оказываешься в центре всеобщего внимания. Все встречные отводят глаза. Но спиной-то чувствуешь соболезнующие взгляды. Проезжает автобус - половина пассажиров смотрит на нас. Едем, огибая большую лужу, мимо ряда уличных торговых. Тетушки сочувственно качают головами, одна крестит.

Сразу же выяснилось, что "тележка", кроме того, что очень тяжела, крайне неудобна в управлении. На любой выбоине (а их на наших дорогах немало) она уходит в сторону и очень хочет перевернуться. Ну а преодоление даже самой низкой бордюрины, которую обычно перешагиваешь, не замечая, требует мобилизации всех сил и смекалки. Мы приноровились только с третьей или четвертой попытки: подъезжая к препятствию, "сопровождающий" наклонял коляску на себя углом этак градусов под сорок, а "инвалид" резко проворачивал большие колеса. Зависнув на секунду в воздухе (кто знает - куда она опрокинется?), коляска торпедой выскакивала на тротуар.

Кстати, непонятно, почему ни на одном дорожном переходе от площади Октября до площади Советов нет пологих съездов - ни для инвалидов, ни для детских колясок. Преодолевая эту бесконечную "полосу препятствий", мы рассуждаем о том, что неплохо было бы посадить одну половину городских чиновников в инвалидные коляски, а другую - заставить их таскать по городу.

"Выхода нет"

Без сопровождающего далеко не уедешь. Уже через час на руках немеют мышцы и начинает побаливать спина. Зато притупляется восприимчивость к посторонним взглядам.

...У гостиницы Центральной на своем постоянном месте "работает" одноногий нищий. Подъезжаем знакомиться. Без всяких обиняков Шкипер, так он сам себя называет, рассказывает свою историю. Работал на северах, добывал золото. Потерял ногу, стал выпивать, жена выгнала из дому. Сейчас прибился к какой-то больнице. Живет подаянtimer. На коляску денег нет. Да и привык уже к костылям - на них проще перемещаться.

О проблемах инвалидов в последние годы писали немало. А что толку? Полгода назад одна барнаульская общественная организация затеяла акцию "Город для всех, в нем живущих". Обследовав городские учреждения на предмет доступности их для маломобильных граждан, активисты хотели составить карту, на которой были бы обозначены все места, куда могут попасть инвалиды. Насколько нам известно, эта карта так и не была составлена. Может быть, потому, что мест таких в городе не очень много?

Справедливости ради надо сказать, что пандусы на Ленинском проспекте встречаются. Как правило - в учреждениях торговли. Но ни в один из магазинов мы все равно не смогли попасть: либо двери оказывались уже нашей проходимости, либо площадка - не развернешься. Аптеки - особая песня. Почему-то владельцы, как правило, выбирают помещения, в которые и здоровый-то еле заберется.

Недавно мы разговаривали с председателем краевой общественной организации инвалидов "Преодоление" Валерием Шарыповым. Запомнились его слова:

- Инвалидность - это непростая ситуация для больного человека в любой стране. И неважно, какая у тебя коляска - с электрическим приводом или без него. Все равно ты сидишь в коляске. И если на Западе инвалиды живут лучше, значит, они за это больше боролись. Хотя, конечно, обидно: я работаю, плачу налоги, мои родители, друзья платят налоги, так почему, когда на эти деньги строится

поликлиника, кинотеатр или аптека, я не могу в нее попасть?

Действительно, развлекаться (кинотеатры, театры, библиотеки, рестораны) нашим инвалидам не положено вообще. А учиться? Пытались мы заехать в новый, только что сданный корпус АГУ. Пандус есть. Под таким углом, что только на горных лыжах кататься. Ширина же рассчитана в лучшем случае на детскую коляску советского образца (зачем, интересно, ходить в университет с грудным младенцем?). Что касается туалетов, то ближайший, приспособленный для инвалидов, - на Горе, в Барнаульском санатории.

Два часа, проведенные в коляске, научили нас ценить и беречь свое здоровье. Потому что мы поняли: человеку, попавшему в беду, пока не место на улицах нашего города, он там лишний

Как у них

Американские инвалиды дрались за принятие закона, обеспечивающего им самостоятельную жизнь в обществе...

Оказывается, в 70-х годах у американских инвалидов проблемы были гораздо серьезнее, чем у наших. Считалось, что инвалиду лучше жить среди себе подобных, в изолированном обществе домов-интернатов. Попадая туда, человек уже не имел никакого шанса вернуться в мир обычных людей.

Инвалиды подняли движение за самостоятельную жизнь в обществе. Они создали свою коммуну в городе Беркли, штат Калифорния, и начали борьбу за свои права: на труд, на свободное перемещение и т.д. Первым этапом борьбы стало устранение барьеров, которые отделяли их от нормальной жизни, от здоровых людей. Эта борьба продолжалась около 20 лет, прежде чем был принят федеральный закон об инвалидах. В Америке началось строительство пандусов. Сначала на улице, на тротуарах, а затем в магазинах, учреждениях, местах общественного пользования.

Наибольших успехов американцы добились в создании безбарьерной среды, обеспечив доступ в общественные учреждения, в самолеты, на корабли, в магазины, метро, туалеты, аптеки. По словам Валерия Шарыпова, если где-то есть хоть две-три ступеньки, то рядом обязательно пандус. Для общественных учреждений это вообще обязательное условие. В кафе, расположенных на втором этаже, есть специальные лифты. Если в американском университете учатся инвалиды-колясочники, то все помещения оборудованы для их удобства: лестницы, туалеты и пр. Здание просто не принимается в эксплуатацию, если оно не приспособлено для маломобильных граждан. Точно так же, как если в нем нет противопожарных средств. В Нью-Йорке все (!) автобусы с подъемниками. Ступеньки, по которым в него заходят обычные граждане, трансформируются в

подъемную площадку для инвалидного кресла.

Но еще раз стоит повторить - все это достигалось очень жесткой борьбой организаций инвалидов за свои права. В Америке, как и в любой стране мира, представители капитала вряд ли пошли бы на дополнительные траты по доброй воле. Но США - законопослушная страна, если там определено что-либо законом, то так оно и будет. Если инвалид столкнулся с проблемой, например, нет пандуса в какой-то фирме, он обращается к руководству этой фирмы. В течение 90 дней оно обязано либо удовлетворить просьбу, либо предоставить в органы местной власти подробное письмо с бюджетом организации и доказательством того, что у них нет денег на дополнительные расходы. Подобных случаев - единицы. Представьте, что напишут газеты, если, допустим, "Макдоналдс" признается, что у него нет денег? Это же ударит по престижу фирмы, имиджу, авторитету.

Как у нас

...а русские не могут отстоять права, гарантированные уже принятым законом.

Сочинить даже самый замечательный закон в нашей стране - полдела. Вот пример. Полгода назад Мосгордума билась над принятием закона "Об обеспечении беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной, транспортной и инженерной инфраструктур г. Москвы". Закон-то вступил в силу, но он полностью дублирует положения федерального закона о соцзащите, принятого еще в 1995 году. Интересно, если московские владельцы и арендаторы объектов соцкультбыта в течение шести лет плевали на федеральный закон, будут ли они исполнять решения Мосгордумы?

То же самое можно сказать и о Барнауле. Наши инвалиды уже более тридцати раз обращались лично к мэру Барнаула Владимиру Баварину с просьбами оборудовать те или иные учреждения. Им ни разу не отказали. Это здорово. Но говорит это, к сожалению, лишь о замечательных душевных качествах руководителя города, но никак не о соблюдении на территории краевого центра федерального законодательства.

Постановлений и распоряжений много. Распоряжение администрации края № 1449 от 09.01.1997 обязывает оснащать социальные объекты федеральной собственности оборудованием, облегчающим доступ в них маломобильным гражданам. Одно из распоряжений главы местного самоуправления, вышедшее два года назад, обязывает согласовывать проекты новых учреждений с общественными организациями инвалидов... Список, наверное, можно продолжать и дальше. Вот только становится ли легче от этих бумажек барнаульским инвалидам?

Иван Жбанов (Улан-Удэ), "МК в Бурятии", "БГУ: рэкет или благотворительность"

Иван Жбанов опубликовал целую подборку материалов, посвященных проблемам Бурятского государственного университета. На конкурс был представлен нижеследующий...

“БГУ: рэкет или благотворительность”

Родители студентов жертвуют миллионы рублей, преподаватели отдают часть своей мизерной зарплаты - и все в благотворительный фонд, учрежденный несколькими лицами.

Вольно или поневоле?

Поначалу “МК” не предполагал вести никакого расследования. Была идея написать аналитическую статью, как всегда, обычную, добрую. Тема – успеваемость в улан-удэнских вузах “платных” и “бесплатных” студентов. Однако в плановом отделе БГУ, в отличие от других вузов, к просьбе дать необходимую статистику отнеслись весьма настороженно. “А кто вы такой? А зачем вам? А про что будет ваша статья?” - недоверчиво косились на меня сотрудницы. В конце концов без санкции ректора сообщать что-либо отказались. Неужели государственному вузу есть что скрывать от прессы? Оказалось, есть.

Подарок от правительства

Как-то до обидного незаметно произошло в стране одно знаменательное событие: теперь с 1 января 2001 г. по постановлению правительства государство компенсирует всем гражданам деньги, потраченные на лечение и обучение в этом году. В счет подоходного налога. Например, если в этом году ваш доход был указан в 50 тысяч рублей, то налог с него начислят 6 тысяч. Если ваше чадо учится в каком-либо вузе на платной основе и вам пришлось заплатить за него, например, 15 тысяч, то через федеральное казначейство вам вернут 6 тысяч.

Для возврата денег в семейный бюджет необходимо принести в налоговую инспекцию декларацию о доходах, свидетельство о рождении и документ об оплате. Если подобные акты государства к своим гражданам станут правилом, а не исключением, то когда-нибудь мы проснемся при социализме европейской модели. Замечательно, правда?

Добровольцы поневоле

Не знаю, как в других вузах, но родителям студентов БГУ это постановление что мертвому припарка - не поможет. Все дело в том, что в контракте прописана фиксированная цена, установленная приказом ректора. Но, по словам студентов, деньги за обучение приходится платить в две кассы. В этом вузе с 1998 года существует благотворительный фонд развития университета. Причем большая часть процентов (около 70%) по контракту идет в этот фонд. То есть часть оплаты приобретает вид добровольного пожертвования. По закону деньги, отданные на благотворительные нужды, возврату не подлежат. Так что всех денег, отданных на обучение, в семейный бюджет не вернуть. Хотя, если внимательно прочитать контракт, там нигде не указывается, что часть денег идет на благотворительность.

Каковы же могут быть размеры ежегодных пожертвований в фонд развития БГУ? Всего в госуниверситете на очном отделении учится 6183 человека. Из них на коммерческой основе - 879. За один год обучения студенты разных факультетов кладут на алтарь просвещения от 10 до 18 тысяч. Если подсчитать прошлогодние благотворительные взносы, то получается, что все учащиеся БГУ должны были внести 13 миллионов 702 тысячи рублей. Если сам вуз получил процентов 30, то в

“фонд развития университета” должно было уйти почти девять миллионов рублей. И это только за прошлый год.

В уставе фонда есть пункт о материальной поддержке преподавателей, молодых ученых, студентов. Фонд учредили шесть частных лиц, среди которых ректор С.Калмыков и два проректора - Ц.Доржиев и А.Голых. Распоряжаться ими учредители могут по своему усмотрению.

Всего преподавателей в БГУ - 864 человека. Если поделить фонд на всех педагогов, то на каждого получится почти десять тысяч рублей в год. Вроде мелочь. Но, с другой стороны, на девять миллионов можно ежегодно обеспечивать с десяток молодых ученых квартирами. Ни одного подобного факта никто из опрошенных преподавателей припомнить не смог. Мало того, как удалось выяснить, преподаватели сами жертвуют часть своей скромной (от 500 до 1500 рублей) зарплаты в другой фонд - фонд развития факультета. Туда же все первокурсники после поступления отдавали по одной тысяче рублей, из рук в руки, как они сами говорят, “за прописку в универе”. Эти финансовые ручейки в наших прикидках и вовсе не учитываются.

Официально в БГУ никто не просит и не настаивает делать благотворительный взнос. При этом вряд ли кто будет задаваться различными вопросами на эту тему. В контракте много пунктов, посвященных отчислению. Довольно странно выглядит следующая формулировка причины отчисления студентов: “...за нарушение правил внутреннего распорядка университета и несоблюдение Устава, а также за другие нарушения, порочащие звание обучающегося в университете”. Что подразумевает собой “звание обучающегося” и какие нарушения могут его опорочить, в контракте не поясняется. Не поясняется, но отчислить из университета могут “без предварительного уведомления”. А это, извините, звучит как “расстрел без суда и следствия”. И посему любые крамольные мысли студентам лучше держать при себе.

Да и, в конце концов, бог с ними, со студентами, - денежки-то родительские. Поражает отчаянная филантропия самих педагогов. Одна знакомая преподавательница в разговоре как-то жаловалась: “Мне перед студентами стыдно бывает, потому что я хуже их одеваюсь, зарплаты только на самое необходимое хватает - на проезд к рабочему месту, на обед да на туалетную бумагу. В то же время руководство вуза может позволить себе менять машины...”.

Однако БГУ - университет не частный. Зарплату преподавателям платит государство. Да и должность ректора выборная. Правда, говорят, что на прошлых выборах была всего одна кандидатура - Калмыкова. Больше никто не решился. Такая вот странная демократия в БГУ. Но это уже другая история...

Теперь задумаемся: что такое благотворительность? Например, попросит у вас бедный человек на улице копейку - вы ему добровольно жертвуете. Творите благо. Опять же, если вы даете нуждающемуся сами, добровольно, но опасаясь, что в противном случае вам же хуже будет, то это уже называется по-другому.

Отметим также, что благотворительность не облагается ни федеральными, ни местными налогами. Это уже проблемы налоговой инспекции.

Деньги в кассу за воздух

Помнится, на заре перестройки в передаче “Что? Где? Когда?” ведущий поставил американского игрока в тупик вопросом: “За что, чего у нас нет, нам приходится платить?”. Оказалось, правильный ответ - налог на бездетность (был такой в СССР). Или как еще его в народе называли: “налог на яйца”. Времена развитого социализма ушли, унося с собой свои абсурды. Но, видимо, у каждого времени свои “налоги на яйца”. История эта вспоминается, когда в контракте БГУ читаешь права и обязанности сторон. “Если вы заплатили деньги за обучение, но не захотели продолжить образование в данном заведении, деньги вуз не вернет”.

В прошлом году из БГУ было отчислено, ушло по собственному желанию, перевелось в другой вуз 244 человека. 47 из них были платными студентами. 702000 рублей - примерно такую сумму оставили в вузе студенты за неоказанную услугу.

Сами педагоги говорят, что “платных” студентов стремятся не отчислять, их “тянут”. Но, как выяснилось, и среди них есть случаи отчисления за неуспеваемость. Например, на медицинском факультете в прошлом году по итогам сессии было отчислено четверо несостоявшихся эскулапов. Радует, что в БГУ понимают: выпускать на медицинском факультете бракованных специалистов - это преступление. Однако брать деньги за неоказанную услугу - тоже преступление.

Все в прокуратуру!

Во Владивостоке выпускники Приморской экономической академии недавно подали иск в прокуратуру. Молодые специалисты требуют вернуть им все деньги за пять лет обучения. Можно, конечно, рассуждать: образование приобрели, деньги уплатили, чего еще? Но бунтари считают, что их добровольные взносы были просто-напросто безличной формой вымогательства. И там студенты тоже платили за образование во внебюджетный фонд. Причем все, поголовно. По этому факту возбуждено уголовное дело. Однако ректор оказался не промах - он оперативно ликвидировал фонд и тут же, дабы не прерывать процесс поступлений в кассу, учредил новый. Владивосток - город крупный, развитой, но и там осмелились подать голос только лишь выпускники. В нашей маленькой столице такое представляется с трудом. Тем более в БГУ, где среди студентов и педагогов повально царит дух односторонней филантропии.

Председатель союза потребителей Игорь Баертуев говорит, что до сих пор никто из отчисленных или ушедших из вуза не пытался высудить назад свои деньги. Был один случай в прошлом году, когда родитель студента, прервавшего образование, обратился к нему с просьбой выяснить: можно ли ему высудить деньги назад? Но и тот впоследствии куда-то пропал. Хотя юрист уверен в том, что это сделать можно.

Сейчас городским союзом потребителей подан иск в Советский суд на изъятие из контракта БГУ “О подготовке специалиста с высшим образованием” пунктов, где невнятно говорится о причинах отчисления из вуза и пункта о невозврате институтом денег в случае, если по любой причине студент ушел, недоучившись. После признания этих пунктов недействительными, любой, кто считает, что благотворительность в одностороннем порядке - вещь не совсем справедливая, может попытаться отсудить назад свои кровные. При этом не надо будет мотать себе нервы, достаточно написать доверенность на имя Игоря Баертуева.

Дополнительную информацию все заинтересованные лица могут получить в городском союзе потребителей или по телефону 06 911.

P.S. Главное в этой истории то, что будущие специалисты на живом примере своей альма-матер усвоят наверняка, каким должно быть государственное учреждение. Лет пять назад внимание местных СМИ было приковано к смуте в ВСГТУ. Возле стен “техноложки” стояли пикеты студентов и их родителей. Они требовали прекратить бесконечные поборы на различные нужды вуза. То было становление платной системы образования. Сейчас в ВСГТУ поборов, подобным в БГУ, нет, да и ректора сменили на другого. В последнее время в городе было создано множество различных студенческих организаций - вот бы кому разобраться с правами и обязанностями вуза. Однако складывается впечатление, что они существуют лишь номенклатурно, по указке сверху.

Прошу считать эту публикацию официальным обращением

в прокуратуру РБ.

Владимир Тихомиров (Чита), “Эффект”, “Лесные братки добывают “зелень” в открытую”.

Лесные братки добывают “зелень” в открытую

Жаркий летний день в районе Карповских озер, что недалеко от Читы. Сотни горожан безмятежно купаются и загорают у живописных озер, обрамленных прекрасным сосновым лесом. Обычно такой лес называют парковым, и служит он людям исключительно в целях оздоровления, производит фитонциды и радует глаз.

В прошлые годы, когда удавалось побывать здесь, слышал щебетание птиц, тихий шорох сосновых веток и звон кузнечиков. Но нынешним летом, приехав сюда воскресным днем на отдых с семьей, услышал другое – пронзительный визг бензопил, лязганье гусеничных треков и рев КамАЗов: в лесу почти вплотную к узкой полоске пляжа шла интенсивная заготовка древесины. Лес стонал от насилия, вековые сосны спиливались, тут же освобождались от кроны, а затем вырезался “стандарт” – часть между комлем и вершиной размером не менее 40 см в диаметре. Рядом сносили “лица китайской национальности”, которые руководили этими работами и погрузкой древесины на лесовозы. Один за другим отправлялись они с лесосеки. Ясно куда – на ближайшую станцию, чтобы уже по железной дороге ценнейшая древесина была отправлена за рубеж, в Китай.

А что же нам, читинцам, забайкальцам? А нам остались обрезки и ветки, столканные кое-как бульдозерами в кучи, до сих пор представляющие пожароопасную среду. Нам – искореженные лесные вырубki и мрачный вид “мамаева побоища”. Таков сегодня “лесной пейзаж” в курортной, по сути, зоне близ Читы, в одном из любимейших уголков отдыха читинцев и жителей окрестных сел и поселков.

Сегодня наше общее природное богатство – лес – на глазах у власти превращается в объект разграбления в интересах “лесных братков”, которые наплевали на интересы общества и с позволения глухих и слепых органов власти извлекают из “зеленого золота” обыкновенную валютную “зелень” – доллары. По всему Забайкалью лесные разбойники стремятся урвать самую ценную древесину, отобрать установленные

иностранными государствами “стандарты” (бросив все остальное), вывезти их и продать перекупщикам. Последние, в свою очередь, доставят древесину за границу, чаще всего в Китай, и продадут по демпинговым ценам, то есть значительно дешевле мировых рыночных цен – лишь бы получить валюту.

Браконьеры зачастую никого не боятся – действуют нагло и открыто. Картину, подобную той, что предстает сегодня в районе Карповских озер, можно видеть повсеместно. Довелось мне видеть подобное и близ пригородного поселка Кука. Лесные варвары под охраной стриженных молодцов, подъехавших на иномарках, уничтожали таким образом парковую рощу. Но власть и милиция не спешили им в этом помешать.

Все это возникло не на пустом месте и имеет свою историю. В 1992 году бывшее мощное объединение “Чита-лес” быстро распалось. Было создано первое ТОО “Эксилема” - и это стало сигналом директорам лесозаготовительных предприятий к выходу из объединения. Появилось множество ТОО, АО и прочих структур, которые решили жить и обогащаться самостоятельно. Что можно сказать по этому поводу? Да, в зарождавшихся рыночных отношениях, безусловно, следовало менять стиль и методы управления отраслью. Но чтобы вот так, сразу, в такой уязвимой отрасли, как лесопромышленный комплекс, резко уйти от государственного регулирования – это было большой ошибкой. В результате быстро распалась система материально-технического обеспечения, рабочего продовольственного снабжения, перестали строиться и благоустраиваться поселки лесозаготовителей, дороги, прекратилась подготовка кадров для отрасли. В то же время многие горели желанием заработать иностранную валюту на приграничной торговле лесом, прежде всего с Китаем. Однако, не имея достаточного опыта в сфере внешнеэкономических связей, часто просто прогорали. В 1993 году (пик неуправляемой приграничной торговли) через Забайкальский пограничный переход в Китай из сотен тысяч кубометров леса и лесопродукции в соответствии с международным стандартом качества прошло лишь 0,56% экспортного состава. Более того, многие лесозаготовительные предприятия не выполнили свои обязательства перед партнерами по заключенным договорам, а иногда везли за границу просто гнилой лес. Это, кстати, вредит до сих пор. Соседние страны опасаются заключать контракты с мелкими заготовительными организациями, а требования к качеству поставляемого леса и лесопродукции повышаются.

Сегодня весь лесопромышленный комплекс области напоминает лесосеку, по которой варварски прошли лесные браконьеры. До начала 90-х в области заготавливалось от 5 до 8 млн. куб. м древесины ежегодно (всеми пользователями), и это давало 30-35% совокупного дохода области. Теперь этот показатель в 10 раз меньше. В отрасли работало более 14 тыс. человек, люди обживали 38 поселков лесозаготовителей. Теперь две трети кадрового состава остались без работы, а те, кто еще работают в отрасли, получают одну из самых низких заработных плат среди отраслей – почти наравне с работниками сельского хозяйства. По данным облстата, за первое полугодие 2001 года на предприятиях лесной и лесоперерабатывающей промышленности доля работников, получающих зарплату ниже среднеобластного уровня составила 97%(!). Зато количество “лесных братков”, промышленяющих лесом браконьерским способом, возросло стократно, и они имеют баснословные барыши.

О причинах такого явления писалось и говорилось много: это и отсутствие государственного регулирования рынка лесопродукции, кратно возросшие тарифы на железнодорожные перевозки, удорожание техники и НСМ, потеря отечественных

рынков, прежде всего в Средней Азии, и т.д. Но есть здесь, думается, и другая сторона. О которой говорится мало. Зададимся вопросом: почему так пассивна власть, часто демонстрирующая настоящее бессилие перед лесными разбойниками, почему сами руководители многих лесозаготовительных организаций и предприятий годами мирятся с бесчинствующими браконьерами и перекупщиками древесины?

Нетрудно прийти к выводу, что все это делается небескорыстно, ибо в мутной воде, а вернее в темном лесу, можно добыть много “зелени” – вождельной конвертируемой валюты. Не будем ничего выдумывать, обратимся к цифрам и фактам. По данным комитета природных ресурсов, расчетная лесосека области в 2000 году была утверждена в размере 13 млн. 572 тыс. 100 куб. м древесины. А практически рубка леса составила от этого объема 6,4%. Это столько вырублено официально, легитимно. Сколько же вырублено нелегитимно, в обход всех правил, без уплаты налогов и проч. – кто подсчитает? Выходит, что мы, жители области, мало что получаем от нашего общего богатства, отдавая лесосеку на разграбление наглым лесным расхитителям.

Зачастую, как отмечают работники лесной прокуратуры, главы администраций районов предоставляют представителям частного бизнеса участки лесного фонда без проведения обязательных в таких случаях аукционов – надо полагать, сообразуясь с далеко не общественными интересами. Прокуратура отмечает поразительный факт: в 1999 году было выявлено 570 случаев незаконной заготовки древесины, в 2000 году – 370 случаев, а вот меры административного и уголовного воздействия к ним не применяются, и “только по требованию прокуратуры Читинское управление лесами в декабре 2000 года передало три материала по фактам незаконной порубки леса”. Кстати, только по одному из них ущерб для государства составил 155206 рублей.

Прокуратура отмечает также “нежелание отдельных ведомств органов и учреждений заниматься выявлением и наказанием недобросовестных предпринимателей и юридических лиц, пресечением незаконного оборота древесины”. Логика подсказывает, что такое “нежелание” зиждется не на пустом месте. Чем объяснить, как не корыстными интересами, что лесхозы не передают материалы о нарушениях в ОВД, а незаконно заготовленная древесина либо используется самими недобросовестными заготовителями, либо передается перекупщикам? Пункты скупки леса всем известны, но они годами не проверяются ни милицией, ни налоговыми службами.

Все эти данные взяты из материалов прокуратуры, и наводят они на печальные размышления.

Но, думается, до власти все же доходит, что лесозаготовительная отрасль должна возрождаться. Сегодня органами ТЭК области разрабатывается программа восстановления лесозаготовительного комплекса региона. В ней, судя по информации ответственных работников ТЭК, предусмотрены и налоговые льготы эффективным начинающим предприятиям, и аренда лесных участков на выгодных условиях, и лизинговая система технического обеспечения, и многое другое. Программа, конечно, нужна, слов нет. Но вот не дает покоя вопрос: а будут ли ее выполнять на местах, в районах, не встретится ли она с откровенным или скрытым саботажем? Опасение вполне обоснованно, ибо огромное число лесных браконьеров с позволения самих же руководителей отрасли и ряда районов стригут “зелень” с наших забайкальских лесов. А те, кто позволяет это делать, думается, тоже остаются

не в накладе. Так что проблема стоит комплексная – экономическая и правоохранительная.

Светлана Сиваковская_(Новосибирск), “Погорельцы”, “Советская Сибирь”

Светлана Сиваковская (Розанова) - образование высшее архитектурное. В “Советскую Сибирь” пришла 1 апреля 1999 года и считает, что шутка оказалась удачной. Ранее работала в газетах “Момент истины” (корреспондентом, ответственным секретарем и заместителем редактора) и “Ведомости” (обозревателем по социальным проблемам), сотрудничала с другими городскими, областными и центральными изданиями.

“Отметилась” практически во всех газетных жанрах и специальностях, включая работу в секретариате. На сей день состоит в штате газеты “Советская Сибирь”, где и работает зав. отделом по работе с органами местной государственной и муниципальной власти. Основные темы – работа и взаимодействие властных структур, социальная проблематика, а также промышленность и строительство.

Автор графической модели пятничного выпуска газеты “Советская Сибирь”.

“Погорельцы”

Улица – “за”, суд – “против”

В прошлую субботу Слава, Наташа и Саша Марковы 10, 11 и 12 лет от роду, ушли в школу и не вернулись. Исчезли, и все. Мать и соседи сначала ждали, волновались и обзванивали знакомых, а потом бросились в милицию – разыщите! Вы, наверное, думаете, что так случаются несчастья и совершаются преступления? Все правильно, но в данном случае таким вот странным манером вступило в силу решение суда о частичном ограничении родительских прав. Никого не предупредив, братьев и сестру забрали на “гособеспечение”.

Так что же все-таки случилось?

Саша, Наташа и Слава четыре года жили в сарае. Вместе с непутевой – пьющей и работающей только изредка – мамой Мариной. Жили с тех самых пор, как сгорел их не большой и не роскошный, но все-таки родной дом на улице Серафимовича, 77. Пожар перевел в разряд первостепенных целый ворох юридических “заморочек”, которые раньше никому не мешали. Например, то, что Саша, Наташа и Слава – Марковы, а мама Марина – Шипулина. И то, что она в отличие от сыновей и дочери на пожарище не прописана: брак родителей был гражданским, и детей оформляли по установлению отцовства. Она вообще нигде не прописана – иногда кажется, что это относится не только к обгоревшим квадратным метрам, но и к обычной человеческой жизни.

Глава семейства умер год назад, и на какие деньги жили Марковы-Шипулины, сказать трудно. По всем правильным государственным законам детям положена пенсия. Но ни пенсий, ни детских пособий мама Марина не получала. Паспорт ее сгорел, и в какую дверь стучаться с этой бедой, она так и не поняла. Свидетельства о рождении детей и документы об установлении отцовства Марина кое-как восстановила. Что же касается “краснокожей книжицы”, то паспортные столы

перебрасывают проблемы погорелого семейства, как легковесный теннисный мячик. И справку об учете не дают – хоть убей.

- Вы давно здесь не прописаны, - говорят в Октябрьском районе, где когда-то “значилась” мама Марина. И предлагают ехать в паспортный стол по месту жительства. То есть по месту регистрации сгоревшего дома. Мол, там одновременно и пропишут, и паспорт выдадут. А в Кировском районе прописывать Марину тоже не торопятся – юридически она здесь как будто никогда и не жила.

Помогите, люди добрые!

В прошлом году сосед Марковых, инвалид войны и ветеран-активист Василий Данилович Реуш, обратился в клуб избирателей. К депутату областного совета Геннадию Бессонову и его команде. Помогайте, мол, люди добрые! Не смогут ребяташки прожить зиму в своем сарае – нет у них ни угля, ни еды, ни одежды. И люди, к которым пришел Василий Данилович, на самом деле оказались добрыми. Купили три тонны угля, всем клубом собрали и привезли одежду, обувь и подушки. Один так целую сумку из дома притащил с вещами для старшего Маркова – Саньки. Бессонов и активисты клуба подбросили ребятам деньжонок на питание и занялись самым трудным делом – восстановлением документов. Тех самых, что сгорели вместе с домашней утварью.

Добровольные помощники

Документами Марины занимаются с ноября прошлого года. Занимаются – не то слово. Два месяца пришлось “выбивать” один только акт о пожаре. Тем временем Саньку приютила семья Кузьминых – по-соседски. Кормят, пытаются пододеть и, главное, любят. “Мы с ним давно уже дружим, - улыбается глава семейства. Анатолий Викторович. - Нормальный парень, и мне, как внук. Он все умеет делать: и огород вскопать, и баню затопить, и в магазин сходить. Но семье этой нужна помощь. Мать надо хорошо полечить, потому что сама она пить не бросит, а ребяташкам оформить документы. Мы стараемся и вместе делаем для них все, что можем. А ребята хорошие - с такими только в бой идти”.

В клубе избирателей мне рассказали, что директор 109-й школы отзывается о ребяташках Марковых очень даже неплохо. Учатся, конечно, не блестяще, но крепко и ведут себя вполне прилично. Когда я пришла к ним в первый раз, третьеклассник Слава, оставшийся дома за хозяина, чистил двор от снега. Летом ребяташки вместе с Мариной сядят на огороде картошку, огурцы, редиску. Словом, люди серьезные и самостоятельные. Вот только с мамой им не повезло.

Они – живые

О том, что дети живут в сарае, а мама пьет, знали все – школа, районная прокуратура, Кировская администрация... Давно были оформлены документы в суд: прокурор Кировского района подал исковое заявление о лишении гражданки Шипулиной родительских прав. Одна из причин – неспособность вышеупомянутой гражданки “выправить” необходимые бумаги. Да чего уж там прокурор! Ежу понятно: есть за что лишать Марину родительского звания. И пьет она, и в доме шаром покати. На суде обещала “исправиться”, слезно просила оставить детей, а на следующий день – снова в запой.

Так что формально судей и прокурора понять можно. Если ты мать – дети твои, а если по собственной воле еженедельно превращаешься в красномордую пьяную тетку – не обессуди. Вот только... Вас ничего не смущает в этой логике? Давайте еще раз: “хорошей” маме дети положены, а у “плохой” их отберут. Как несправедливо нажитое имущество. Как вещь. А они живые! И улыбчивый Санька, и серьезный Слава, и сияющая веснушками Наташа.

Василий Данилович – от имени всех соседей – тоже обратился в суд. Просил не лишать Марину родительских прав и объяснял, что ребяташки взяты под опеку штабом депутата областного совета и всегда находятся под присмотром соседей. “Дети помогают матери по домашнему хозяйству, уважают старших и сверстников, никогда не сквернословят, не трогают чужого, не делают пакостей, ведут себя скромно и приветливо”, - перечислял в заявлении Василий Данилович. У ребяташек Марковых с Василием Реушем и заборы, и огороды смежные. Но чтоб какое-нибудь баловство – такого никогда не бывало.

Чего добивались соседи Марковых и Бессонов сотоварищи? Они хотели оформить Марине все нужные документы и добиться того, чтобы детей поместили в интернаты по типу “пятидневки”. Тогда бы пенсии и пособия “ушли” из распоряжения Марины на счета ребяташек, но без того, чтобы окончательно оторвать братьев и сестру от дома. Соседи по улице знали Сашу, Наташу и Славу с рождения, видели, как они любят мать, как стараются ей помочь. Они вместе мечтали и строили планы, как приведут в порядок свой дом. Даже новые дареные подушки решили побережь до новоселья. “Вот сделаем ремонт, - решительно отмел мои сомнения Саша, - тогда и до подушек дело дойдет. А пока пусть полежат”.

И было утро...

Сколько теперь лежать этим подушкам и как пойдут дела с ремонтом, непонятно. Самое обидное, что именно утро той самой субботы, когда “исчезли” дети, подарило им надежду на скорое новоселье. В тот день к Марковым приехали соседи и Геннадий Бессонов, подошли из соседних домов Василий Реуш, Андрей Верещагин и Анатолий Кузьмин – осмотреть дом и прикинуть объем будущего ремонта. Наметили, чем заняться в первую очередь, и решили начать работы, как только сойдет снег. “Старшим” определили дядю Толю Кузьмина – чтобы присматривал за строителями. А все расходы взяли на себя Шишкин с Бессоновым. Наташа хвостом ходила за “строительной комиссией” и улыбалась во все щеки. Санька сиял. А потом мама Марина сказала им, что пора идти в школу...

До сих пор боюсь думать о том, как их увозили. В который раз говорю себе, что чистые кровати и светлые комнаты лучше, чем тесный сарай, где на одной сооруженной из чего попало лежанке спит Саша, а на другой – вместе с матерью – Наташа и Слава. Но разве жизнь раскидаешь на плюсы и минусы? Перед глазами почему-то стоят не теснота и неустроенность, а чистенькая школьная форма на плечиках, висящих на натянутой через комнату веревке, аккуратная стопка учебников на столе, счастливые улыбки Саньки, Славы и Натальи – обычных, не слишком богато одетых детей без всякого налета “бомжеватости”. Никак не могу заставить себя поверить в то, что сейчас они тоже улыбаются...

P.S. Когда начиналась работа над этим материалом, у Геннадия Бессонова и его команды в отношении Марковых-младших были две большие задачи. Во-первых, привести в порядок документы Марковых-Шипулиных, во-вторых, восстановить их

погоревший дом. Теперь к этим задачам прибавилась еще и третья – сделать так, чтобы Марина вернулась к нормальной человеческой жизни, а дети – домой.

Елена Костина (Новосибирск), “Советская Сибирь”, “Голод – диагноз, который поставил Игорю врач”, “Диагноз “голод” снят”.

Костина Елена Валерьевна (псевдонимы Гагина, Молостова) - заведующая отделом писем и социальных проблем областной газеты “Советская Сибирь”. Выпускница отделения журналистики Томского государственного университета 1990 года. Победитель регионального творческого конкурса журналистов 1996 года, проводившегося Союзом журналистов в номинации “Оригинальная разработка темы”, и ряда других конкурсов.

Основная тематика – социальная.

Авторские рубрики: “Ступени” – на темы воспитания и “Азбука потребителя”.

Одно из главных направлений работы – обратная связь с читателями. Провела четыре подписных кампании газеты “Советская Сибирь” и два анкетирования с участием 700-750 респондентов на тему содержания газеты, графического исполнения и т.д. Слабостей несколько. Симпатия к детям. Сочувствие к старикам. И явное предпочтение, отдаваемое аналитическим и художественно-публицистическим жанрам перед информационными.

Увлечение – защита трудовых прав работников редакции перед администрацией в качестве председателя профкома и секретаря первички Союза журналистов.

Голод – диагноз, который поставил Игорю врач

Ему вызвали “Скорую помощь” на вокзал Омска, куда он только что прибыл поездом из Волгограда. Медики отвезли худенького, бледного паренька в больницу, поставили капельницу, чтобы поддержать силы, а через сутки отправили восвояси потому, что ни страхового полиса, ни денег, ни паспорта с российским гражданством у Игоря Попова не было. Он добрался до вокзала, сел в поезд, идущий через Новосибирск, и прибыл в наш город.

Бывший детдомовец, от которого 21-летняя мама отказалась в родильном доме, не имеющий ни одного родственника на бескрайних просторах России, скитается не первый год. Он привык голодать, ночевать на вокзалах и в грязных холодных подъездах, потому что подъезды хороших домов закрываются на кодовые замки, и, в общем-то, уже привык к малопочетному титулу БОМЖ. В той медицинской справке так и записано крупными заглавными буквами – БОМЖ. А еще диагноз – голод! Чего у него, действительно, нет, так это места жительства. Зато есть горячее желание обрести работу и крышу над головой.

Почему нас тронула судьба именно этого парня, спросите вы и, вероятно, будете правы. Каждый день мы проходим мимо даже не единиц, а десятков опустившихся людей без возраста, без лиц... Ведь не хватаем их за руку, не тащим в редакцию и не выносим их портреты на первую полосу с заголовками: “Помогите! Откликнитесь, люди добрые!”. Наверное потому, что он не опустился на дно. Барахтается, барахтается, пытаюсь выбраться наверх, только не очень-то у него получается.

Последние два года Игорь Попов жил в доме у пожилых супругов в селе Вязовка Еланского района Волгоградской области. Тетю Нину и дядю Сашу, как их по-детски называл Игорь, отыскали в 1998 году наши коллеги, волгоградские журналисты. Хозяева, решившие пригреть сироту, выделили Игорю комнату в своем доме и доверили ему присматривать за хозяйством. Летом паренек пас скот, помогал на огороде, зимой на пару с хозяином пилил дрова, убирал навоз за коровами, свиньями, козами, которых тетя Нина и дядя Саша держали в большом количестве. Хозяева на него не жаловались, и он был доволен. Игорю казалось, что между ним и пожилыми супругами возникли доверительные, очень добрые отношения. А недавно все рухнуло.

Из Туркменистана возвратился с семьей сын тети Нины. В доме стало теснее, но главное не это, а то, что приемыш оказался не по душе ни молодому хозяину, ни его жене. Старшие пытались его защищать, но в итоге Игорю было заявлено без обиняков: “Убирайся отсюда!”.

Сынок, вероятно, не знает, что его мама, сердобольная тетя Нина, купила Игорю билет на поезд до Омска, на котором он и прибыл в Сибирь.

Игорь очень тепло вспоминает об этой женщине, особенно о том, как они вдвоем писали письма в передачу “Ищу тебя” в надежде разыскать постаревшую и, возможно, помудревшую маму, Попову Надежду Юрьевну. Все четыре письма остались без ответа.

Так закончился недолгий период спокойной, стабильной, как сейчас принято говорить, жизни, и снова для Игоря начались скитания.

Когда-то, около десяти лет назад, директор керченской вспомогательной школы-интерната, провожая выпускников в большую жизнь, сказал: “У многих из вас никого нет. Но вы теперь взрослые и должны сами заботиться о себе”. Подростки, выросшие на полном государственном обеспечении, плохо представляли себе, что такое “сами”. К тому же у кого-то обнаружились дальние родственники. Сережку, соседа по кровати и приятеля, забрала к себе бабушка. А такие, как Игорь, шагнули в неизвестность.

Теперь-то Игорь понимает, что ему очень повезло тогда, в начале девяностых, найти работу на керченском судостроительном заводе “Залив”. Дали комнатку в общежитии, платили не роскошную, но все же позволяющую не бедствовать зарплату. Парень, несмотря на разношерстное окружение и отсутствие строгого и родительского глаза, не пил, не попадал в переделки с сомнительными компаниями, а строил робкие планы на будущую счастливую семейную жизнь.

Вскоре завод попал в шторм финансовых потрясений, начались массовые сокращения, и детдомовец в числе первых оказался за железными воротами. Нового пристанища Игорь Попов себе не нашел и отправился путешествовать. В Анапе главный врач одной из больниц взял его сантехником. Четыре месяца Игорь жил в слесарной подсобке, получал шестьдесят рублей и был благодарен судьбе за эту милость. А потом нагрянула комиссия... и “прямо от порога дальняя дорога...”.

Ему еще не раз удавалось находить временный заработок. Слесарил, был рабочим на стройке, подряжался с бригадой сварщиков... А потом ему все равно говорили “До свидания!”. Потому что объект сдавали, а новой работы не было. Особенно тяжело

приходилось зимой. От холодной смерти нередко Игорь спасался в монастырях. В благодарность божьим людям помогал по хозяйству как умел.

Случались голодные дни и недели. В один из таких периодов Игорь совершил поступок, расплатой за который стали не только и не столько пять месяцев колоний, сколько... недоверие. Недоверие, которое будет испытывать к нему всякий встреченный на пути человек. И вы, которых я хочу попросить помочь Игорю Попову. Он копал картошку на чужом огороде. Был схвачен за руку хозяином и препровожден в милицию.

Теперь он не берет чужого, а только просит, причем не милостыню просит, а возможность самому заработать на хлеб. В понедельник, когда Игорь Попов пришел в редакцию, мы первым делом из редакционной кассы выделили деньги на питание. Он не ел почти двое суток. А потом связались по телефону с центром срочной социальной помощи. Мы надеялись найти для Игоря ночлег на несколько суток, пока будет решаться его судьба.

Оказалось, что в последние дни на места в ночлежке очень много претендентов, и нет гарантии, что нашему протеже улыбнется удача. К тому же дом ночного пребывания принимает только БОМЖей с паспортами, а у Игоря на руках только украинское свидетельство о рождении, где записаны имена вымышленного “батько” и никогда не виданной сыном “мати”.

Паспорт у И.Попова, спавшего в электричке, выкрали еще в 1998 году. “Почему не восстановил документ?”- спрашиваем. “Потому что без регистрации по месту жительства паспорт не дают, а места жительства нет...”

Как вырваться человеку из замкнутого круга? Чтобы не умереть, надо иметь средства к существованию, а значит, либо работать, либо... воровать. Он хочет работать. Однако на работу без паспорта его не возьмут, а паспорта нет, потому что... И все заново.

Мы решили обратиться к нашим читателям, которые в силах помочь этому молодому и, поверьте, еще не потерянному для общества человеку. К главам районов, к руководителям предприятий, промышленных и сельскохозяйственных, Игорь хорошо знаком с сельским трудом и готов поехать куда угодно, лишь бы был угол и кусок хлеба. Может, у вас найдется кров и работа для этого человека?

Мы ждем звонков по телефонам отдела писем редакции:

54-28-07 и 54-01-32.

В понедельник, когда мы не смогли пристроить Игоря на ночлег, он ушел просто на улицу. На прощанье сказал: “Не беспокойтесь, на вокзале я найду, где переночевать. Привычный”. Каждое утро он будет звонить в редакцию и спрашивать: “Кто-нибудь откликнулся?”

Диагноз “голод” снят

Неделю назад мы поместили статью “Голод” - диагноз, который поставил Игорю врач”, в которой рассказали о судьбе бывшего детдомовца. Игорь Попов пришел к нам в редакцию и попросил помощи.

Мы всегда знали, что наши читатели – добрые, благородные, отзывчивые люди, но не предполагали, что отклик на эту публикацию будет таким массовым. Нам звонили из разных уголков области самые разные люди: пожилые супруги, оставшиеся без детей, руководители крупных предприятий, знаменитые фермеры, чиновники администрации области, академик РАН Владимир Елиферьевич Накоряков. Спасибо всем огромное от имени Игоря и от имени редакции “Советской Сибири”.

Где сейчас Игорь и как он себя чувствует? Поправляет здоровье в больнице. Главным образом отсыпается и отъедается. В прошлую пятницу утром, когда я приехала его навестить, привезла фрукты, сок в гостинец от редакции и от читателей, Игоря сначала долго не могли найти, а потом вспомнили: “Так он же, наверное, еще завтракает!” Судя по тому, что было уже начало десятого, парню, порядком отвыкшему от утреннего приема пищи, этот процесс очень нравится. Наконец он показался в коридоре, худой, но улыбающийся. И в глазах его появился живой блеск. Мы прошли в небольшую палату и поговорили.

В день нашего знакомства Игорь благодаря полученным в редакции деньгам поужинал и нашел ночлег в гостинице на вокзале за 90 рублей. А утром он отправился в центр срочной социальной помощи, что на Владимировском спуске. Сотрудники центра созвонились с Семеном Яковлевичем Шрайфелем, заведующим наркологическим отделением восьмой больницы, и попросили его хоть на какое-то время взять Игоря к себе. Так наш подопечный оказался под присмотром медиков.

С Семеном Яковлевичем, доктором, которому мы очень благодарны за участие в судьбе Игоря. Довелось познакомиться в самый мужской день в году – 23 февраля.

Первый вопрос – о состоянии здоровья И.Попова. С.Я.Шрайфель сказал, что Игорь ослаблен, наблюдается дистрофия, но все же диагноз “голод”, поставленный омским врачом, преувеличение. Полежит, наберется сил, и все будет в порядке. Второй вопрос, неизбежный в этих стенах, - нет ли у Игоря Попова пристрастия к алкоголю или наркотикам, ставшим страшным бедствием пореформенной России. При том образе жизни, который вел Игорь, кочуя по вокзалам и ночлежкам, не раз попадая в спецприемник, при его знакомствах со всеми обитателями, по горьковскому выражению, “дна общества”, не было бы ничего удивительного, если бы он запил или стал колотиться. Но мы слышали обнадеживающе “нет”. Семен Яковлевич уточнил: “Если бы Игорь при его здоровье стал употреблять наркотики, его бы уже на этом свете не было”.

А вот курить курит. Он попросил у нас денег на сигареты. Александр Корнеевич Алексеенко, инвалид войны, давний читатель нашей газеты, и еще одна женщина из Новосибирской областной избирательной комиссии, к сожалению, не назвавшая своего имени, передали в редакцию деньги для Игоря. Мы оставили их у доктора с тем, чтобы при надобности Игорь мог ими воспользоваться. Вчера, навестив нас в редакции, Игорь рассказал, что купил себе шампунь и другие банные принадлежности. Его, как ребенка, радует возможность мыться в горячей воде.

Главная проблема сейчас – это паспорт. Без паспорта никуда не устроишься, а Игорь буквально рвется из больничных стен на работу. И доктор сказал, что ему уже можно помаленьку привыкать к физическим нагрузкам. Последние дни Игорь занят тем, что встречается с руководителями, что, откликнувшись на публикацию в газете, предложили ему работу. Так, в понедельник Леонид Петрович Мехед,

генеральный директор ОАО “Сибнефтегеофизика”, долго беседовал с Игорем в своем кабинете о возможной работе в геологической партии.

Мы решили, что предоставим Игорю возможность выбора. Пусть он познакомится с людьми, с условиями, которые ему предлагают, и остановится на том, что ему не только по душе, но и по силам. Дело в том, что при его общем уровне развития, а учился он во вспомогательной школе, не всякая даже рабочая специальность Игорю по плечу. Доктор посоветовал найти для него занятие, не связанное с обслуживанием техники. Работа разнорабочего – это самый подходящий в данном случае вариант.

Были звонки от Станислава Анатольевича Неживого, начальника областной конторы пчеловодства, от директора ОАО “Мотор”, Владимира Александровича Трофимова, который сказал: “Если парень толковый, мы его возьмем, обучим, пусть работает”. Позвонили из второго госпиталя ветеранов войны. Главный врач, Людмила Владимировна Канунникова, готова предложить Игорю работу дворника, питание и заботливое участие персонала этого лечебного учреждения.

По рассказам Игоря, он имел опыт работы в сельском хозяйстве, и это ему нравилось. Мы получили немало звонков из села. К слову, первый человек, к которому мы обратились за помощью (это было за день до публикации статьи), - глава Болотнинского района Владимир Алексеевич Бохан. Он проявил живую заинтересованность и тут же предложил познакомить Игоря со знаменитой семьей фермеров Горбенко. А в день выхода газеты нам позвонила Надежда Николаевна Горбенко, не зная об обещании главы, и сама пригласила Игоря в гости. Вот порешаем паспортную проблему и обязательно организуем такую поездку. Игорь ее очень ждет. Были еще два звонка от фермеров – один из Тогучинского района, а другой – снова из Болотнинского.

В ту встречу с Владимиром Алексеевичем Боханом у нас состоялся разговор о бомжах, о людях, которые не хотят прилагать никаких усилий даже для того, чтобы заработать себе на плохонькую одежку и на пропитание.

- В воскресенье чищу снег у своего дома, - рассказывает глава Болотнинского района, - подходит один взрослый мужик, за ним другой: “Дайте что-нибудь поесть”. Я говорю: “Берите лопаты, будем снег кидать, а там посмотрим”. Почистили двор, вынес я им хлеба, сала. “Теперь, - говорю, - вы заработали этот обед”. На том и расстались. Один, правда, теплые верхонки мои с собой унес... Такая вот история.

Нам очень хочется верить, что желание Игоря осесть, найти постоянную работу искреннее. Что он не подведет людей, оказавших ему такое доверие.

Те наши читатели, что, не раздумывая, изъявляли готовность приехать и забрать Игоря к себе, в семью, обогреть его и попытаться стать ему родными, наверное, недоумевают: “Что же вы нам его не отдаете? Ведь ему в семье будет лучше?!” Это тема для очень серьезного разговора: готовы ли такие люди, как Игорь, войти в чужую семью? Нам звонили несколько пожилых супружеских пар и одиноких людей, безвременно потерявших своих родных детей. Они готовы дать Игорю кров и заботу в надежде, что когда-то он сможет позаботиться о них. К сожалению, ни у доктора, ни у социальных работников, ни у нас самих нет уверенности, что Игорь, никогда не знавший родственных отношений, в принципе способен о ком-то заботиться. Его психология отличается от психологии благополучного человека.

Если быть искренними до конца, у человека, пережившего страшное горе – утрату ребенка, всегда будет жить надежда, что приемный сын хоть чуточку заменит родного. Разочарование может стать ударом как для людей, приглашающих сироту, так и для самого Игоря. Поэтому в таком тонком вопросе спешить не следует.

Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что Игорю уже 25 лет, он не подросток, характер которого можно корректировать, а сформировавшийся человек. Может быть, читателям, серьезно настроенным в отношении него, стоит вступить с Игорем в переписку, лучше узнать его. Писать вы можете на адрес редакции, все письма мы передадим Игорю.

Когда этот материал готовился к печати, раздался звонок из областного управления социальной защиты. Сергей Николаевич Буров, начальник отдела по работе со стационарными учреждениями, заверил нас, что Игорь Попов в любом случае на улице не останется, даже если бы редакция не получила ни одного отклика, ни одного предложения о работе для этого парня. Ему гарантировано место в доме ночного пребывания и возможность участия в общественных работах, которые оплачиваются. Ведется работа и по восстановлению документов.

В заключение я хотела бы еще раз поблагодарить читателей за отклики. Михаила Бродникова из Новосибирска, Нину Николаевну Шалабаеву и Марию Ивановну Казанцеву, также из областного центра, Анатолия Ефимовича Мизина из поселка Горный, Виктора Семенова из Мошково, Любовь Васильевну Степура из Краснозерского, Нину Петровну Евстафьеву из Доволенского района, Михаила Ивановича Скорова из Кыштовского района, Валентину Дмитриевну Кудрину из села Завьялово Тогучинского района и многих, многих других.

Что касается материальной помощи, которую предлагали некоторые звонившие, мы готовы ее принять. У Игоря нет демисезонной обуви и одежды. Да и из обычных вещей только брюки и два свитера, в которых он ходит постоянно.

Наши телефоны: 54-28-07, 54-01-32.

Номинация “Семейное воспитание”

Людмила Комарова (Иркутск), “Труд-Восточная Сибирь”, “Жду тебя или Как закрыть детский дом”

За этот материал Людмила Комарова награждена специальным призом фонда предпринимателей “Регион-Трейд”

Жду тебя или Как закрыть детский дом

Зерно прорастает в земле,

Дитя созревает в семье.

А. Рева.

Маленькие ангелы спят на кроватках под разноцветными одеялками. Проснулись — и превратились в деток, чьи розовые ступни оставляют неизгладимые следы на материнском сердце. “Материнское сердце — в детях”.

— Гулять, идем гулять, — говорит воспитательница, собирая белокурых, русоголовых, черноволосых ребятишек младшей группы. Оделись, взяли игрушки, зашли в золотую теплынь бабьего лета. Со стороны посмотришь — детский сад на прогулке. Вот закончится день, и придут за ребятней любящие родители, чтобы забрать домой...

Не придут.

Взяв самых младшеньких за руку, воспитательница ведет детвору с прогулки в их общий дом — Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей, государственное учреждение управления социальной защиты населения Иркутской области.

Боже, почему есть дети НЕмамины, НЕпапины, а государственные?

Трехлетний Гена-“толстячок” ловко орудует ложкой, уписывая первое и второе. Он, наверное, уже не помнит (и — хорошо), как с сестренкой Галей сутками сидел голодный в запертой матерью квартире. Гена недоуменно смотрит на то, как пытаются накормить Мишу. Тот кричит, отворачивается: кроме сладкой манной каши для него еды не существует.

— Маугли ты наш, — вздыхает воспитательница, гладит Мишу по круглой стриженной голове. Всем — от медиков центра до директора — жалко пацанчика, брошенного мамкой в районной больнице. Два года и семь месяцев “отказник” Миша жил в кроватке. Никто им не занимался. Сунут бутылочку с жидкой кашкой — и ладно. Ни ходить, ни говорить, ни жевать не умел — таким Миша поступил в Центр. Наверстывать упущенное пришлось педагогам. Через месяц мальчик пошел, научился держать ложку.

Эх, мамки, мамки непутевые, напрочь лишенные материнских чувств и понятий о своем долге! Должно быть, ваше сердце — в камне. Дети оказываются мудрее вас. Пережив нелюбовь, они жаждут любви, слово “мама” живет в них как самое прекрасное на свете.

“Зачем же детей рожают, если они потом не нужны?” — совсем по-взрослому размышляет 12-летняя Марина. Она старается не вспоминать о том времени, оно безрадостное. Не будем и мы о нем. Марину забрали в приют, мать лишили родительских прав. Дальше девочку ждал детский дом. Хотя точнее сказать по-другому: ждать приходится детям — места в детдоме или интернате. Порой — несколько лет, так как приюты из временного пристанища превратились в жилье постоянное. Сиротство, особенно социальное, растет, не уменьшается, и детские учреждения переполнены. (В Иркутской области взято на учет органами опеки и попечительства около 10 тысяч детей, оставшихся без попечения родителей, и сирот).

В добрый час попала в Центр Марина. Теперь она живет у Натальи Ивановны, взявшей девочку в свою семью. Ходит в школу, во второй класс (что поделаешь, раньше Марина не училась). Дома ее ждут Наталья Ивановна, Владимир Гаврилович, баба Аня, кошки Сибскана с Клеопатрой и собака Джина.

“Человеку надо мало,

чтобы дома кто-то ждал...”

У всех должен быть свой дом.

– А это у нас зал ЛФК, он же “по совместительству” актовый. Игровая, физиокабинет хороший. Ребятишки любят бассейн с сауной... Здесь транзитное отделение. Нам привозят “бегунков”, с поездов снимают. Не от хорошей жизни дети бегают. Они несколько дней в Центре живут. Отмоем, пролечим, связываемся с городом, откуда беглец пожаловал, и мои специалисты их домой отвозят... А вот комнаты наших воспитанников. Сейчас школьники на занятиях — в школе. Малыши все тут...

Валентина Алексеевна Анищенко, директор Центра помощи детям, оставшимся без попечения родителей, стремительно пронеслась по этажам, показывая мне Центр, окинула заодно все хозяйским глазом, не забыв сказать, что “обещают пристрой”, где будут свой пищеблок (“пока еда привозная”), актовый зал, мастерские (“детей к труду приучать”).

Так же стремительно Валентина Алексеевна идет по жизни: два высших образования (педагогическое и культурное), сейчас будет получать третье на факультете социальных наук в ИГУ; работа в школе (10 лет педагогического стажа), создание реабилитационного центра для несовершеннолетних в Черемхове. Я смотрю, как быстро и размахисто она делает пометки в пухлом блокноте, в котором “живет” немало людей добрых, помогающих Центру в меру своих сил и возможностей. (“Женсовет в Солнечном собирал для детей одежду, обувь. Столько всего было, что мы даже поделились с гажаловскими воспитанниками”. — “Гажаловские” — из социально-реабилитационного центра в Заларях, где директором Гажалов. — Л. К.)

— Ребятишки могут у нас находиться до полугода. За это время мы должны им поправить здоровье, защитить их права (они имеют право на жилье, алименты), восстановить утраченные связи с миром. И работать, работать с ребенком — подтянуть, преодолеть запущенность — педагогическую и бытовую. Отогреть! Они изголодались по ласке, вниманию, и наши специалисты отдают им очень много сил, энергии, любви. Но главная задача Центра — найти каждому воспитаннику семью.

В кабинете у Анищенко в рамочке стоит фотография, где запечатлен момент торжественного открытия Центра. Взрослые, кто добивался создания этого учреждения (управление социальной защиты — Т. М. Хижаева, В. А. Родионов), строители, спонсоры — сфотографировались вместе с первыми воспитанниками “Радуги” (такое имя дали Центру сами дети).

— Эти дети все уже в семьях, — кивает на фотографию Валентина Алексеевна. В ее голосе слышу торжественные нотки. Вот, мол, ради чего выделяли из областного бюджета деньги, капитально ремонтировали здание, любовно создавали в детских комнатках, непохожих одна на другую, уют и красоту; ради чего принимали детей от мала до велика (с 3-х до 14-ти лет) из приютов, детских домов области. И тут же с болью сказанное:

— Это стыдно для государства, когда много “государственных” детей. Понятно, обстановка вынуждает создавать и приюты, и детдома. Но участие государства в судьбе ребенка на этом не должно заканчиваться. Коллективное воспитание — это плохо. Человек — существо индивидуальное, и растить его надо индивидуально. Если по какой-то причине ребенок лишился родной семьи, надо устроить его в другую. Конечно, это непросто. Знаете, я поначалу боялась: будут ли брать детей. Время сейчас такое...

Но свои сомнения Валентина Александровна отбросила и коллектив нацелила на успех. В газетах дали объявления, по телевизору сюжет показали про то, что открылся Центр и дети ждут, кто бы взял их к себе. Приглашались... воспитатели.

Здесь ничего нового и придумывать не нужно было. Семейно-воспитательные группы в области стали создавать еще в 1995 году. Суть в чем. Человек, пожелавший стать воспитателем (педагогическое образование здесь необязательно), забирает ребенка в свою семью. При этом ребенок остается воспитанником Центра. В семью с социальным патронажем два раза в месяц выезжают специалисты СВГ (семейно-воспитательных групп): психолог, социальный работник, педиатр. Воспитатель, при необходимости, сам приезжает в центр с ребенком: на консультации, на прививки, на занятия к психологу и дефектологу. На детей ежемесячно выделяют 800 рублей. Воспитатель состоит в штате Центра, ему идет стаж, выплачивается зарплата. С ним на определенный срок заключают договор. Если что-то не сложится в отношениях воспитателя и воспитанника, Центр примет ребенка назад и попытается найти ему другую семью.

К ним поехали с разных концов области. “Вы не возражаете, если девочка будет учиться в православной гимназии?” — спрашивали директора две милые женщины, пожелавшие взять первоклашку. “Что же я буду возражать, люди добрые! Пожалуйста”. Кто-то надеялся найти ребенка определенного возраста и пола. Тому пришлось запастись терпением и ждать, когда в Центр поступит такой малыш. Из Ангарска приехал многодетный отец. “К сожалению, не могу взять ребенка. Хочу просто посмотреть на вас и сказать “спасибо” за то, что вы делаете для этих детей”.

За четыре месяца своего существования Центр устроил в семейно-воспитательные группы 20 ребятишек разного возраста.

О воспитателях Наталья Алексеевна Ферферова, заведующая отделением СВГ (это отделение в Центре — основное), говорит с какой-то особой теплотой:

— Мы обязательно беседуем с каждым, выясняем: что же движет человеком? Нет своих детей? Но у многих есть, причем, не один. Удивительно, люди приходили и первым делом спрашивали не про то, сколько им за это заплатят, а “где ваши детки?”, и шли знакомиться, приглядываться друг к другу. Понимаете, им важен сам ребенок!

— Машеньку я выделила сразу. Как-то к сердцу ребенок пришелся. Но мне сказали: “Братик у нее есть, детей нельзя разделять”. Ну, конечно, нельзя. Взяла Сережу еще. Теперь у меня их трое. Старшую — Катю — я удочерила шесть лет назад, когда узнала, что своих детей у меня не будет. Искала буряточку, чтоб со мной одной национальности. Два дома ребенка обошла, не было. Катюша — русская.

Услышала про Центр, мне так жалко этих детей стало! Я сама со второго класса в интернате жила, на каникулы только к маме ездила. Я думаю, мама меня в интернат определила, потому что ей очень трудно было после смерти моего отца с нами, шестерыми. Потому я ее нисколько не осуждаю... Если я этим детям дам тепло, доброту, подниму их, значит, не зря жизнь проживу.

От меня в Центре ничего не скрывали про детей. Знаю, они много пережили, есть запущенность, какие-то привычки дурные. Знаю, убеждена, только в семье можно что-то исправить, если хотите, судьбу ребенка изменить. Недавно в Центр ездила вместе с детьми. Психолог Светлана Николаевна Сережу увидела, говорит: как будто подменили! Раньше он был настолько напряжен, ручонки дрожали. Сейчас успокоился, уверенность в нем какая-то появилась. Тетрадки его посмотрели: “О! Да у вас одни пятерки!” А пятерки нам даются нелегко. Занимаемся очень много. Зато и в школе Сережей довольны. Я, кстати, очень благодарна директору этой школы, она взяла мальчика. Две другие школы, поблизости от дома, отказали, видимо, чтобы проблем было поменьше. А в одной из них спросили: “Елена Петровна, вот вы взяли детей. А вы — обеспеченный человек?”

Нет, я “не обеспеченный” человек в том смысле, в котором это понимают. Видите, у нас все просто в доме, без излишеств. А разве нужно богатство, чтобы детей вырастить? Вот и Сережа, когда я его из Центра привезла, заявил мне: “Хочу назад, там красиво было”. Я ему сказала: “Учись, расти. Выучишься, станешь врачом, юристом, кем хочешь, и купишь себе все сам...”

Слушая эту молодую женщину, которая самой первой приехала в Центр помочь детям в обретении семьи, я очень сожалела о том, что вынуждена “спрятать” ее настоящее имя и имена детей. Потому что уже пришлось однажды Елене Петровне бросить все — хорошую работу, устроенный быт — из-за Катюши. Девочку стали дразнить подкидышем.

— О детях думаю — Маше и Сереже. Собираюсь со временем оформить документы на усыновление. А мир — тесный. И не всегда добрый.

Кипел на плите забытый за разговорами чайник. Дети тихо играли за перегородкой. Елена позвала их к себе. Маша сразу забралась к ней на колени. Я вдруг с удивлением заметила, что все трое — Катя, Маша и Сережа — похожи друг на друга и на свою маму. Иначе они Елену Петровну не называют.

Вот это — поразительное физическое сходство — я уловила (просто мистика!) и в Наталье Ивановне и Марине. Мне рассказывали об их встрече в Центре и о том, что Наталья Ивановна хочет удочерить Марину и взять еще мальчика Ваню. И когда я увидела их рядышком, поразились:

— Вы как родные, — вырвалось у меня. И я тут же поправилась: — Вы — родные.

Говорят же: есть узы родства, которые прочно соединяют и не родных по крови людей.

А в центре живут сейчас 28 детей. И каждый из них о чем-то мечтает. О чем?

Девятилетний Максимка, доброта-человек и умница (за год закончил два класса), представляет себе большой корабль, на котором много еды (чтоб не думать о ней) и

много Максимкиных друзей. И — родители. Они обнимают его за плечи, а корабль плывет.

Если был бы на свете такой чудесный цветок, как цветик-семицветик, Максим загадал бы три желания. Первое, самое важное: иметь маму, никогда с ней не разлучаться, иметь папу. Второе: чтобы это была хорошая семья, чтобы Максимка счастливым был и чтобы его никогда не бросали. Третье: семья должна быть веселой.

Детские глаза наполнены ожиданием. Оно волной окатит с головы до ног всякого взрослого, появившегося среди этих ребятишек, и в глубине души все перевернется от незаданного вслух вопроса: ты — за мной? Счастливищиков — тех, кого забрали, дети проводят с нескрываемой завистью и будут ждать, ждать изо всех сил, когда судьба пошлет им такой же большой, самый лучший на свете подарок — семью.

* * *

В Иркутской области создано 188 семейно-воспитательных групп, где воспитывается 287 детей. Из них 25 усыновлены, 32 взяты под опеку и попечительство, и 3 вернулись в родные семьи. 287 детей — это один большой детский дом. Считайте, что он закрылся.

Может быть, кто-то захочет откликнуться, помочь ребятишкам. Вот адрес Центра помощи детям, оставшимся без попечения родителей:

664020, Иркутск-II, ул. Ленинградская, 91. Телефон 32-00-98.

Телефон/факс 32-00-99.

Анна Матвеева (Улан-Удэ), “Номер один”, “16-летняя девушка стала мамой 9 детей”.

16-летняя девушка стала мамой 9 детей

Большая молодая семья закупает продукты ящиками и обеспечивает себя собственным хлебом.

В небольшой городской трехкомнатной квартире живет большая и дружная семья – десять родных братьев и сестренки. Живут они вот уже 7 лет без родителей. 5 парней и 5 девочек. Самому старшему – Амару – 24 года, самой младшей – Галине – всего 8 лет.

Остались только фотографии

В зале стоит старенький секретер, за стеклом которого по-особому украшенная полка. Чаша, наполненная хлебом, конфетами, и маленькая фотография Polaroid. С этой фотографии на своих детей смотрят их мама Люба и папа Пирангалай.

“Маму я не помню, но все мне говорят, что эта тетя на фотографии и есть моя мама, - говорит Галинка, самая маленькая обитательница дома. – А вот папу я помню, я

уже большая была. Он был такой мягкий и усатенький, и еще у него были кудрявые волосы. Я ему косички заплетала. Я люблю своих маму и папу, и всех-всех”.

Любовь – это все, чем живет и дышит большая семья из одних ребятишек. Услышанное впервые от малышки это слово будет повторяться снова и снова...

А пока нам рассказывают, что все обязанности между детьми распределены. На парнях – ремонт, на старших девочках – стирка и обеспечение семьи едой. Хлеб они почти не покупают. Аюна и Наташа пекут пышные булки сами. Дети помладше делают уборку и выносят мусор.

Продукты покупают ящиками. Мама, Любовь Санжиева, когда была жива, все время брала фрукты – ящиками. Ей все говорили: “Люба, странно ты деньгами распорядишься – яблоки целыми ящиками берешь!”. А она всегда отвечала: “Ну что вы, пусть дети кушают, пусть растут здоровыми!”. Иной раз вишню с деревни привезет – целое ведро у балкона поставит и говорит: “Пусть детишки кушают”.

Каждому из 10 детей родители были рады. Люба всегда говорила: дети – это от Бога. Первенец в семье Санжиевых родился, когда Люба училась в институте на третьем курсе. На четвертом-пятом курсе, когда нужно было писать диплом и защищаться, Люба ждала уже второго ребенка. Посовещавшись, они с мужем приняли решение сделать аборт. Но Люба, дойдя до больницы, не смогла открыть даже входную дверь, рука сама собой не поднялась это сделать.

Когда у нее спрашивали, как она решилась родить 10 детей, Люба с улыбкой отвечала: “Дети – это самое хорошее, что может быть в жизни”. Десятого ребенка, Галинку, Люба родила в 1993 году.

Через полтора года после рождения девочки в счастливую улан-удэнскую семью пришло горе.

“Мы будем вместе!”

Люба и Пирангалай Санжиевы вместе с двумя своими сыновьями возвращались в Улан-Удэ из родной деревни. Когда автомобиль набрал полный ход, неожиданно открылась правая дверца и Люба выпала из машины. Женщина погибла мгновенно – перелом позвоночника. Целый год Пирангалай находился в шоковом состоянии. Говорят, за это время он очень сильно постарел и охладел к жизни. Люба была его единственной любовью, воздухом, которым он дышал. Жить без нее он так и не научился. Через три года погиб – несчастный случай на работе. Говорят, жива была бы Люба, этого бы не случилось.

После смерти Пирангалай родственники решали, что будет с детьми и как они будут жить дальше без родителей.

Думали отдать в интернат двоих-троих, маленьких девочек взять себе на удочерение. Но дети решили по-своему – оставаться вместе несмотря ни на что. Когда они сказали об этом родственникам, никто даже и против слова не вымолвил: решение было безоговорочным – “останемся все вместе!”. Амар, вытирая слезы, сказал тогда: “Мама была бы очень огорчена, узнав, что ее дети разбросаны по разным семьям и интернатам”.

В первый год после смерти матери, конечно, было очень сложно. Шестнадцатилетняя тогда Аюна стала мамой для девятерых осиротевших братьев и сестренек. Она заботилась о них, как заботилась бы о своих детях родная мама. Она ухаживала за ними, когда они болели, и пела им колыбельные долгими темными ночами. Аюна очень хорошо шьет, ей даже заказывают шить что-нибудь другие люди, поэтому одежду семья почти не покупает – все свое. Маленькая Галинка так и называет Аюну, свою старшую сестру, мамой. Она и вправду как мама: вся в делах и заботах, времени не остается даже на личную жизнь.

Им нужно было создать дружный и крепкий коллектив. Это была очень сложная задача, поскольку родители были стержнем. С тех пор как умерли мама и папа, младший сын Дугар за шесть лет ни разу не засмеялся. Мама погибла на его глазах, когда ребенку было всего 5 лет. Только в прошлом году он начал улыбаться.

Они сами строят свою жизнь

Постепенно жизнь вошла в русло. Для взрослых-то жизнь дается нелегко, а эти дети смогли вырасти хорошими людьми, поставить друг друга на ноги. Картошку раньше сажали в зверосовхозе, но в прошлом году у них ее украли всю. Прямо с поля. Повторения этого семья не хочет.

Амар, старший:

“Я говорю брату, ты, мол, сходи посмотри картошку, накопи немного, в первый раз в этом году свеженькую картошечку попробуем. А он приходит расстроенный такой и говорит: “Украли картошку”. А у нас всегда картошка крупная растет, вкусная. Но это, наверное, потому, что мы все вместе дружно на поле трудимся, вкладываем туда много сил. И обидно, что все соседи знали, что это детская еда. С тех пор мы больше там картошку не садим. Теперь ездим в деревню, к бабушке с дедушкой, там и садим картошку. Дядя нам очень помогает мясом, огородом. Мы там любим бывать, помогаем там сено косить, за хозяйством ухаживать”.

У Пирангалая был очень большой друг – Баир. Вот уже много лет помогает детям – где деньгами, где продуктами. Эрдэма на работу помог устроить. В семье сейчас трудятся трое: Амар, Эрдэм и Аюна. Денег вроде хватает, а вот в трехкомнатной квартире очень уж тесно. Представьте: 10 детей, а еще у каждого есть друзья. А детки в семье здоровые, большие – парни под 2 метра. Кто-то приходит, кто-то уходит – движение не прекращается ни на секунду.

Любовь в наследство

Самое любимое семейное блюдо – плов. Очень вкусно делает плов Амар. Когда мама умерла, первое время готовил только Амар. Как старшего мама сначала его научила самым нужным в хозяйстве делам: белить, стирать, готовить. Когда он пошел работать, времени не стало хватать. Готовить начала Аюна, старшая сестра. Поначалу она даже обижалась, говорила: “Я наварю, никто не ест. Амарка наварит – все пальчики облизывают и еще добавки просят”. Все сначала смеялись. Со временем Аюна превзошла своего брата.

Все очень любят приготовленный ею борщ. Днем, конечно, у всех свои дела, поэтому не собираются вместе кушать. Но вечером – традиция собираться вместе за ужином и рассказывать о том, как кто провел день.

В день съедают 3 больших каравай хлеба, приготовленного Аюной и Наташей. В этой большой семье дни рождения бывают почти каждый месяц. Конечно, дорогие подарки покупать не получается, поэтому Аюна и Наташа пекут большие торты.

Совсем недавно старший сын семейства женился, и теперь живет со своей женой, братьями и сестрами. Дружно живут, потому что в этой огромной семье есть любовь доставшаяся в наследство от мамы и папы.

У Аюны мечта – найти работу. Она закончила университет по специальности “конструирование одежды” с красным дипломом и хочет заниматься именно этим делом, потому как за годы учебы в вузе оно ей полюбилилось и появилось множество идей, и ей хочется хотя бы частично их реализовать.

Сейчас дети уехали отдыхать в деревню. Но ближе к первому сентября жизнь в небольшой трехкомнатной квартире вновь превратится в кипящий котел. Когда все соберутся, будут шумные рассказы, кто где был, кто что видел... При родителях, конечно, еще шумней было.

Номинация “Аналитический подход в социальной тематике”

Алексей Комаров (Иркутск), журнал “Знамя”, “Алкоголь, друг мой... Задумчивое повествование”

Решением жюри конкурса “Сибирь - территория надежд” Алексею Комарову за его очерк присвоено второе место (из полутора тысяч материалов примерно 700 авторов Сибири).

Алкоголь, друг мой... (задумчивое повествование)

“А теперь поговорим о Душе, именно так...”

Я лишь написал только эти слова, и ещё не успел разглядеть буквы, взявшиеся за тоненькие ручки в первой строчке листа (люблю разглядывать рукописные буквы, они всегда с разным настроением берутся друг за друга и, возможно, говорят — сами про себя и меж собой — вовсе не то и не о том, что читают впоследствии по их скушным смиренным рядам в книжках). Я даже не закончил предложение, как — динь!-линь!-длинь!-дилилинь! — раздался звонок в дверь, орущий вроде повестки к следователю, впихнутой в сумеречное нутро почтового ящика подозреваемого. Какого чёрта! Звонок выбросил меня из-за стола катапультной: он путал все карты и мешал мне, как корявая заноза под ногтем. По этому звонку — заискивающе-просящему, униженно-умолкающему на половине второй трели, но требовательному, как зов профессионального нищего на паперти городского базара: подайте, по-дайте, дайте, дай! — я безошибочно угадываю: за дверью стоит Тамара, соседка снизу, и, глядя в немытую панель у дверного косяка, она скажет: “Вы знаете, такое положение... Не одолжите десятку до завтра?” Ну почему деньги ей понадобились в первом часу ночи!

За распахнутой дверью зябко куталась в какой-то цветастый платок она, Тамара. И произнесла свой обычный, почти обычный, текст:

— Вы знаете, такое положение... Не одолжите до завтра полтинник?

— Нет! У меня нету такой возможности, — с последними звуками фразы я закрываю дверь, прищемив ею Тамарины уговоры. — Нет и нет, у самого долгов на пять тысяч.

Тамара не то, чтобы пьёт запоями, но выпивает в категории “любителя-профессионала”, и, как поклонница Бахуса, поит всех своих гостей, которые потому и притаскиваются к ней, что их здесь поят. На их глотки и желудки она и занимает у моей жены то десятку, то больше, но часто. Выходит, что Тамару “прикормила” жена, которой она очень аккуратно отдаёт долги. И занимает, и отдаёт, занимает и отдаёт, выбирая время, когда меня нет. Потому что я не хочу поить ее гостей. Наверное, Тамара, как побитая дворняжка, переходит сейчас от двери к двери, поднимаясь до пятого этажа по лестнице, ведущей в ад.

А я мощусь у стола и тупо смотрю на одинокую фиолетовую строчку в самом верху белоснежной страницы: “А теперь поговорим о Душе, именно так...” “Может быть, надо было дать? Зачем, всё равно пропьют. Будут полночи тихо скандалить в своей квартире, а утром она станет жаловаться, что ухажер её доченьки поставил ей синяк и обидел девочку... А “девочка” — в самом деле, юная миниатюрная, но уже истасканная особа, — пьёт почище мамы, забывая про дочурку, во всякое время предоставленную самой себе... Обычное семейство, рано похоронившее сгоревшего от водки мужа и отца, несчастное от того, что стоически продолжает идти указанной им дорогой... Или надо было дать?”

Постепенно нужные мысли начинают слетаться на блестящий в ночи круг настольной лампы, мысли-мотыльки, привлеченные прежним намерением и минувшим непрошеным визитом, и буковки опять начинают хвататься ручками друг за друга...

А теперь поговорим о Душе, именно так — с прописной буквы. Хотя... Вероятно, я не знаю, что такое Душа. Ибо не могу дать ей академического, в терминах отточенного, определения. Я только уверен, что она есть; раз болит, значит, есть. Если болит во мне, значит, и у меня есть. Не знаю только, с какой буквы она у меня пишется, с маленькой или большой, со строчной или с заглавной? Пускай эта загадка добавится к остальным моим комплексам.

Без сомнения, в мире, населенном человеками, летают, ходят и существуют, влачат вериги, маются и тоскуют просто души, и душонки, и душки. Вполне может быть, что состояние Души зависит от отношения хозяина к своей внутренности: естественно, не почки, печень и желудок я имею в виду, хотя они, как раз, играют важную роль при употреблении алкоголя. (Эк официально выстроилось! — “употребление алкоголя”.) Скажем проще, ведь не для протокола сие говорится: эти внутренности, безусловно, важны при выпивке, при похмелье, при первой-второй-третьей-десятой рюмках. Без них — никуда! Потому что мы пьём при невзгоде, в радости, счастье, горе, от сомнений, разочарований, в смятении, при встречах и расставаниях, на расстоянии, на крестинах и поминках, у погоста и после алтаря, лишь бы не было войны, после совещания и выволочки у начальства, при обновке и обмывке, от покупки до аварии, от полочки без аванса, утром, днем, вечером, ночью. Легче сказать, когда и где мы не пьём (в свою очередь и об этом слово молвится). Но сейчас — о другом. Я говорил о той “внутренности”, что является второй и, похоже, — главной — сутью человека. Душа — это суть. То, с чем человек встречаться не очень хочет (прямо скажем, не жаждет, нет!). Ибо Душа душит вопросами и допекает моральями, в жар бросает во время беседы с ней, до дыма из ушей, как будто уже на

адской сковороде сидишь, доходит допрос с пристрастием: ты и Душа, вопрос — ответ, уловка-отговорка — решение-приговор... Потому-то многие свои души отпускают. На волю, на свободу — от себя. А некоторые так и выгоняют свою суть гулять по свету, и слоняются неприкаянные души, душки и душеньки, не заботясь более о брэнном теле, набитом страстями и желаниями, грехами и похотями, жаждой и жадностью. Так и ходят: тела — отдельно, и души — порознь. Если, конечно, их не успели убить. Потому что души безнадзорные, бесприютные, потерянные или забытые, и ловят, и убивают.

...Нет, я даже не сомневаюсь, что встречаются среди нас, прямоходящих, и такие, что с собственной Душой разговаривают тихонько, проникновенно, как ручеек светленький журчит их разговор: и телу благостно, и Душа поёт. А у меня болит! Мается, стонет, ноет, жжёт и плачет горячими слезами, вопиёт и причитает, юродствует и просит покаяния.

И не ручеек между нами светленький, не речка чистая-быстрая, не зеркальный плёс, не море-океан, не лужа-лужица, и тем паче не цветочная лужайка: травинка зеленая остролистая (полжизни догадывался, что значит уитменовское “Листья травы”, догадался, и — скушно стало), шмель мохнатый, сладкий клевер с пятью листьями и легкий мотылёк с золотым шитьем на белых крыльцах... Сладкий сон посреди жизни...

У нас с Душой всё другое: то темень — глаз выколи, то бурелом, кочки да рытвины, накрытые штормовым ветром при грозе, переходящей в град. Вот что у меня с моей драгоценной сутью.

— Душа! Ты меня слышишь?

— Слышу, слышу...

— Тогда подвинься, а то — оболью!

И — раз-з! — полстакана водяры в глотку, во внутренность, залпом, батарея-пли! (в первую внутренность, где почки, печень, желудок...). А вторая внутренность, душа то есть, если она ещё жива после этого, пусть терпит. Терпит, покуда хватит сил. Хотя, какие у нее силы? Откуда?

— Душа! Ты ещё есть у меня?

— Не знаю...

То ли она мне так тихо отвечает, маясь в сомнениях, то ли я сам себе говорю: не знаю, милая, где ты... Не знаю, не знаю, не знаю... Стихает легкий шелест травы, не приносит ответа бесшумный проплыв облаков, вольно-беззаботно странствующих по небу, молчит ночь и в шуме дня ответ не слышен...

Но если болит и стонет Душа, я рад, значит, есть она, пока есть. Слышите, вы? Слышите все! Она — есть!

—А у вас она есть?

Задумались? Выходит, что повествование началось.

1. Домашнее горе (Исповедь российского алкоголика)

Пей, и дьявол тебя доведет до конца. (Из старинной матросской песни).

Смерть не ждет, и жизнь не должна ждать. Н.С. ЛЕСКОВ (1861 г.).

Страшная месть

Доводилось ли вам, господа-товарищи, братья и сестры, алкаши-собутыльники, очнуться посреди ночи да в холодном поту от кошмарного сновиденья, с сердцем, чувствительно стиснутым слабым воробушком в тесной клетке ребер, заочневших на выдохе? А вдоха нет! — ибо нет сил даже пальцами, их кончиками, шевельнуть, цепляясь за край навалившейся тьмы... И потолок стремительно падает стотонным прессом. И пол встает на дыбы, будто палуба утлого баркаса, потерявшего руль среди мертвой зыби. А против такта этой смертельно опасной качки, наперерез ему, начинает вдруг тревожным контрапунктом многопудового колокола громко бить сердце, собираясь вылететь из тела вон: ворохнется — качнет — стукнет — сорвется вниз — пропадет, ворохнется... качнет... стукнет...

Я буквально пальцами разлепил глаза: бесстыдно округлая луна нагло ухмылялась сквозь тюлевую кисею, упиваясь своей властью над алкашами; мирно и тихо посапывала жена; спали дочки; громко тикали часы, медленно расстреливая ночные секунды.

Разум, вязко выпутываясь из душных объятий Морфея, снисходил ко мне спасительным ощущением трезвости. Всей глубиной очнувшегося на краю бездны сознания я ощутил, что сон был ужасен, чудовищен: известное мне семейство постигло домашнее горе — запил муж. Он запил горькую с утра до ночи, до белой горячки, по-черному; с заначками, рассованными по карманам, по углам, шкафам и тумбочкам, — водка, “сушняк”, плодывыгодная бормотуха, одеколон; работа — побоку, семья — побоку, здравый смысл — на дне стакана, *in vino veritas*, ура! Утренний геморрой, похмельная трясучка, небритая рожа, водочная жажда, пьяные сопли обиды на весь белый свет, заплёванные пивные ларьки, подвальная мизантропия, страх протрезвления... Всё в одном безголовом флаконе, бывшем человеком до первой рюмки.

Сон был ужасающе страшен и потому, что рисовал мельчайшие житейские подробности и жуткие секреты, о которых никто, кроме меня — ни одна живая душа! — знать не могла.

И вот — дошло, проявилось медленно, но ясно; прочитан постскрипtum: мне приснился я, сам — себе, только трехлетней давности... Это я запил! ...К счастью, во сне.

Дождаться сумеречного рассвета помог валокордин. Тогда, окатив измученное тело ледяной водой и оmyв душу ежедневной молитвой, повторённой с ночи уже сотню раз, — *“Боже, даруй мне душевный покой, принять, как должное, то, что я не в силах изменить, мужество изменить то, что в моих силах, и мудрость понимать разницу. Да исполнится воля Твоя, а не моя.”*, — я внял реальности: страшный сон — это месть, бунт подкорки, скучающей по спиртному. Так алкоголь, возвращаясь в кошмарах, терзает меня, мстит за то, что я его бросил. Аминь.

Кто-то, может быть, скажет противное: не месть, а расплата, возмездие за годы пьянства (но возмездие и расплата — та же кара). Пусть даже в назидание. Не хочу спорить. У кого возникнет желание не соглашаться с моими словами, должен говорить сам, про себя. У меня нет цели завязать дискуссию. Я рассказываю личное прошлое — собственную историю — с одной надеждой: вдруг кого-то это заставит задуматься, кому-то поможет остановиться на краю бездны, в которую я не только заглянул, но и посетил ее. От края которой я, как мне кажется, медленно, но верно, удаляюсь прочь.

Я — алкоголик.

Лет десять назад, стыдливо похмеляясь за обедом, я, ожив после первой рюмки, самонадеянно оправдывался перед мамой, наливая себе вторую:

— В тридцать с лишним лет приходит умение определять меру выпитого, знание “с кем, где, когда и сколько”. Я это уже знаю, и поэтому алкоголиком никогда не стану.

— Хорошо, если так, — кивала мама с сомнением.

А я, правда, свято верил (“Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман”), что всегда смогу отодвинуть рюмку, если есть срочная работа. Я пользовался собственным императивом, презирая печатные тесты и определения врачей-наркологов, я говорил себе и собутыльникам: если можешь работать, значит, не алкоголик. Так оно и было, до поры. Но зато, сдав “дневной урок”, я отпускал вожжи и, высвободив руки от работы, развязывал узел на галстук, капитулировал перед спиртным. Хотя, какая же это капитуляция — рюмка “Белого аиста”, стопка холодной “Столичной” или стаканчик терпкого “Каберне” не повредят после трудов праведных, не в ущерб ни семье, ни здоровью, — говорил я сам, и то же слышал со всех сторон. И, не останавливаясь “на достигнутом” никогда, чаще всего напивался дешевым “Агдамом”, — из экономии.

Иногда после очередного домашнего скандала — очень честно — я хотел бросить пить, но, напрочь отрицая “вшивания”, “кодирования”, врачей-наркологов и советы психотерапевтов, я не знал, как это сделать. Всё кончалось одинаково: выстояв на пороге трезвости неделю, две, даже месяц, я поворачивал обратно и сдавался на милость победителю: “А повод мы всегда найдем...” Я убеждал себя, что не стал еще алкоголиком, хотя уже был им.

Грехи пьяницы — плоды самообмана; каждая рюмка, как индульгенция, продает еще полуживой совести кусочек забвения: согрешил — выпил — забыл. Забыл — и нет греха. Ступени падения стремительно превращаются в ледяной желоб без зацепок: вниз! в преисподнюю! на дно! Первая ступенька на этом пути — три рубля, вытасканные из кармана заснувшего собутыльщика; вторая — коробка “Тамянки”, украденная с машины у гастронома зимним вечером; третья — первая клятва “завязать навсегда” и бутылка водки, тут же спрятанная между книгами. Я потерял одного из лучших друзей, покусившись на честь его жены. Не смог устроиться на более выгодную работу: мне ответили, что я — пью. Борьбу КПСС за трезвость я отметил мучительным переходом на одеколон. Я благополучно забыл свой первый вытрезвитель, пережил без особых мучений и второй. При этом (О, tempora! О, mores! — ужас!) я упорно считал себя интеллигентом, стоящим выше пьяного рабочего быдла, ворочающегося в похмельных корчах на соседних топчанах.

Сейчас бессмысленно останавливаться у каждой вехи на пути в пропасть — никакая бумага не выдержит этой прорвы дурнопахнущей блевотины. И все-таки я решаюсь говорить об этом, узнавая в себе — других, в других — себя.

Мне кажется, что я пишу, избежав лукавства перед собой и перед Богом. Настолько честно, что все черновики этой исповеди (а она сложилась не враз) порваны в мельчайшие кусочки и сожжены, а первый, всякий раз заново переписанный экземпляр я, не доверяя даже собственному письменному столу, постоянно ношу с собой до той поры, пока не поставлена последняя точка.

...Жизнь продолжалась (жизнь?): я начинал день рюмкой и папиросой вместо закуски, а встречал ночь очередной рюмкой. В выходные я старался не пить дома, а напрашивался в магазин за продуктами или на рынок за картошкой. Вырвавшись из квартиры, я сначала опохмелялся в первой же забегаловке (они уже появились на каждом шагу), а потом вспоминал о делах. Наконец, я проснулся на полу в собственной моче и блевотине. И пол вставал на дыбы, пока я пытался очнуться и вспомнить, где я?

— Вчера ты ударил меня, — сказала жена. — Я устала. Я с тобой разведусь, заберу девочек и уеду. Мне от тебя ничего не нужно. Хоть запейся!

Известно, что “каждая несчастливая семья несчастлива по-своему”. Вечером я вновь (какая новь! — как обычно) был слегка пьян, ровно настолько, чтобы с хмельной бравадой подумать “на трезвую голову”.

— Кажется, мой паровоз дополз до станции Тупик с пустым тендером: уголь израсходован, вода вытекла, гудеть нечем; тело и душу разъедает ржа смятения, недовольства собой и миром, злобы, стыда, отчаянья, бессилия. Рельсы кончились — круг замкнулся: кидаясь к рюмке, чтобы облегчить свое состояние, я усугубляю его. От рюмки к рюмке я становлюсь слабее, дурнее, тупее. Процесс оскотинивания набирает ход, несмотря на то, что тело местоположения не меняет, скорее — именно поэтому — “процесс пошел”. Сомнения кончились: я — алкоголик, алкаш, пьянь. И совсем неважно, что я не валяюсь пока под заборами, это будет скоро.

Другая жизнь

Много позже, не менее, чем через год трезвой жизни, из профилактического любопытства я занялся занимательной арифметикой и сложил всё, выпитое за 20 лет (примерно, по самым скромным подсчетам). Результат показался мне убийственным: я добровольно прогнал сквозь собственные почки и печень около четырех тонн (!) алкоголя. Я, семье которого никогда не хватало денег на обновки, приличную мебель или дорогие обои, пропил за 20 лет целое состояние — “Жигули” новейшей модели — на *то*, естественно, время, и по *тем*, конечно же, деньгам (я “подбивал бабки”, учитывая поллитру белой за 3 руб. 62 коп.).

...Признав свое бессилие перед спиртным, я кинулся за помощью не к врачам, а к товарищу-алкашу. Правда, Коля в рот не брал, даже пива, уже около года.

— Спасай, — сказал я. — Научи, как? — и, для храбрости, выпил принесенное с собой.

— Пей, — ответил он. — Но представь, что это — твоя последняя бутылка. В жизни последняя! И еще, — добавил он, — я постараюсь помочь, но если ты не хочешь завязать сам, ничего не выйдет. Всё зависит только от тебя.

В другой раз я бы посмеялся пафосу его слов. Но тогда был готов на всё, лишь бы сохранить семью.

Коля отвел меня домой и о чем-то говорил с женой. Она впервые не ругала меня, а уложила спать. Утром должна была начаться другая жизнь. Она началась не с “чистого листа”, — с мучительного похмелья.

Теперь я вспоминаю, что первый решительный переход к трезвому бытию смущал волнующей новизной и испытывал прежними соблазнами. Под капельницей (утром Коля отвел меня в больницу), сквозь дремоту, я видел, как сестра меняла флаконы с лекарством, и уже жалел денег, затраченных на процедуру “очищения”. Но похмелье исчезло, а сон освежил мою вчерашнюю решимость покончить с собственным пьянством. Дожив до вечера без привычной рюмки, я отважился на второй шаг. “Посмотрим, — думал я, переступая порог мрачноватого зальца, напоминающего плохой сельский клуб. — Алкоголики — не самые плохие люди на земле, даже если они — анонимные”.

Что такое “АА” (общество анонимных алкоголиков), я представлял слабо. Чем “анонимы” занимаются на своих собраниях и с помощью чего остаются трезвыми — было тайной, скрытой мраком. Со временем тайна исчезла, осталось — таинство. Хотя, если попытаться совершенно кратко и точно объяснить, что такое “АА”, пропадет и тайна, и таинство. Зато обнажится двигатель, что тянет этих людей к поставленной цели: неиссякаемое желание бросить пить, бешеное стремление остаться Человеком.

А в первый раз посетив собрание “АА”, я увидел четырех мужчин — спокойных, трезвых, уверенных в себе, — рассуждающими об алкоголе. Тема, которую они обсуждали, была настолько близкой, что с любым из них я бы без раздумий “сообразил на троих” с похмелья. Они рассматривали (именно рассматривали, прямо как ученые мужи препарируют лягушку), почему с нами (с ними, то есть) случаются запои и как от них уберечься. Предмет обсуждения они знали: говорили о нем с пониманием, со знанием дела, с решимостью полководцев, возводящих последние редуты перед решающим сражением. Я не испытывал отчуждения, все угадывалось, как знакомое. К откровенности располагало и такое вот представление: “Я — Степан, алкоголик”, “Я — Владислав, алкоголик”. “Я — Николай, алкоголик”. Тогда я впервые на людях без стеснения и стыда произнес те же слова: “Я — Алексей, алкоголик”.

Напомнить себе о своем пороке (они называли алкоголизм болезнью) — в этом был ритуал, правило поведения, и я, ступив на порог “храма трезвости”, принял его “устав”.

Рассказывать, что такое “АА”, можно долго. Ограничусь совершенно краткой справкой. Больше 60 лет назад в США двое алкоголиков решили помочь друг другу бросить пить. Они выработали для этого определенные правила. Со временем “дуэт” вырос, превратился в общество анонимных алкоголиков, а группы с таким же названием появились не только во многих городах Америки, но и в других странах. В России первые общества “АА” зарегистрированы десять лет назад, в Москве.

Шестидесятилетняя история позволила накопить “АА” определенный опыт (скорее всего бесценный), и выработать совершенно простые и четкие правила трезвой жизни. Эти правила “анонимные алкоголики” называют шагами и традициями, тех и других — по дюжине. Соблюдение “традиций” и движение по “шкалам” позволяет им оставаться трезвыми: кому — на месяц, кому — на год, кому — навсегда. Ни один человек, искренне желающий бросить пить, не будет оставлен ими без помощи. Кто-то из них срывался и вновь погружался в пучину пьянства. Если в нем не умирало желание бороться с пороком, он мог — и начинал — все с начала.

У меня не было выбора, потому не было и страха: если я два часа в неделю затрачу на такие беседы и в результате останусь трезвым — почему бы не попробовать? В назначенный день я пришел сюда вновь. Так и началась моя другая — трезвая — жизнь. Точнее, началась просто Жизнь, удивительная и прекрасная, полноводная, как могучая река, со множеством маленьких радостей, мимо которых я прежде проходил с повязкой на глазах, с миром и пониманием в семье, с другими, чем прежде, идеалами и стремлениями, с новыми идеями, яркими красками и непередаваемым вкусом трезвости.

Конечно, прежде чем влиться в реку трезвости, я слабеньким ручейком мучительно пробивался к ней. На моем пути были и засухи, и плотины, и жесточайшие искушения (не всех удалось избежать). Однако с помощью моих новых друзей — анонимных алкоголиков — мне удалось не потерять найденного.

Процесс отрезвления не так прост, в нем есть и друзья, и враги, есть приемы, — прямо как в борьбе — позволяющие победить даже непреодолимое (на первый взгляд) желание выпить. Но это — анатомия пьянства — тема отдельного разговора. Может быть, я отважусь когда-нибудь затронуть и её.

...Однажды утром, летним утром, меня разбудил солнечный луч, упавший на подушку. Сквозь открытую форточку пахло черемухой. Накануне ее зеленые соцветия уже готовы были взорваться белой пеной. Видимо, это чудо произошло ночью. Вместе с удивительным ароматом ко мне пришла простая мысль: жизнь продолжается! Домашнее горе исчезло без следа, осталось только в прошлом. Я — свободен от алкоголя. Сво-бо-ден!

P.S. Не нарушаю традиций, складывающихся десятилетиями: не расшифровываю главного героя этой истории. Я не назову даже города, где все это происходило: скажем, это — один из областных центров Сибири. Группа анонимных алкоголиков, о которой идет речь, растет, иногда на собрания приходят до тридцати, и более, человек.

2. Тайная вечеря

Страшное признание

Прошло достаточно много времени, прежде чем я смог это сказать — вслух!
— самому себе:

— Я — убийца...

Я убивал людей: спокойно, сознательно, хладнокровно. Перед каждой попыткой очередного убийства я был разным, иногда — с похмелья, реже — в абсолютно трезвом уме, но без неприязни к своим жертвам, скорее, я убивал их с любовью (так мне казалось). Одного Человека я убивал особенно жестоко. Я травил его много раз, много лет подряд, и это было совсем не трудно, так же просто, как выпить стакан воды...

Нет, конечно, мы пили не воду. Себя и своих друзей я убивал алкоголем...

Зачем я говорю э т о, зачем мне — и вам — э т о знать? Сумятица одолела мои мысли после такого признания. Но отказаться от собственного прозрения я уже не могу. А потому прибегну к помощи того, кто прежде сумел объяснить моё нынешнее состояние, лучше, чем я: “Зрение греха своего и рождаемое им покаяние суть делания, не имеющие окончания на земле: зрением греха возбуждается покаяние; покаянием доставляется очищение; постепенно очищаемое око ума начинает усматривать такие недостатки и повреждения во всем существе человеческом, которых оно прежде, в омрачении своем, совсем не примечало. Господи! даруй нам зреть согрешения наши...”

Слова принадлежат известному подвижнику православной церкви святителю Игнатию (в миру Дмитрию Брянчанинову, жившему и упокоившемуся в прошлом веке).

**...Прошло ещё какое-то время, прежде чем я могу сказать э т о вслух всем:
— Каюсь, я — был убийцей...**

Первый раз про “ЭТО”.

Я расскажу вам такое, о чем не пишут в газетах. Хотя в жизни о н о происходит. Может быть, очень не часто, далеко не со всеми, не везде и не всегда, но это — действительные факты: я им свидетель.

Говорить, показывать и писать про э т о вчера было невозможно, сегодня — непрестижно, а завтра... может быть, уже никому не нужно...

Переводя дух, чтобы набраться смелости, предвижу слетающий с ваших уст вопрос: почему же пронырливые журналисты, столь лихо обнажающие тайны всех и вся мало-мальски публичных деятелей, бесстрашно проникающие в государственные секреты и по-домашнему легко ориентирующиеся в тёмных лабиринтах мафиозных разборок, ещё вчера не обнаружили предмета, о котором я собираюсь рассказать?

А они не искали. Были рядом — не вглядывались. Спешили, ловили сенсации: шли в ногу со всеми, боясь опоздать... Куда торопится наше

общество, если “светлое будущее” нужно сначала строить, а все спешат лишь занять в нем побольше мест?

Почему же общество не замечает явного? (Становится непристужно думать. А думающему /sapiens/ уже понятно: не замечает = не желает.)

Пафос моих рассуждений пока смешон и неуместен: для людей думающих важны собственно факты — действующие лица, происходящие события, цифры, а не эмоции... Начну с цифр.

Пьянству как явлению посвятил несколько своих общенациональных опросов Фонд “Общественное мнение” (привлечено 1222 человека).

И выяснилось: 80% российских граждан живут в среде, где употребление алкоголя — норма. (Этот вывод социологи делают из группы ответов на вопрос: “Есть ли среди ваших родных и близких люди, страдающие от алкоголизма?” Ответы получены следующие: есть хронические алкоголики — 5%, есть сильно пьющие — 18%, есть умеренно пьющие — 32%, есть изредка пьющие — 28%, мои родные и близкие практически не употребляют алкоголя — 13%, затрудняюсь ответить — 4%).

В Сибири (Западная и Восточная), на Дальнем Востоке пьют сильнее, чем в прочих районах России. Менее других пьют в Поволжье. В Западной Сибири сильно пьют 32%, умеренно — 58%, практически не пьют — 7%; в Восточной Сибири пьют сильно — 31%, умеренно — 56%, практически не пьют — 8%. Для сравнения: в Москве и Петербурге умеренно пьющих — 75%, пьют сильно — 8%.

По самооценкам участников опросов (сравниваются данные октября 1991 и октября 1994 гг) на 5% возросло число людей, употребляющих крепкие спиртные напитки в больших количествах. А число людей, не употребляющих вино, пиво, самогон, сократилось на 7%, 4%, 7% соответственно.

Больше половины женщин (51%) и большинство мужчин (81%) ежемесячно употребляют крепкие напитки. В социально-профессиональных группах более всего употребляют крепкие спиртные напитки кадровые военные, рабочие и колхозники, руководители высшего и среднего звена, предприниматели, бизнесмены. Любители “выпить много” чаще встречаются в этих же группах.

По признанию участников исследований, регулярное потребление алкоголя “стало повседневной нормой”, а “процесс употребления” обычно происходит в следующих ситуациях: ежедневно на работе или после работы, регулярно по выходным, обязательно в дни получки и праздники. К сожалению, но — закономерно, что именно пьющие “сталкиваются с трудностями на работе из-за своего поведения”, у них не складываются

“отношения в семье”, состояние психики характеризуется как “весьма напряженное”, снижаются “половое влечение и возможности”.

Более свежих и таких же полных исследований на эту тему мне, увы, не попадалось уже несколько лет. Приходится пользоваться данными, опубликованными в середине минувшего десятилетия.

Возвращаясь к истории вопроса, следует отметить, что не так давно исполнилось 100 лет “высочайше утвержденному” Уставу попечительств о народной трезвости. Состав попечительств формировался из высших представителей разных ведомств, “лиц обоего пола и всех состояний, желающих содействовать их целям”, под председательством губернаторов и уездных представителей дворянства. К началу века попечительства действовали в 35 губерниях, 248 уездах и 18 городах России, затем — в остальных губерниях. А их прямой заботой был надзор за соблюдением правил торговли “в интересах народного здоровья и нравственности”, распространение “здоровых понятий” о вреде пьянства, забота об открытии лечебных приютов, содействие общественным организациям трезвеннической направленности.

Что имеем, не храним.

Кольца цепи

Прежде, чем рассказать, как я не вдруг ощутил любовь к своим товарищам по несчастью, надо бы, хоть несколькими штрихами, набросать место действия, обозначить, где это случилось, как принято в драматургии (а в том, что, собираясь вместе, мы не просто присутствуем, а и участвуем в драмах и трагедиях, лично у меня нет никакого сомнения).

Здание, где наша группа анонимных алкоголиков (АА) нашла прибежище, было когда-то конторой по рогам и копытам, точно! Одноэтажный кирпичный особнячок, облезший и обшарпанный, с воздухом, пропитанным полуподвальной сыростью, с пляшущими половицами и облезшими рядами тяжелющих стульев, сбитых по три в ряд, выделили “Обществу трезвости” в момент его рождения — в годы знаменитой лигачёвской борьбы с пьянством и алкоголизмом. Мы к этому зданию не имеем никакого отношения, его нынешнее начальство, кующее деньги на кодировании-раскодировании пьяниц, нехотя — из милости (точнее сказать: из милостыни) — запускает нас внутрь дважды в неделю, вечером. Мы достались этому начальству как бы в наследство от прежнего, которое относилось к группе АА с большим пиететом и доверием. Выгнать нас сегодня вроде бы не с руки, потому что анонимные алкоголики исповедуют трезвость и претендовать на скромное место под крышей “Общества трезвости”, наверное, в праве. Но не любить нас — святое, потому что свою трезвость АА проповедует “без кодирований и вшиваний”, а “такая пропаганда” мешает бизнесу на алкашах.

...Дважды в неделю, вечером, встретившись взглядом с Матерью Божьей и прочитав молитву (иконописный лик из настенного плаката наши умельцы вставили в раму, а текст молитвы прикрепили рядом), мы рассаживаемся вокруг стола — местной достопримечательности, заслуживающей особой похвалы. Это сооружение когда-то могло украсить любой президиум своим величием: не менее четырех метров длиной, с остатками светлого лака на слоновьей толще столешницы — оно дышит торжественно-консервативным бюрократизмом и подчёркивает серьёзность предстоящей беседы.

Стол-гигант нас объединяет. Потому что мы сидим не перед ним, не за ним, а — вокруг, образуя кольцо единомышленников. Одно из колец цепи, которую анонимные алкоголики куют уже более шестидесяти лет по всему миру.

Действующие лица

О каждом из нашей группы я мог бы рассказывать долго. Все мы в прошлом отчаянные алкоголики, “люди дна”, антиобщественные элементы, горькие пьяницы, лишённые разума собственным пороком. Каждый из нас хочет одного: стать трезвым и остаться Человеком.

...Сева обычно примащивается у торца: невысокий и щуплый, с голосом, тихим как шелест травы, он всегда полон сомнений и внутренних комплексов. Но с невероятной жаждой истины Сева продирается сквозь свои раздумья, как будто по кочкам через болотную осоку, не боясь поранить себя — лишь бы сохранить равновесие. Когда Сева говорит, а выступает он чаще длинно, потому что выстраивает долгую цепочку слов и образов — посылка, новая посылка, теза, антитеза, доказательство... — слушают его, затаив дыхание. Мне он сразу запомнился своим признанием о начале трезвого пути. Муки, которые Сева перенёс, обыкновенны и преследуют каждого, решившего отказаться от алкоголя. Но в его случае обычное дело приобрело немислимый юмористический выверт.

Когда человек рвёт с алкоголем надолго, его мозг соглашается, понимая, что это необходимо. А подкорка — “тот, который во мне сидит” — противится изо всех сил. *“Откажись только от первой рюмки, — говорит правило. — На это сил должно хватить”*. Не всегда...

Посталкогольная жажда не давала покоя ему ни днем, ни вечером, перешла в бессонницу, а ночью взяла за горло: погнала к ларьку, где начался замысловатый торг с самим собой.

— Возьми, — уговаривал внутренний голос.

— Не буду, — ещё сопротивлялся Сева.

— Возьми просто так, пить — никто не заставляет...

— Как это?

— Купи.., унеси домой.., поставь в холодильник.., ложись спать. А она пусть стоит.., пить не обязательно, — вкрадчиво нашептывал бес-искуситель.

Дальше всё произошло, как обычно бывает в таких соблазнительных случаях: Сева не помнит, каким образом бутылка в руке оказалась открытой, как он выпил её прямо из горлышка... Он лишь успел ощутить охвативший его ужас: всё-таки выпил! Именно страх — страх вернуться в обычное пьяное состояние — заставил его прижать два пальца к корню языка и давить до тошноты, пока всё содержимое желудка не выплеснулось наружу.

— Но я сумел обмануть алкоголь! Первый раз в жизни.., — лицо его после рассказа сияло от радости.

Сомнения и комплексы грызут Севу почти четыре года, но почти четыре года он не пьёт.

Георгий не пьёт семь лет: многим из нас это кажется пока немыслимым сроком. Он коренаст, плотен, широк в кости и умеет распространять вокруг себя уверенное спокойствие, утишая любое вулканическое извержение эмоций. Это он основал нашу группу АА. После того как “психушку” областного центра, где Георгий в очередной раз (третий или четвертый) “боролся” с зеленым змием, посетили “сумасшедшие американцы” с каким-то московским добровольцем АА и рассказали, как можно покончить с алкоголем, Георгий решил пойти по пути АА — больше идти было уже некуда. Крутой поворот: из лицедеёв, привыкших пить, где угодно, сколько угодно и когда угодно, Георгий постепенно стал преуспевающим коммерсантом, находит удовольствие в благотворительности и, кажется, удовлетворён жизнью. А ещё более довольна его жена.

Но однажды, пропустив недели три занятий, Гоша признался: “А бес-то — жив... Я думал, покончил с ним, а без наших собраний обнаружил: жив, курилка! Подымает иногда голову, точит мыслишкой: “Ну, стопочка-то не повредит... И ничего, мол, после одной не случится...” В отличие от меня с искушением поставить этот опыт на себе он справился...

...Есть ещё Турист. Это прозвище он заработал так: однажды, сияя как начищенный медный таз, обрамленный рыжей тощей бородёнкой, он заявил, что влез на какую-то гору в Саянах. Наверное, правильнее назвать её небольшим пиком, около трех тысяч метров. Не удивляйтесь, на этот пик проложена хорошая тропа, поэтому практически каждый здоровый

человек, кому не жалко потратить часа четыре вверх и столько же вниз, может покорить сию вершину. Он — непьющий алкоголик — покорил. И не просто влез, а совершенно спокойно, размеренно обошел какого-то попутчика-альпиниста, накануне упражнявшегося с пивом.

Нынешней весной Турист сообщил нам, что в свои сорок пять чувствует себя не более чем на тридцать и — естественно, благодаря трезвому образу жизни, — в выходной на лыжах перешел Байкал по льду. Не всем по силам одним марш-броском одолеть километров тридцать пять-сорок весенней лыжни, хотя число лыжников, перебегающих Байкал, в хороший день доходит до двухсот человек. Но суть не в числе: лыжников много, а Турист — алкоголик. По его же признанию, пока пил, забирался на пятый этаж с одышкой и остановками. Я думаю, что Турист (стаж в АА — четыре года) показывает нам, как ставить цели и добиваться их выполнения: этому умению алкоголикам, осваивающим трезвость, приходится учиться заново.

В тот вечер, к которому я не спеша подбираюсь, вокруг стола собрались семь членов АА: Сева, Георгий, я, Турист, Вольдемар, Цицерон и Сократ.

Двое последних любят пофилософствовать, а Цицерон ещё и книгочей, потому некоторые мысли этих “мудрецов от алкоголя” я даже записываю после собраний, чтобы не забыть. Цицерон однажды, объясняя, почему некоторые алкоголики, бросив пить, вновь срываются в пучину пьянства, сказал просто и доходчиво:

— А это, как с детьми. Младенец — всегда желанный, все с ним тетёшкаются, возятся, гули-гули строят. А подрастёт ребенок, так матери с отцом становится всё больше некогда. Они и начинают говорить ему: “Отстань, сейчас не до тебя!”, “Не мешай”, “Не путайся под ногами”... Так и трезвость. Пока она маленькая, человек её лелеет. А как подрастёт трезвость и начинает требовать внимания и заботы — “Не путайся под ногами”. Трезвая жизнь — это постоянная работа над собой, как воспитание ребёнка...

Года через полтора Сократ, развивая ту же мысль, высказался несколько по-другому, но всё о том же:

— Я, — сказал он, — собираюсь теперь жить долго, если Бог даст. А потому предостерегаю вас, друзья-алкоголики: длинный путь бегом не осилить. В пути случается всякое. Поэтому не надо торопиться, суетиться, спешить. Необходимо рассчитывать силы. Лучше и важнее остановиться, подумать, взвесить... Новые члены АА под эйфорией первой трезвости начинают именно бежать, не рассчитывают движений, стремлений. “Хотелок” у них возникает сразу больше, чем возможностей, догоняют неудачи. Где неудачи, там стремление разрешить их привычным способом. Привычный способ для алкоголика — бутылка. А бороться с соблазном сил уже не осталось, их на “хотелки” потратили...

Простые, вроде бы, мысли, а они многое мне объяснили в лабиринтах соблазнов и искушений, по которым каждый алкоголик, жаждущий трезвой жизни, обречен ходить до гробовой доски, как Сталкер: шаги — это правила, которые в Зоне алкоголизма нельзя нарушать под страхом собственной смерти (каждый, загибавшийся с похмелья, знает реальность такой угрозы).

...Вольдемар нравится мне незыблемой уверенностью в правильности своего выбора. Однажды он зажег свечу над нашим столом и, попросив набраться терпения, рассказал свою прошлую жизнь. Он начал пить, как все мы, — из любопытства, из самоутверждения, из ложной взрослости. Он получил медицинское образование: учился и пил. Служил в армии и пил, пил и служил. Вшивался — не помогло. Кодировался по Довженко — и вновь пил, месяцами напролет. Потерял работу. Почти потерял семью. В АА пришел в полном отчаянии: *“Я бессилен перед алкоголем, — сказал он нам, обозначая шаг первый. — Значит, мне на роду написано: не пей!”* И теперь не пьет. Ходит в церковь. Убежден, что на путь трезвости его наставил Бог... (Он про себя знает больше, чем я про него, и я ему верю).

Тайная вечеря

Тот вечер... Он был летним, солнечно-дождливым, влажно-душным. Мы собрались, как обычно, вокруг нашего стола и вели неторопливый разговор о собственных проблемах. Вначале нас было шестеро: Сева опаздывал, что на него, в общем-то, непохоже.

Он появился встрепанный и возбуждённый, и оказалось, что не опоздал, а застрял на крыльце, где нашел одного из новичков в АА.

— Зайти — боится, пьяный. Сильно пьяный. Наверное, мы должны его выслушать...

Обычно на наших собраниях слова пьяным не дают. В тот вечер ситуация явно требовала изменения правил. Новичок, собираясь с силами, пытался утереть слезы и говорил ожесточённо, но достаточно внятно. Даже если выкинуть из его всё-таки пьяной речи лишние эмоции, междометия и бессильные рыдания, картина рисовалась ужасная. Сегодня он узнал, что его дочь от первого брака погибла (она жила с матерью в другом городе). Он знает, кто надругался над девочкой, и принял решение убить негодяя. Пистолет у него есть. Он уедет вечером на поезде. А сюда завернул, чтобы набраться сил и мужества.

Кажется, он ждал от нас поддержки...

...В открытые форточки шумели трамваи, мимо окон, смеясь, проходили влюблённые парочки и стайки студентов, шёл суматошный июнь с сессиями и школьными выпускными экзаменами, и там, на улице, где

кипела обычная жизнь, даже не подозревали, что вокруг старого стола в напряженном оцепенелом молчании сидели бывшие пьяницы — вечные алкоголики — и у них тоже что-то вроде экзамена по неизвестному предмету.

Георгий сумел растопить взрывоопасную тишину, сняв первое напряжение. Спокойно, даже буднично он предложил обсудить ситуацию, чтобы Новичок выслушал мнение каждого из присутствующих алкоголиков. Однако нам было видно, что спокойствие его слишком напускное, он едва сдерживал чувства и поэтому говорить первым отказался, лишь упомянув, что своё мнение уже сформировал и не изменит его.

Первым смог нарушить тягостную тишину Вольдемар:

— Если ты действительно хочешь совета, то моё мнение таково: сначала необходимо протрезветь. Никакие решения, а тем более действия, нельзя принимать в таком виде. Если этого тебе кажется мало, скажу ещё: жизнь дает Бог, и отнимать её у человека никто не имеет права, ты — в том числе.

Сева, против обыкновения, не стал строить излюбленных логических схем:

— Ты не судья, Новичок. Ты алкоголик. Мы — тоже алкаши. В прежней пьяной жизни я был бы, наверняка, на твоей стороне. Сейчас я считаю, что никакого самосуда не может быть...

Суть мнений Туриста, Цицерона и Сократа сводилась к одному: “Водка — плохой советчик. Никто не дал тебе права убивать”.

Я с опасением ждал своей очереди оценивать случившееся. Потому что знал совершенно определенно: прежнее моё “я” на стороне Новичка, оно поддерживает его мстительное преступное намерение — без рассуждений лишить обидчика жизни. А моё новое, рождающееся с помощью трезвости, естество вопило: “Не может быть самосуда! Не может быть! Убийство — грех!” Я не стал отмолчаться, потому что это казалось мне невозможным: не та ситуация, чтобы остаться в стороне. Я пожелал Новичку трезвости и предостерег его от опрометчивых шагов, которые невозможно впоследствии искупить.

Георгий, обращаясь к Новичку, подвел итог:

— Я — против убийства. Против любой мести. Я рад, что моё мнение, которое я не спешил высказывать, поддержали все. Ты, хотя бы в чём-то, согласен с нами?

...Невозможно вести с пьяными душеспасительные беседы: это я знаю по собственному опыту. Но в тот раз что-то подействовало на Новичка, он

согласился поехать домой, куда его проводили Сева и Цицерон, сдав на руки жене. Это всё, чего мы смогли добиться от него в тот вечер...

“Тайная вечеря” — так я теперь называю ту встречу, когда вспоминаю о ней. У нас на собраниях мы никогда не возвращаемся к этой теме, не обсуждаем, правильно ли поступили в тот раз. Наверное, слишком велико было напряжение, неизмеримо высока ответственность, которую жизнь взвалила на наши плечи. Итог этой истории, совершенно неожиданный, оглушительный для всех, присутствовавших тогда, на некоторое время привёл нас в состояние, близкое к шоковому. Мы узнали, что Новичок обманывал нас и себя: у него не было дочери от первого брака, живущей в другом городе; никто в тот день и накануне у него в семье и среди близких не погиб... А эту страшную историю, в которую он и сам к вечеру с помощью алкоголя поверил, Новичок выдумал для того, чтобы похмелиться...

Про ЭТО и окружающую среду

Теперь вы уже поняли, что всё э т о случается не с публичными деятелями, а с самыми простыми людьми, составляющими — в определенном смысле — “низы общества”. Речь об алкоголиках. Государство презентаций и фуршетов, в которое Россия постепенно превращается, их проблемы не интересуют.

Во-вторых, — чтобы не просто увидеть э т о, а увидеть и понять — надо в определённое время оказаться в определённом месте, и быть готовым воспринять происходящее: смешно будет выглядеть человек, собравшийся сажать картошку в зимнюю стужу, или явившийся на пляж в тулупе и валенках (а здесь, куда я хочу пригласить вас, любой празднотворец выйдя из-за кулис выглядит именно так). Эти люди — анонимные алкоголики — избегают пристального к себе внимания, не позволяют вовлекать себя в политические споры и игры, не жалуют журналистов, ищущих сенсаций, и озабочены только одним — собственной Трезвостью. Чтобы “увидеть и понять”, надо быть одним из них.

Наконец, э т о происходит нечасто, потаённо от посторонних глаз и ушей, доверительно — присутствующим. Человеку непосвященному = постороннему, ничего не разглядеть, так как главное случается не вне людей — вокруг их тел, в пространстве, называемом обществом (сословием, классом, кампанией — кому как удобнее и привычнее), а, скорее, изнутри человека, в космосе, именуемом Душой...

Тонкие материи духовности и беспробудное пьянство, могут ли они вообще совмещаться, хотя бы — соседствовать, в нашем мире? Пьянство и “тонкие материи” — никогда. А “тонкие материи” и алкоголизм?

Опыт, подаренный мне жизнью, со всей очевидностью говорит: да! Если алкоголик ведёт трезвую жизнь, осознавая не только умом, что он делает, но сердцем исследуя каждый новый шаг по Дороге без алкоголя, в его душе происходят движения, о которых не вычитать в сегодняшней прессе. Стало быть, э т о — движения души, речь именно о них.

Менее всего мне хочется “пофилософствовать на публику”, изображая из себя знатока алкогольной “темы”. Другое подвигает меня на вовсе нелегкое дело самокопания: осознанная необходимость участия в судьбах моих друзей-алкоголиков. И свою собственную жизнь, её остаток, хочется прожить, сохраняя разум. Хотя мне не удалось за прошедшие годы удержать абсолютную физическую трезвость, мои срывы в суммарной протяженности не вышли за десять дней из семисот с лишним (365 + 365 = два года) и были, благодаря помощи АА, более похожи на неуклюжие опыты и спотыкания на ровном месте: так Фома-неверующий прикладывает ладошку к раскалённой плите, хотя было сказано ему: обожжёшься! И — ожёгся, несильно, но достаточно для того, чтобы понять полезную настойчивость дружеских советов. Иным моим знакомым-алкоголикам повезло меньше.

Процесс отрезвления не так прост, как первое желание бросить пить. Он, оказывается, имеет свои секреты и приёмы, собственные подводные течения и опасные рифы прежних привычек. Те, кто хочет выплыть в океан трезвости, вместо того, чтобы барахтаться в грязной луже пьянства, должны неуклонно...

— Никто никому ничего не должен! — как я мог забыть свои же слова, которые довольно часто повторяю на наших собраниях клуба анонимных алкоголиков? У каждого из ступающих на дорогу трезвости свой Путь: просто есть опыт предыдущих поколений алкоголиков, сумевших обуздать страшную болезнь, и — если желание бросить пить ещё не покинуло вас — попробуйте воспользоваться уже известным.

Да, и — главное — про э т о. Пьянство безобразно — аксиома. Обыватели жалуются прессе, она, в свою очередь, колышет море благородного негодования: рост пьяных аварий на дорогах, рост пьяных преступлений в обществе, рост пьяных пожаров... — этакая мёртвая зыбь, угодив в которую, осознаёшь — нет вблизи твёрдого берега, не выбраться на сушу в бумажном кораблике, наспех свёрнутом из газеты со статьей, осуждающей пьянство. И, кажется, остаётся лишь молиться о спасении...

Часто, практически — вечно, мы не можем, не хотим, не умеем, не желаем, не жаждем, не стремимся, не-не-не... вырваться из заколдованного круга бытия, погоняемые вечными кнутами благих намерений: перехватить денег, прокормить семью, одеть детей, подработать, поболтать, похмелиться, перехватить денег — каждый день с утра до ночи думаем про то же и одно. На прочее нет времени.

А вырваться — то ли в обморочных снах, то ли в тающих мечтах — хочется!

Так никто не мешает, кроме себя самого: остановитесь, сделайте шаг в сторону из адского круга существования, и задумайтесь.

Зачем я начал “копить” алкогольную статистику, не знаю. Но делаю это уже несколько лет. Некоторыми данными, вполне официальными, могу поделиться с вами. А за данными последуют вопросы. Не официальные, а логические. Те, к которым эти данные приводят.

Например, если верить Госкомстату, расходы населения на покупку алкогольных напитков в разных областях России (в % к общим расходам) составляют от 2,75 до 4,9 процента. Всего! Зато показатель заболевания алкогольными психозами (белая горячка) с 1992 года до настоящего времени возрос на 35 %. За те же пять лет число женщин-алкоголиков увеличилось на 68 %. Уровень смертности от алкоголизма в целом по России (за те же пять лет!) вырос в 1,5 раза!

Значит, усредненные проценты “расходов на алкоголь” занижены? Приходится признать, что есть люди, которые тратят на выпивку все свои деньги, без остатка. А у них — есть дети. А у этих детей — нет будущего. А мы привычно говорим, не вдумываясь в смысл слов: дети — наше будущее... Значит, и у нас нет будущего.

Госкомстат России оценивает пятилетний рост алкогольных психозов по республике Бурятия в 40 %. А республиканская газета “Правда Бурятии” (31 января 1998 года) приводит другие данные: 1994 г. — 90 случаев, 1995 — 231, 1996 — 372, 1997 — 472! Рост не на сорок процентов, а в 5 раз! И главврач республиканского наркологического диспансера Андрей Диль на той же странице говорит, что это — только учтённые цифры. Учёные, чтобы знать истинную картину, советуют умножить их на пять. Пятью пять = 25 раз!

Какой цифирьке верить, читатель должен решить сам: например, в 1984 году каждый житель Бурятии (включая трезвенников и младенцев) употребил 12,2 литра спиртного, а в 1996-м — всего 2,92 литра. Это — тоже статистика, официальная. А где же правда? Правда в том, что никогда государство не учтёт подлинный нелегальный оборот алкоголя, количества подпольных суррогатов, а также самогона и тарасуна.

Увы, такая картина характерна для всей Сибири и, боюсь, России. В Иркутске, например, в 1997 году было снято с продажи около 70 % вин из Молдавии, Венгрии, Италии и Германии по причинам отсутствия сертификатов, несоответствия качества; в городе выявлено 12 подпольных цехов и изъята почти сотня тонн ($100 : 0,5 = 200$ тысяч бутылок!) фальсифицированной алкогольной продукции. С тех пор минуло почти три

года, но до сих пор о закрытии подпольных цехов милиция сообщает как минимум раз в неделю: на месте отрубленной головы зеленого змия вырастает десять. По данным Иркутской городской организации “Здоровье, милосердие, трезвость и культура”, в 1997 году в психонаркодиспансер с алкогольными проблемами обратилось 13416 человек, а всего на учете состоит около 60 тысяч иркутян: каждый десятый... Главный психиатр Иркутской области В. Москалев, утверждает, что потребление алкоголя в Приангарье превысило 20 литров на душу населения в год! А Госкомстат говорит, что на душу россиянина приходится только 13 литров алкоголя.

...Не лучше в Красноярске, не лучше в Читинской области, не лучше в Якутии.

Статистика утверждает, что в 1997 году в России число умерших от отравления алкоголем приблизилось к 45 тысячам человек. На сколько умножать эту цифру, чтобы получить действительную картину, я не знаю... Зато, глядя в документы строгой отчетности, вижу: за семь последних лет производство качественной (читай, государственной) водки сократилось в Красноярском крае с 15 до 6,5 литров на человека в год, в Иркутской области с 11 до 7, в Бурятии с 12 до 5, в Читинской области с 9 до 0,8 литров в год (данные середины 1998 г.). И если пить в Сибири меньше не стали (ей Богу, не стали!), значит, “остальное” добавляют, догоняют, потребляют, принимают на грудь суррогатами неизвестного производства.

Акцизом — по огуречному лосьону!

Никто и никогда не знакомил журналистов с духами, кремами, лосьонами и прочими ароматными изысками, которые готовят на основе парфюмерной жидкости “Канская”, названной так из-за того, что была изобретена в городе Канске Красноярского края — на гидролизном заводе. Какую парфюмерию производят из сего продукта, неведомо. Но зато повышенным спросом — у вполне определенных кругов, желающих оставаться в тени, — пользуется сам продукт гидролиза, а именно спиртосодержащая жидкость. Не зря же все гидролизные заводы Иркутской области — в Зиме, Тулуне и Бирюсинске — активно приступили к ее выпуску.

С начала 2000 года они разлили по цистернам, бочкам и прочим емкостям более 2,6 миллионов дал крепкоградусной “парфюмерии”. Это вдвое больше объема всей алкогольной продукции, которую производят на территории Иркутской области зарегистрированные производители крепких напитков.

Еще ряд цифр: зарегистрированные производители алкоголя имеют в Приангарье производственные мощности для выпуска 6,2 миллионов дал напитков в год, а с начала года произвели менее 1,5 миллиона, загрузка

крупнейшего производителя всех крепких напитков в Иркутске — акционерного общества “Кедр” — застыла на уровне 38 процентов!

Владимира Васькова, государственного советника налоговой службы 2 ранга, возглавляющего управление министерства по налогам и сборам в Иркутской области, заинтересовало явное несоответствие в статистике: пять лет назад местные производители алкоголя полностью обеспечивали питейные потребности иркутян, которые в те времена потребляли на душу населения 14,6 литра крепкого спиртного. Теперь на берегах Ангары произведено на каждого жителя области лишь 5,6 литра. Что есть разница в 9 литров (56 процентов потребления алкоголя на каждую индивидуальную душу, проживающую в Иркутской области)?

По словам Васькова, анализ показал, что уже в пути (а “Канскую” поставляют во все концы России, включая Петербург и Московскую область, Тверь, Самару и прочие регионы) спиртосодержащую жидкость сомнительного питьевого качества несколько раз перепродают и переадресовывают. В конце-концов оказывается, что ее получатели либо зарегистрированы по подложным документам, либо не находятся по месту указанного юридического адреса, а иной раз уже разыскиваются правоохранительными органами.

Васькова в данном конкретном случае интересовало не то, что пьют россияне, а другое: слишком разновесовая налоговая нагрузка у официальных производителей спиртного и гидролизных заводов. А все потому, что отсутствует налогообложение акцизами спиртосодержащей денатурированной продукции. В том же 2000 году гидролизные заводы Иркутской области заплатили в 4,5 раза меньше налогов, чем производители официального алкоголя!

Мало того, жидкость “Канская” выпускается без лицензии: по мнению производителей она не попадает под действие закона “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции”. Однако федеральный арбитражный суд Восточно-Сибирского округа признал правоту требований управления по налогам и сборам по Иркутской области о необходимости ее лицензирования. В управление федеральной службы налоговой полиции по Иркутской области представлены материалы о возбуждении уголовных дел против Бирюсинского и Тулунского гидролизных заводов по признакам состава преступления, именуемого незаконным предпринимательством. Решив закрепить успех, Иркутское налоговое управление вышло с предложением в правительство РФ: ввести акцизы на денатурированную спиртосодержащую продукцию.

Владимир Васьков, кстати, известен иркутянам тем, что благодаря ему на пивных этикетках “Иркутскпищепрома” появилась оригинальная фраза: настоящий мужчина найдет деньги на пиво и налоги. Теперь Владимир

Леонидович сказал нечто другое, но тоже достаточно крепко, по-государственному:

— Если кому-то нравится, он может пить даже огуречный лосьон. Но налоги должны платить все без исключения.

О пьяницах — с любовью

Вы не думали, почему производство и потребление алкоголя государство меряет в литрах на душу населения — в литрах на душу? Чтобы хоть с помощью статотчетности продемонстрировать наличие Души у каждого пьющего? Или — явить народу присутствие государственной заботы о каждой пьющей душе? Или — спить эту Душу, чтобы не стонала, не жаловалась на убогую жизнь? Это отнюдь не риторические вопросы. Но ответа на них не найти в книгах, про э т о не пишут в газетах.

Несмотря на то, что многие светлые умы в совершенно разные времена говорили об одном и том же, мы их не слышим. Ни Фрэнсиса Бэкона (“Никакие напасти и преступления не унижают столько народа и народного богатства, как пьянство”), ни Пифагора (“Пьянство есть упражнение в безумии”), ни Сенеку (“Пьянство — это добровольное сумасшествие”), ни профессора Углова, ни писателя Лескова — никто нам не нужен со своими советами...

Не слушал и я. Пока судьба не привела меня в АА, себя и своих друзей я убивал алкоголем...

Пьянство — увы! — широко и массово шагает по просторам России, оно стало нормой жизни. Негодуют, гневаются, требуют карательных мер... призывают репрессии... лишь отдельные представители общества. Их вывод прост: принудительно лечить, изолировать, ссылать в особые зоны...

Но кто протянет (уже протянул) алкоголикам руку помощи? Ведь в одиночку из пьяного моря не выплыть... Мне кажется, что более всего утопающим в алкоголе следует и надеяться, и рассчитывать на помощь самих утопающих. Конечно, соломинка. Но иной раз и она спасает.

Потому что пьющий алкоголик понимает трезвого алкоголика без проблем и опасений. Врачам пьющий не верит, а такому же, как он сам — только “бывшему пьющему” — доверяет почти безоговорочно. Конечно, ещё необходимо собственное яростное желание вырваться из порочного круга, бросить пить! И в этой ситуации общество АА, каждый его член, следующий правилам и традициям, кажется мне человеком со свечой, горящей в душе. Иногда даже блеклый, мерцающий огонёк — но живой и трепетный — среди ночи может сыграть роль спасительного маяка. Ей Богу, стоит лишь всмотреться в тьму, кажущуюся беспросветной.

А как же другие люди? Может быть, и они способны помочь? Да, наверное, но...

Другие...

Скажите, вы можете вспомнить, кто писал или говорил об алкоголиках с любовью? С любовью понимающей, сокрушающейся, поднимающей с колен, с любовью милосердной...

— О пьяницах — с любовью?

Риторический вопрос — риторический ответ.

А пробовали?

* * *

Сколько раз я мучался, вопрошая (до, во время, после выпивки): в чем смысл жизни? Видимо, не я один мучался. Недавно, из уст человека, прошедшего и пьянство-алкоголизм, и наркотики, услышал прозрачно-ясный ответ, добавить к которому нечего: “Смысл жизни — в спасении Души”.

Что ж, спасибо, алкоголь, друг мой, за эту встречу и сию истину. Не буду жаловаться, что поведана она мне слишком поздно, ибо вообще могла быть скрыта от меня, как до сих пор закрыта от многих других.

1997-2000 гг.

Елена Щербакова (Кемерово), “Кузбасс”, “Как я трудоустраивала соседа”, “Мир для двоих”

Заведующая отделом писем областной массовой газеты “Кузбасс”.

В средствах массовой информации работает с 1980 года. Первые ее читатели - жители Севера Тюменской области. Первые публикации - о простых людях, их нуждах, незатейливом быте, культуре.

Вернувшись на родину, в Кузбасс, Елена опять-таки выбрала для себя главной тему социальную. Много писала о жизни селян, а в последнее время героями ее публикаций все чаще становятся люди, обиженные жизнью, которым требуется помощь. Как живет бомжам, безработным, многодетным или просто малообеспеченным семьям, одиноким старушкам, детям-инвалидам, юным сиротам, какие акции проходят в Кузбассе в защиту этих людей - обо всем этом можно узнать из ее публикаций.

Как я трудоустроивала соседа. Работа для инвалида – это его возвращение к полноценной жизни.

В нашем дворе его всегда звали по-свойски - Алексеем или Лешей. Видный мужчина лет сорока, всегда в настроении, обычно перемолвится словечком, а то и пошутит, расскажет свежий анекдот, перед тем как отправиться на прогулку со своей пушистой болонкой. Собачку выгуливал он каждый вечер, даже в дождь.

Нынешней зимой бегают его пес по двору один или в лучшем случае выйдут Алешины жена и сын. Оба тихие, хмурые, постоят молча около подъезда минут десять и уже зовут своего Барсика домой.

Вскоре мы, соседи, узнали причину внезапного исчезновения Алексея, ему, бедняге, из-за какой-то серьезной болезни ампутировали ногу, и теперь он из своей квартиры не может выйти. Понятно стало и настроение его домашних. Недавно жена Надежда Ивановна, по профессии учительница, и сама пожаловалась на жизнь. Мол, тоска заедает мужа в четырех стенах, и бедность мучает всю семью: учительской зарплаты на четверых слишком мало, а Лешина пенсия по инвалидности - слезы. Как вырваться из этого положения, чтобы и денег прибавилось, и интерес к жизни у мужа пробудился? На эти вопросы Надежды Ивановны никто из соседей ответить не смог, но я пообещала чем-нибудь помочь, а заодно выяснить, возможна ли хоть какая-то трудовая (а это и моральная) реабилитация в нашем городе людей, лишенных возможности двигаться.

Случай представился почти сразу же - в декабре Кемеровский центр занятости населения объявил о проведении ярмарки рабочих мест для инвалидов. Ярмарка, как водится, проходит всего один день, зато дает возможность не заочно, а живьем” познакомиться с работодателями, оговорить сразу же условия труда и оплаты.

Пока Надежда Ивановна вела в школе уроки географии, я прохаживалась по “ярмарочному” залу центра занятости, разглядывала таблички на столиках, прислушивалась к разговору посетителей с приглашенными представителями предприятий и организаций Кемерова. Как назло, ничего подходящего для моего соседа не видела. Массу предложений пойти страховым агентом отметила сразу же, ведь эта работа только для ходячих. Общество слепых представило на ярмарке целый перечень интересных вакансий, часть из них посетители охотно бы заняли, но работодатель, как выяснилось, отдает предпочтение исключительно “своим” - людям с частичной потерей зрения. Одного мужчину было даже жаль: в устройстве подсобным рабочим и то отказали. Дескать, нужна женщина, и притом со слабым зрением.

Каменщик, швея, вахтер, дворник, изготовитель пельменей, модельер-конструктор, социальный работник... Опять все не то, разве пойдет наш

Алексей шить женские халаты? А социальный работник ему самому бы не помешал.

Где же предложение надомной работы? Как выяснилось, даже здесь, на ярмарке, такие вакансии - редкость. Нашла лишь одно предложение: сборка спичечных коробок на ПДК "Сервис". Принцип такой: тебе привозят на дом сырье, а ты знай складывай его в готовое изделие. За десять коробок заплатят 15 копеек. Норма - две тысячи коробок, хотя можешь собрать и меньше. Средняя зарплата- 600 рублей. Но смущает одно: производство спичечных коробок на этом предприятии организуют впервые, а, значит, нет уверенности, что все получится так, как запланировано. И вообще этому работодателю можно ли верить? Пока я раздумывала, у столика с табличкой ПДК "Сервис" скопилась целая толпа. Список желающих собирать коробки стал расти с каждой минутой.

- Запишите еще меня, - попросила одна из посетительниц, молодая и вроде вполне здоровая.- Хочу, чтобы дочь моя работала у вас, у нее эпилепсия в тяжелой форме, ходить не может.

- И меня, - решила я. - Вернее, соседа-инвалида. Надеюсь, для него место еще найдете?

- Всех примем, - бойко ответил представитель предприятия. Нам надо набрать человек 300.

Вопрос, надежно ли такое трудоустройство, можно ли доверять ПДК "Сервис", я все-таки задала, только в другом месте - в штабе ярмарки. Василий Михайлович Виноградов, работник службы занятости и главный ответственный

Ответственный за ярмарку, дал весьма положительную характеристику предприятию. Дескать, "Сервис" постоянно сотрудничает со службой занятости, активный участник аналогичных ярмарок. Обиженных среди тех, кто пошел на это предприятие, пока не было. Занимаются здесь производством мебели, а сейчас решили из остатков дерева делать еще и коробки для спичек. Пусть производство будет безотходным- так рассудили.

На ярмарке вакансий познакомилась еще с одним человеком, которого в большей степени волнуют проблемы инвалидов. Это Любовь Григорьевна Белозерова, главный специалист управления соцзащиты населения Кемерово. Тоже пришла на ярмарку оценить шансы в трудоустройстве своих подопечных - инвалидов по зрению, слуху, "опорников" и так далее.

- Ко мне постоянно обращаются люди с ограниченными возможностями, - рассказывает Л. Г. Белозерова. - Вопросы разные и среди них: "Как найти работу?" Сейчас вот пытаюсь куда-нибудь устроить парня с нарушением

двигательных функций. Он хороший часовщик, как профессионал уверен в себе. По опыту знаю, что человека мастерового все же можно куда-то определить.

Но основная масса инвалидов - это люди без высшего образования или не успевшие освоить какое-то ремесло. В городе 26 тысяч взрослых инвалидов, из них только тысяча человек - высококвалифицированные специалисты. А без знаний-навыков никуда не берут.

- Значит, если ты потерял ногу, но умеешь шевелить мозгами, то еще не потерян для рынка труд?

- С инвалидами-опорниками сложнее всего, - продолжает Любовь Григорьевна. - Их много, да и всем нужен надомный труд. Хотя и любому другому инвалиду непросто прожить в этой жизни. Работодатель, прямо скажем, не в восторге от таких кадров, у которых что-то не в порядке. При поиске подходящих мест для инвалидов II, III групп приходится выбирать в основном те организации, куда люди с нормальным здоровьем идут крайне неохотно. Например, просим зав. детсадами взять инвалидов дежурными слесарями, дворниками, то есть хотя бы на низкую зарплату.

Есть, правда, и специальные предприятия инвалидов - это "Лидер" (руководитель Герман Николаевич Колчиков), выпускает электроустановочные изделия. Но все места там заняты, а расширение не предвидится. Или организовали 40 рабочих мест для инвалидов в Кировском районе. Причем пустили автобус для подвоза сырья на дом и сбора готовых изделий. Город подпитывает из бюджета организации инвалидов - в виде разовой адресной помощи или целевых программ. И все равно проблема зарабатывания, а вместе с тем и общения людей с серьезными нарушениями здоровья будет решена, очевидно, не скоро.

Выходит, соседу моему Алексею, которого я вовремя внесла в списки претендентов на изготовление спичечных коробок, крупно повезло? Как мне дали понять в центре занятости, радоваться рано. В прошлом году на аналогичной ярмарке работодатели отобрали в качестве претендентов на вакансии 72 инвалида. Если половина из них не передумала занять предложенные рабочие места да закрепилась на производстве, то это хорошо.

Мир для двоих

Они живут так, будто ничего вокруг них не существует. Их не волнует, что за окном уже белым-бело и можно лепить снеговика с красным носом-морковкой. Их не разбудит завтрашним утром протяжная трель будильника, так как наступающий день будет таким же неспешным,

скучным, длинным, как сегодняшний, вчерашний. Они не побегут сломя голову на любимую работу, в школу, а будут вот так же, как сейчас, смотреть друг на друга с виноватым видом и ждать... Ждать непонятно чего. Они - мать и сын или мать и дочь. Один из них здоровый, другой – безнадежно больной. Больной с рождения. Ребенок – инвалид. Оттого и живут они будто по-прежнему спаяны незримой пуповиной. Не отойти друг от друга, не уехать. К сожалению, таких семей, в которых растут дети-инвалиды, становится все больше. О них – наш рассказ.

Материнский инстинкт в Татьяне проснулся рано. Сама еще подростком была, а мечтала скорей повзрослеть и нарожать мальчиков и девочек.

Говорят, господь Бог перед тем как наказать человека, исполняет его желания. Так случилось и с нашей героиней. Материнство для Татьяны Владимировны Кикиной, кемеровчанки, стало скорее тяжким испытанием, чем таким естественным для любой женщины счастьем.

Первенец Данилка родился как будто бы нормальным. Однако через год счастье супругов Кикиной было омрачено страшным диагнозом — детский церебральный паралич (ДЦП). Правда, врачи заверили, что мальчик как пациент перспективный, что стоит подлечить и...

Здоровым ребенок так и не стал и теперь уже, похоже, от инвалидности не избавится. Сейчас ему 10 лет, его маме чуть более 30. А папы больше нет, папа просто ушел, не выдержав продолжительной борьбы Татьяны за здоровье сына.

— Семейой мы так и не успели пожить, — вспоминает Татьяна Владимировна. — Ведь я с ребенком по полгода в больницах обитала. Лечились мы в Новокузнецке, Новосибирске, Москве, Барнауле, даже у колдунов разных побывали. А муж был дома один, и это его угнетало. Я предложила ему расстаться, а он возражать не стал.

Одной потерей для этой семьи не обошлось. Любимую работу в школе, где Татьяна преподавала историю и замещала директора, пришлось оставить. А ведь ей пророчили блестящую карьеру! "Какая может быть карьера, — жалуется хозяйка дома, — если больше чем на полтора-два часа Данилу дома не оставишь, кому-то надо за ним присматривать, а няньки нет!"

На первый взгляд, Данилка не производит впечатления беспомощного. Даже наоборот, сидит себе спокойно в управляемой коляске и работает с домашним компьютером. На дом к нему приходит учительница, помогает освоить курс средней школы. Почему бы не оставить десятилетнего ребенка дома, а самой где-то подрабатывать на полставки? Так думалось, пока мама ребенка не объяснила нюансы.

Во-первых, коляски у нас выпускают такие громоздкие, что без посторонней помощи в них дальше этой комнаты не уедешь. А так называемая программа “безбарьерного проезда инвалида внутри квартиры” — это только слова, так как перепланировка квартир требует таких денег, которых у государства нет.

Кстати, коляски для инвалидов, даже такие громоздкие, примитивные - дефицит. Эту Татьяне подарили друзья, а так бы в очереди на получение коляски пришлось стоять годами. И так уж третий год пошел, как ждет Татьяна в соцзащите новую коляску.

Во-вторых, приобретение каких-либо приспособлений для ухода за немобильными людьми — тоже проблема. Десятилетний Данилка уже сейчас весит 65 кг, и хрупкая мама каждый раз надрывается, когда переносит его на кровать или в ванну.

Выйти куда-то погулять с сыном непросто, так как коляска тяжелая, а пандусы в городе — достопримечательность. Всю зиму и весну Данилке придется сидеть дома, а там, возможно, вывезет его Татьяна хотя бы во двор. Хорошо хоть живет эта семья на первом этаже, да и пандус в подъезде специально для них соорудили. Опять же сыграла роль настойчивость самой мамы.

Но больше всего волнует Т. Кикиной, что уход за подрастающим сыном становится все тяжелей, а помощницы рядом нет. Если бы соцзащита или Красный Крест направили кого-нибудь к ней! Пусть бы этот соцработник приходил хотя бы три раза в неделю. Но нет, отвечают: “Сиделки у нас только для взрослых”.

Семье тяжело и материально, ведь их постоянный доход составляет 650 рублей — пенсия Данилы. Мама, правда, перебивается случайными заработками, но это сложно и ненадежно. А что дальше? О будущем, даже самом ближайшем, здесь говорить не принято. Страшно становится. Пока ясно одно: у Татьяны нет возможности родить второго и, быть может, здорового ребенка, а значит, испытать по-настоящему материнское счастье. Нет шансов и на личную жизнь: неподдельный смех вызывает у этой женщины желание сына “найти достойного мужа маме”.

— Какой муж? — восклицает наученная горьким опытом женщина. — Он же сбежит от нас!

О профессиональной карьере тем более здесь не мечтают. Эти два родных человека, мать и сын, чувствуют себя в ловушке. И, к сожалению, не нашлось до сих пор никого, кто помог бы семье “открыть” заветную дверцу и выйти на свободу.

К сожалению, наш рассказ о семье кемеровчан Кикиной у некоторых читательниц не вызовет удивления: проблемы у семей, в которых растут дети с ограниченными возможностями, схожи. В этом я убедилась, побывав на семинаре-тренинге, проведенном специально для таких мам, как Татьяна, общественной организацией “Оберег”. На семинаре мамы выступали тоже. И каждая из них переживает ситуацию “ловушки” по-своему. Вот мнения некоторых родителей.

- Моему сыну пять лет, он так называемый аутист. “Аутизм — состояние психики, характеризующееся отходом от реальности, нарушением коммуникативного поведения”, это короткая цитата из справочника детского невропатолога. К таким детям, которые, между прочим, все видят и слышат и очень переживают, когда их ругают, нужен особый подход. Но в детсадах с ними не хотят отдельно заниматься или быть к ним повнимательней. “Вы не по нашему профилю, у нас детсад для олигофренов”, “Ваш ребенок мешает на занятиях другим”, “У логопеда норма 8 детей, а у нас их 12” — такое часто слышу.

Найдите мне детсад для аутистов, и я с радостью обращусь туда! Изолировать же ребенка в четырех стенах просто губительно. Работа с аутистами ведется в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Томске. Наш регион пока — белое пятно.

Неужели нельзя создать для таких детей хотя бы группы в детсадах, а лучше — специализированные центры.

Конечно, родители могут нанять специалистов для занятий с ребенком (это 60 рублей в час), свозить малыша в столицу к знатокам, в Севастопольский дельфинарий (20 долларов за одно занятие дельфинотерапии). Но все ли могут себе это позволить?

Татьяна.

- В школах, к сожалению, тоже не учитывают особенности аутичных детей, а ведь они в большинстве своем очень способные, даже талантливые. В Кемеровском центре реабилитации детей-инвалидов готовы заниматься с аутистами, но лишь 24 дня. А что дальше? Ребенку нужно постоянное внимание — хотя бы два раза в неделю по три часа с ним должен быть рядом педагог, логопед, музработник. По крайней мере, новосибирская школа Бороздина работает по такому принципу, и результаты впечатляют.

Нина Васильевна, мама десятилетнего Саши.

- Во время родов моей дочке-первенцу повредили шейку, и теперь Ксюша — психохроник, то есть не обучаемый ребенок, которого не берут ни в детсад, ни в школу. Ее и дома одну не оставишь, нужен пригляд. И вот уже

девять лет мы с мужем не знаем, что нам делать с Ксюшей, на кого оставить, чтобы я смогла выйти на работу. Пытались устроить в интернат, но таких учреждений на всю область пять, в Кемерове — ни одного. Предложили нам место в интернате г. Мыски, сказали, что на выходные можно дочь забирать. Но это нереально, путь из Кемерова до Мысков не ближний, а длительную разлуку с девочкой мы не выдержим.

Я не раз была и у главы города В. В. Михайлова, и в управлении соцзащиты с предложением организовать хоть что-то для таких детей, как Ксюша. Кстати, в Кемерове ребятишек-психохроников не менее 500. Открыли бы группу социальной адаптации при городском центре социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями. В этой группе мой ребенок мог бы несколько часов общаться с себе подобными, ведь сидеть постоянно дома и Ксюше, и мне тягостно. А лучший вариант — интернат для психохроников с круглогодичным пребыванием. К сожалению, мои предложения так и не приняли.

Светлана Дорошенко.

- Между прочим, влияет на психику, когда ты сидишь со своим ребенком-инвалидом все 24 часа дома. И мы, мамы, становимся ворчливыми как старушки, и в детях просыпается агрессия. Моей подруге порой приходится даже связывать своего разбушевавшегося малыша-олигофрена.

Я считаю, нужны учреждения, где могли бы собираться не только больные дети, но и их родители — для психологической разгрузки.

Ирина Анатольевна.

Итак, вопросы поставлены, хотя не все наиболее удачное удалось высказать мамам –Татьяне, Ирине, Светлане и другим. Тем не менее предоставляем ответное слово тем, кто по долгу службы пытается облегчить жизнь семей, в которых растут маленькие “даунята”, “колясочники”, аутисты...

Ольга Федоровна ПЕТРОВА, руководитель проекта “Независимое будущее моего ребенка”:

— Пять лет работаю психологом в Кемеровском центре социальной реабилитации для детей с ограниченными возможностями. И вот что я поняла: помощь нужна не только ребенку-инвалиду, но и самой маме. Тем не менее, кто когда у нас спрашивал женщину: “А вам-то как живется?”, “Где берете силы на воспитание чада?” Мама чаще выступает в качестве ответчицы: что дала она своему больному малышу, а в чем помочь не смогла?

А маме плохо, она сама — мученица. Груз стресса с годами накапливается, переходит в хронический, и это меняет характер женщины.

Наиболее серьезные стрессы возникают у родителей в период, когда ребенок вырос, а выйти в самостоятельную жизнь не в состоянии. Его не берут на работу, так как государству проще дать ему пенсию, чем создать оптимальные условия труда. Он не может найти себе пару, удовлетворить потребности в сексе, любви. Между прочим, секс — большая проблема для инвалидов, хотя говорить об этом у нас почему-то не принято. Я даже не встречала литературы на эту тему.

А бедные родители не знают, что делать, как устранить все эти “большие бедки” повзрослевших сыновей и дочек. Вот мы в своем центре и пришли к выводу, что родителей надо ко многому психологически подготовить, обучить правильному общению со своими детьми. В прошлом году у нас был клуб для родителей, где мы устраивали психотренинги. Но этого показалось мало, и сейчас создаем еще родительское объединение, в котором мамы “со стажем” будут обмениваться информацией о том, кто как выходит из критических ситуаций в семье. Продолжим занятия для родителей по снятию стресса, по принятию своего нездорового ребенка, поможем мамам изжить чувство вины, горя, печали, агрессию. В родительском объединении уже сейчас участвуют десять достаточно активных мам, которые привлекают в наш центр и других. Что касается занятий с детьми-аутистами в течение продолжительного времени, то это, безусловно, необходимость. Но если мы всерьез займемся аутистами, то на всех других детей сил уже не хватит. Аутичных ребятшек много, а специалистов, обученных по спецпрограммам — дефектологов, психологов, музработников, — практически нет. Так что проблема упирается в кадры, в денежные затраты, которые центр пока не может себе позволить

Александр Владимирович ТИМОФЕЕВ, директор Кемеровского центра социальной реабилитации для детей с ограниченными возможностями:

— Оговорюсь сразу, наш центр не решит всех проблем детей-инвалидов, но без него было бы еще хуже. Работаем с 8 утра до 8 вечера, без выходных, ежедневно можем принять 250 ребятшек с тремя патологиями: нарушение интеллекта, ДЦП (не в тяжелой форме) и “опорников”. Мы стараемся сделать наш центр вторым домом для маленьких посетителей. У нас будет изостудия, швейная мастерская, займемся лозоплетением, уже сейчас обучаем ребят верховой езде, а лошадей предоставляет совхоз “Андреевский”, работает физкультурно-оздоровительная секция.

Находимся мы в новом здании по адресу:

улица Свободы 9а, где планируем открыть стационар для неходячих детей на 20-25 коек. А пока у ребятшек есть возможность полечиться у нас в отделении дневного пребывания в течение 24 или 56 дней.

Новое помещение оборудовано по последнему слову: сенсорный зал, есть зимний сад, где обитают черепахи, рыбки и даже филин, есть все

возможности для лечения и отдыха. Кстати, мамы тоже могут отдохнуть у нас в кафе-мороженое, общение, телевизор, музыка. Приходите — не пожалеете.

Елена Антоновна СТАРИКОВА, ведущий специалист департамента образования:

— А для нас главное — удовлетворить потребности в образовании детей. Неважно, в какой форме проходит обучение — надомной или в школе, в интернате. Главное, чтобы ребенок-инвалид получил те знания, которые необходимо иметь в его возрасте. Кстати, обучаемых детей с ограниченными возможностями в Кузбассе не так много — 0,5 процента (или 2063 ребенка) от всех учениц и учеников. На дому обучаем 990 ребятшек, из них 517 инвалидов.

Существует у нас и сеть коррекционных образовательных учреждений — специализированные школы-интернаты с круглосуточным пребыванием и просто школы. Таких учреждений 64, из них 49 — для детей умственно отсталых.

Понимаю, что для конкретных мам все эти цифры мало о чем говорят. Но если взять, к примеру, учреждения для детей с ДЦП, то их не так мало: две школы-интерната в Кемерове (интернат № 100 для ребят с сохранным интеллектом и интернат № 24 для учащихся с комплексом нарушений), начальная школа-сад в Киселевске и школа-детсад в Новокузнецке. Но в этих четырех школах обучают детей, способных за собой ухаживать. Дети с тяжелой формой ДЦП, такие как Данила, — редкость, поэтому для этих ребят в системе образования нет специализированного интерната с круглосуточным пребыванием. Согласно инструкции Минобразования, мы не имеем права принимать в специализированные образовательные учреждения детей с нарушением опорно-двигательной системы, нуждающихся в постороннем уходе. В штатах таких учреждений не предусмотрены ставки нянь, которые обслуживали бы беспомощных ребят.

А вот мам детей-аутистов могу утешить. Сейчас органы образования во всех регионах как раз заняты изучением проблемы обучения, воспитания таких детей. Скорее всего, пожелания мам о создании специализированных садиков и школ для аутистов сбудутся. Во всяком случае, стратегическая линия Минобразования уже направлена на это.

Людмила Ивановна Федотова, Ирина Николаевна Соколова, руководители отделов Кемеровского центра занятости населения:

- Существуют две проблемы: как помочь самому ребенку да еще трудоустроить его маму. Начнем с первой. Молодые люди 16 лет,

признанные инвалидами 2, 3 группы, но желающие выполнять какую-то несложную работу, обычно приходят к нам, в центр занятости, с так называемой индивидуальной картой реабилитации. Если человек не определился, чем готов заняться, то с выбором и обучением профессии помогаем мы. Каким образом? Лучше всего направить человека в Новокузнецк, где профобучение инвалидов поставлено на поток. А если нет возможности ехать, обучим здесь или в группе, или по индивидуальному плану. С этим проблем нет. Но на втором этапе — трудоустройства — могут возникнуть сложности. И тут, скажу честно, служба занятости бессильна, так как закон о квотировании рабочих мест для людей с ограниченными возможностями у нас не работает.

Да и адаптируются в трудовом коллективе молодые инвалиды плохо. Даже если человек куда и устроился, это не значит, что останется там надолго. Вероятно, сказывается привычка инвалидов детства полагаться на родителей. Сам же человек не понимает, что контроль за своей судьбой пора брать в свои руки. Не случайно в нашем центре введен курс психологической поддержки молодых безработных, которых мы учим самостоятельно принимать решения и отвечать за свои поступки.

Не вижу особых сложностей в трудоустройстве мам. Вот один из вариантов: мама-безработная получает безвозвратную субсидию центра занятости под организацию собственного дела. Какого? Связанного с реабилитацией детей-инвалидов. Причем женщина может привлечь к делу и других мам, а мы поможем составить бизнес-план и даже найти единомышленников.

Мы бы предложили длительно неработающим родителям пойти на общественные работы. Это необязательно “грязный” труд, как привыкли судить у нас о таком виде занятости. Можем на неполный рабочий день устроить в органы соцзащиты, можем еще куда, правда, оплата труда у женщин будет невысокой. На сегодняшний день 77 предприятий города подали заявки на желающих поучаствовать в общественных работах, и 500 человек, трудоустроенных нашей службой по данным заявкам, не считают такой вид занятости непривлекательным.

Галина Васильевна ОСТЕРДАГ, зам.начальника департамента соцзащиты населения:

— Упреки мам в большинстве своем справедливы. Но давайте начнем с того, что до 1992 года мамы, родившие детей-инвалидов, вообще лишены были какой бы то ни было поддержки. Органов соцзащиты не существовало, и общество делало вид, что детей с явно выраженными отклонениями нет.

Родители сдавали младенцев в интернаты, и на этом воспитательная миссия заканчивалась.

С 1992 года ситуация стала меняться. Вышли законы о соцзащите населения, появились учреждения, которые народ до сих пор называет по-старому “Забота”. Первое, за что мы взялись, это элементарный учет всех инвалидов. Ходили по домам сами, так как мамы практически не обращались. И к 1997 году смогли, наконец, установить реальную цифру — 9055 детей-инвалидов. Сейчас их уже 13844.

С другой стороны, стало уменьшаться количество “государственных” детей, так как мамы, почувствовав хоть какую-то заботу, перестали сдавать в интернаты своих малышей. Сейчас в интернатах около 900 воспитанников, появились свободные койки.

Но радоваться рано. Общее количество больных детей растет и растет. Каждый год эта печальная “прибавка” составляет тысячу человек. Больше всего у нас детей с ДЦП. На втором месте — дети с поражением центральной нервной системы, на третьем — с нарушением двигательных функций. Причины этой статистики? Экология — раз, пьющие родители — два. Ну и родовые травмы, конечно, хоть врачи об этом предпочитают умалчивать.

Еще один печальный факт: 25 процентов семей, в которых растут маленькие инвалиды, — неполные. То есть мамам приходится нести эту нишу в одиночку, а это создает для нас дополнительные сложности, так как одиночество усугубляет страдания женщины.

Первый наш опыт социальной реабилитации семей — это оздоровительные лагеря для детей-инвалидов. В 1994 году такой лагерь был создан под патронажем Амана Гумировича Тулеева, который работал в то время в облсовете народных депутатов.

Но самой перспективной формой работы стало создание центров социальной реабилитации для детей с ограниченными возможностями. Первый центр открыли в Новокузнецке, потом — в Кемерове, Ленинске-Кузнецком, Мариинске, Анжеро-Судженске. Во всех есть стационарные отделения, где 30 дней мама живет вместе с ребенком, проходит курс реабилитации: ЛФК, массаж, ванны, сенсорные комнаты, занятия с психологом, логопедом и так далее. Все услуги, включая питание, бесплатные.

Конечно, таких центров должно быть не пять, а в каждом городе. Но это пока нам не под силу. Как не под силу и другое — социальное обслуживание детей на дому. Пока Алтай в этом отношении нас уже опередил — там соцработники ходят на дом к детям-инвалидам и помогают во всем. Значит, и нам предстоит заняться уходом на дому не только за престарелыми одинокими людьми, но и детьми-инвалидами.

Вторая поставленная мамами проблема— обеспечение инвалидов-опорников колясками, приспособлениями. Все это уже не дефицит, больше года в очереди на коляску у нас не стоят. Приспособления для инвалидов покупаем на предприятиях Уфы и выдаем в основном взрослым “колясочникам”. Но сейчас есть возможность обеспечить теми же ходунками, приспособлениями для ванн и детей. Чтобы получить для ребенка все необходимое, маме надо пойти в бюро МСЭ, представить индивидуальную карту развития ребенка, и в этой карте ме дики должны указать, какие именно приспособления нужны. Дальше мама обра щается с заявлением в органы соцзащиты и получает то, что ей облегчит уход за ребенком.

На что еще по закону можем тратить госсредства? На обеспечение семей санаторно-курортными путевками “Мать и дитя” как в местные здравницы, так и юга России. В этом году такую возможность получили 637 семей, и это не так много, если учесть, что очередь среди нуждающихся только в Кемерове и Но -вокузнецке — по две тысячи семей.

Конечно, гордиться особо нечем, но людям любая помощь будет мала, каких бы средств на нее не выделили. Однако выше головы не прыгнешь. Государство небогато и сегодня гарантирует семьям с детьми- инвалидами только пенсию да льготы за проезд, коммунальные услуги. Остальное — по возможности, через органы соцзащиты. Наверное, в этой ситуации важно понять, что общество наконец-то повернулось лицом к проблеме, а значит, остановки в этом движении не будет, появятся новые виды поддержки как взрослых, так и детей.

Номинация “Молодежь Сибири”

Евгений Кармаев (Омск), “Омская правда”, фотокорреспондент.

1,2 (“Служу России!”),3 - “Освященные погоны” - “Омская правда”, 1 августа 2001 г. (выпуск офицеров в Омской академии МВД России)

4. “Секреты Давыдкиных” - 16 мая (многодетная семья)

5. “Два плюс три” (у омичей ларисы и Вячеслава Яровенко родилась тройня) - 16 марта

6. “Первые часы после детства”(“Когда уйдешь со школьного двора”) - 27 июня (выпускники школы №65 г. Омска)

7,8,9 - “Горит свеча венчальная” (венчание в новом Христо-Рождественском соборе, г. Омск) - 31 января 2001 г.

Юлия Степанова (Томск), “Томская неделя”, “Мечта о кусочке мыла среди мертвечины”.

Юля – студентка сразу двух факультетов Томского университета. Причем и там, и там учится на отлично. Кажется, ей “светит” “красный диплом” (тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!). Сфера ее интересов – журналистское расследование. И еще мечтает Юля издавать свою социальную газету.

В Москве трудолюбивая студентка-томичка побывала в Агентстве социальной информации, в редакциях газеты “Версты” и “Известия-online”. В двух последних редакциях получила предложение о сотрудничестве.

Мечта о кусочке мыла среди мертвечины

Николай Михеев проводит свою жизнь среди разложившихся человеческих органов, разъедающих кислот и древесных опилок. Уже 7 лет он живет в помещении судебно-медицинской экспертизы, держась только за веру в Бога и жизнеутверждающие афоризмы.

Жить Николаю Михееву затхло, холодно и просто до тошноты противно из-за неизбежного унижения. Но прав бороться за что-то большее он не имеет - не положено-с. Конурка его раньше была вахтерской комнатой, потом - столярной мастерской, но помещением, приспособленным для жизни человека, она не была никогда. Только поэтому в соответствии с действующими законами его не могут зарегистрировать по месту жительства, и, следовательно, он не имеет права на улучшение жилищных условий, лишен права на медицинское обслуживание, а заодно и избирательных прав. Его робкие претензии хоть на что-нибудь неизменно натываются на недовольное 'Ты кто такой? Откуда свалился?'. До недавнего времени Николай имел неоспоримое право на ежемесячный кусочек хозяйственного мыла. Но и того следы затерлись. Сейчас мечта о мыле среди окружающей мертвечины и химии для Николая - самая насущная.

Здание судмедэкспертизы непригодно не только для проживания там людей, но и для хранения в нем химических реактивов. Поэтому в помещении постоянно висит тяжелый смрад. Жители соседних домов буквально воют, когда здесь проводят очередные эксперименты. Прошлым летом взорвалась бутылка хлорэтана, тогда из здания эвакуировали ВСЕХ, КРОМЕ НИКОЛАЯ, поскольку одна из его обязанностей - сторожить. Ведь не бросишь все это хозяйство совсем без присмотра. Николай уже привык во всем быть заодно с этим своим “домом” - вроде вещей, которые остаются внутри, что бы ни случилось.

Его и в центр судмедэкспертизы-то передали, так сказать, вместе со зданием, принадлежавшим раньше центру медицинской профилактики, где Николай Михеев тоже числился сторожем. За семь лет, проведенных здесь, у него устроилось даже что-то вроде комнаты. К бывшей вахтерской

кушетке прибавились книжная полка, стол, духовка и даже телевизор. Несколько деревянных вещичек выстругал сам Николай. Например, деревянную фигу, которую он ставит на телевизор, когда тот перестает работать.

За время нашей беседы я так и не поняла, в чем источник энергии этого маленького росточком, больного и одинокого 57-летнего человека. В его интонациях не было жалобы или отчаяния, всего лишь робкая обида за те несправедливости, перед которыми то и дело ставит его жизнь.

Еще одна обязанность Михеева - сантехнические работы. Периодически нужно чистить трубы, в которые спускают не только кровь и поджелудочные соки, но и целые куски того, что раньше было человеческими телами. Защитных средств не выдают, да и все равно пользоваться ими невозможно. "Попробуй-ка взять трос резиновыми перчатками, - рассуждает Николай, - и протолкать забившиеся трубы. Эти перчатки лопнут через шесть секунд". В основном Николай работает голыми руками, терзаемый постоянным страхом занести в многочисленные ранки какую-нибудь заразу. Попытки "выбить" льготы за вредность, молоко или хотя бы кусочек хозяйственного мыла - один кусочек в месяц - не приводят ни к чему, кроме унижения: "Кто ты такой? Что ты привязался к нам со своим мылом?"

Начались его мытарства с работы на Севере. Был тогда Николай Михеев мастером рейда по приему грузов в Александровском речпорту. Летом - в порту, зимой - в столярке. Однажды из-под станка вылетела доска и ударила Николая по животу. Он получил тяжелейшие травмы: лопнула печень и треснул межпозвоночный диск. С этого момента и пошло все наперекосяк и со здоровьем, и с работой. Тяжело стало выдерживать физическую нагрузку, стал жаловаться на боли в руках и ногах. Кому нужен такой работник? Начальству не терпелось его уволить, однако мешал акт о несчастном случае на производстве.

– Однажды к нам причалил туристический теплоход, - вспоминает Михеев. - Капитан выделил нашей бригаде два ящика пива. Наш брат увлекся - кто больше... кто меньше... Помню, сам я выпил не больше двух стаканов. А начальник отдела кадров не растерялся, привел медичку, та констатирует факт: выпившие на рабочем месте. Вот и нашлась нужная зацепочка. Я как раз был дежурным, поэтому уволили меня и еще двух неугодных. Я разнервничался, утром не смог встать - отнялись ноги. Месяц - в больнице, после чего отправили на обследование в Томск.

Покалечился, потерял единственное место, где надеялся получить хоть какой-то угол для житья - дом моей мамы в Поросино. Дом вовремя не приватизировали, у сестры, которая этим занималась, обнаружилась открытая форма туберкулеза, вскоре она умерла. Когда она еще лежала в больнице, кто-то уничтожил все документы, касающиеся нашего дома, и выбросил в сарай все вещи. Дом передали в распоряжение сельсовета, а тот поселил туда чужого паренька, недавно женившегося. Я узнал об этом слишком поздно. Делал робкие попытки претендовать на дом, но в ответ только и слышал: "Да кто ты такой?" Эти слова сопровождают меня повсюду, чего бы я ни пытался добиться.

Есть ли у Николая Михеева собственная семья? Где-то есть. Он знает только, что дочери живут сейчас еще хуже него. Ждал их с внуками на Новый год, приготовил сладкие подарки, но никто не приехал. Николай, кстати, как бы тяжело ему ни жилось, всегда готовит внукам подарки.

– Для своей жены и дочерей я в свое время с жадностью хватался за любую работу. Не буду скромничать - в средствах, когда дружно жили, не нуждались. Моя основная специальность - слесарь, но я имею высокий разряд и по другим строительным специальностям: штукатур, маляр, столяр, плиточник, отделочник...

Когда-то Николай Михеев был приглашен в Томск - работать на строительстве города. Обещание ему дали заманчивое: предоставить в течение года трехкомнатную квартиру. Неизвестно было, какая именно квартира в строящемся доме достанется ему, бригадиру. Поэтому каждую отделывали "с иголочки". Шло время, а квартиру все не давали. Выяснилось, что кто-то не поленился донести о разрыве Николая с семьей. Какая ему теперь трехкомнатная одному, бессемейному? С семьей он, действительно, разошелся, но в паспорте печати о разводе до сих пор нет.

Потом он, где работал, там и жил.

- Я очень люблю детей, особенно пацанов, которые не очень дружат с порядком. Будучи завхозом в школе и каждый день сталкиваясь с разбитыми окнами, сломанными замками, собрал вокруг себя целую группу таких "сорвиголов" и увлек их резьбой по дереву. Делал это на общественных началах, а жил прямо там, в школе.

О проблемах со здоровьем он не вспоминал, пока они не вспомнили о нем. В то время Михеев работал медбратом в наркологическом диспансере. Но сам права на медицинское обследование не имел, поскольку не было прописки. Нашлись добрые люди - один из врачей поставил в его карточке

свой адрес, другой - ведущий хирург - оказался бывшим одноклассником Николая. Посодействовал, сделали операцию, которая была жизненно необходима из-за травмы позвоночника. После операции за один месяц у Николая выпали все зубы, а потом стало пропадать зрение. Тогда он уже жил в центре медицинской профилактики.

В прошлом году Николай решил бороться. Стал интересоваться законами, обратился к адвокату в центр социальной защиты населения. Первую жалобу в судебные инстанции Николай Михеев отправил после отказа главы Северного округа Томска поставить его на учет как лицо, нуждающееся в улучшении жилищных условий. Отказ мотивировали тем, что у Николая нет прописки. Естественно, такой подход вообще лишил его возможности когда-либо получить жилье.

Жалоба в суд дала свой результат: чиновники из администрации Северного округа соизволили приехать... посмотреть... Убедились, что он действительно вынужден обитать в нежилом помещении. Поставили его на учет как остро нуждающегося в жилье. Но присвоенный номер очереди - 355 - особой радости ему не доставил. Любезные наши господа чиновнички сделали вид, что не знают о том, что людям его категории выделяют 2-3 квартиры в год. Нетрудно посчитать, что при таком раскладе Михеев получит свой угол через... 150 лет! Какая веселая шутка... Обхохочешься...

Адвокат подсказал Николаю, что тот, кто проработал более 10 лет в районах Крайнего Севера, имеет право на получение жилищной субсидии. 5 февраля этого года прошел суд, по решению которого департамент жилищного строительства должен выделить Михееву субсидию на приобретение жилья. Дело еще не закончено, но у Николая все равно радостно на сердце. Поставив его на учет, его наконец-то "поставили" и в жизнь, поставили в ряд равноправных граждан. И, может быть, теперь он уже не услышит привычного "Да кто ты такой? Какое право имеешь?" Может, теперь за человека посчитают и мыла дадут?

Олеся Громова (Кемерово), радиопрограмма "Формула", "Радио Кузбасса"

Социальное партнерство - решение многих проблем!

А возможность понять это появилась у меня еще в кемеровском госуниверситете. Будучи студенткой факультета журналистики, я публиковалась в межвузовском издании "Статус-Во!", где кроме бесшабашных материалов о веселой студенческой жизни, сначала приходилось, а потом и хотелось писать о социально значимой работе сверстников. Заинтересовали эти темы и старших коллег - редакторов "Радио Кузбасса" (ГТРК "Кузбасс", служба радио), а у меня появилась

возможность рассказывать о добрых и важных делах общественных организаций всей Кемеровской области. Когда в 2000-м году я стала штатным сотрудником радио, то уже в своих программах открыла рубрику "Доброе слово". Раз в неделю у некоммерческого сектора, и у людей, которые благодаря работе добровольцев стали увереннее чувствовать себя в обществе, есть возможность высказаться. Кстати, достаточно эффективно. Приведу один пример.

После сюжета о новаторских идеях молодежной экологической организации "Ариадна" в области переработки бытового мусора, к нам в редакцию и к руководителям юных экологов стали поступать звонки с предложениями воплотить идеи к жизни - откликнулись представители как власти, так и бизнеса.

И еще об одном важном обстоятельстве просто невозможно не сказать. Работая в сфере именно социальной журналистики, сам становишься по-человечески внимательнее к тому, что происходит в обществе. Встречаясь с потрясающе искренними людьми, занимающимися добровольчеством, понимаешь, что не все потеряно, что духовное богатство России милосердными сибиряками прирастать будет!

За информационную и организационную поддержку большое спасибо Кузбасскому Центру "Инициатива"!

Ольга Безгодова (Красноярский край), Уярская районная газета "Вперед" (цикл материалов).

В московских редакциях принимали Ольгу хорошо, показывали, рассказывали, объясняли... Многое Ольге было в новинку – ведь в ее родной газете нет даже факса. В редакции газеты "Версты" ей предложили сотрудничать, обмениваться информацией, рассказывать о ситуации в регионе. Под впечатлением поездки она рискнула попробовать себя в краевой газете "Красноярский рабочий". В общем, теперь дело за ней.

В целом Ольга устала от поездки: столичный размах произвел на нее несколько угнетающее впечатление на фоне тихой и горькой жизни в Уяре.

Вашему вниманию предлагаются два из шести предоставленных Ольгой на конкурс материалов.

Отверженные

Более-менее благополучные люди имеют абстрактное, отвлеченное представление о бедах стариков. Наверняка вам, уважаемые читатели, доводилось видеть, как какая-нибудь сухонькая старушка роется в мусорных баках в поисках пустых бутылок, или сгорбленный старик на церковной паперти просит подаяние. Но вы отводили взгляд – душу коробит подобное

зрелище. Оправдывались перед собой – собственных проблем хватает, а старики эти неплохую пенсию получают, да и существует немало организаций, прямая обязанность которых помогать пожилым людям, оказавшимся в тяжелых жизненных ситуациях. Это их забота, они обязательно помогут.

И я так думала до недавнего времени. Пока не увидела своими глазами, как живут некоторые престарелые люди. Не активисты ветеранского движения, не героини-медалисты, не пожилые экспартократы, а простые старики. Те, кто всю жизнь проработали в полях и у станков. Те, кто в детстве стал инвалидом, и те, кто отдал здоровье на благо государства. И я увидела, как это государство отплатило этим людям. Стало просто страшно. Никто не застрахован от такого будущего.

Утром 23 октября в редакцию позвонил пенсионер, председатель уличного комитета Александр Притуляк. И назвал несколько адресов, по которым проживают пожилые люди, оказавшиеся в беде – о них забыло общество. Их, словно ветошь, выбросили на свалку.

Я направилась по первому адресу. Проживает в нем Юрий Скобин, инвалид первой группы пожизненно, бывший работник военизированной железнодорожной охраны.

Когда я подошла к ветхому дому, из его ворот выходила пожилая женщина. Она приветливо спросила, к кому я пришла. Выслушав меня, она обрадовалась: может, вы сможете помочь. Докричитесь до властей, вас быстрее услышат.

Зинаида Лапа проживает на этой же улице. Она и другие соседки помогают Юрию Владимировичу, чем могут. Зинаида Ивановна как раз направлялась за лекарством для него.

- Сейчас он очень плох. Мы с соседками по очереди ходим смотреть – не помер ли. Который день лежит. Мало того, что болеет, от холода или голода умереть может.

Говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. То, что увидела я, – описать нелегко. Внутри температура аналогична уличной, при дыхании изо рта пар валит. Из обстановки в зале стоит только драный диван без ножек. На окнах одинарные рамы. Я прошла в дальнюю комнату. Свет из маленького оконца еле рассеивал темноту. На железной кровати навалена куча тряпья, рядом на стуле стоит тарелка – в ней лежат сухие кусочки хлеба. За стулом, у стены, чернеет один костыль. Я растерялась – дом, казалось, был пуст. Но вдруг из-под наваленных на кровати тряпок и одежды высунулся человек – очень бледный, на маленьком лице, словно тусклые угольки, чернеют глаза.

- Вы ко мне? – спросил он. – Возьмите в большой комнате стул, присаживайтесь.

По голосу я поняла, что Юрию Владимировичу трудно говорить громко, чтобы расслышать его, я села поближе к кровати. Возникло ощущение нереальности – словно я очутилась в блокадном Ленинграде и рядом со мной умирает от истощения и холода человек.

Поминутно захлебываясь сухим кашлем, Юрий Владимирович поведал свою историю:

- Раньше у меня был неплохой домик по улице Калинина. Семь лет назад меня положили в больницу, потом отправили в санаторий. Подлечился я, вернулся – а дома нет. Дом стоял впритык к новому мясокомбинату и был определен под снос. Пока меня не было в Уяре, мясокомбинат продал дом на дрова. Мне обещали квартиру дать. А потом оказался на улице. Поселился в этой хибаре (домишко принадлежит дальней родственнице Скобина). Чтобы не жить в одиночестве, я пустил постояльцев – многодетную семью. Этой весной райсобес мне угля выделил. Только его уже весь пожгли – у квартирантов трое ребятишек, им тепло нужно, покушать, сварить, воды нагреть для стирки. Потом они переехали в другой дом. Уже неделю у меня печка не топлена – угля нет, да и встать я уже не могу.

У меня защемило сердце. Юрий Владимирович так просто и спокойно обо всем рассказывал – не слезливым голосом, не стараясь вызвать жалость, никого не обвиняя. Просто констатируя факты. Создавалось впечатление, что он даже извиняется за то, что кому-то доставляет неудобства.

Юрий Владимирович получает минимальную пенсию. Денег не хватает даже на еду. У него немалый рабочий стаж – 40 лет. Чтобы пенсию повысили, необходимо взять справку о зарплате за четыре года, но для этого нужно ехать в Сушиновское ГРП. А ходить Скобин просто не может.

Записывая рассказ Скобина, мне то и дело приходилось отогревать ручку - замерзшая паста почти не писала. Было очень холодно. Юрий Васильевич головой лежал к окну, из которого немилосердно сквозило. Я хотела накрыть голову старика рваной телогрейкой. Он грустно улыбнулся: не нужно, я потом полностью с головой накроюсь, чтоб нос не отморозить...

Когда я вышла на улице, в голове был полный сумбур - как такое может случиться в 21 веке, в стране, которая гордится гуманным отношением к людям? Одиноким большому старику замерзает, а по дорогам снуют иномарки, из баров льется музыка, магазины радуют изобилием - люди счастливы и веселы.

Недалеко от дома Скобина стоит магазинчик. Когда я проходила мимо, из его дверей вышел весьма упитанный молодой человек. Он нес обеими руками большой пакет, из которого торчали золотые горлышки бутылок с шампанским. Видимо, содержимое пакета по весу не соответствовало его прочности - неожиданно полиэтилен лопнул и на припорошенную снегом землю упали два апельсина. Молодой человек чертыхнулся и досадливо пнул ногой оранжевые шары. Затем он небрежно положил пакет в багажник шикарной машины и, насвистывая веселый мотивчик, сел за руль. Поблескивая золочеными боками, иномарка рванула с места...

Наверняка для этого парня 500 рублей - мелочь, а Юрию Владимировичу Скобину эти деньги помогли бы некоторое время продержаться, не умереть от холода. Это как шуточная теория относительности: два волоса на голове это мало, а два волоса в супе - это чересчур много.

И все же, в голове не укладывается, как человек - не бомж, не наркоман, а инвалид первой группы - оказался в такой ситуации? На грани. (Немного забегая вперед скажу, что в то время, когда, готовился этот материал, к Скобину приезжали два депутата. Они были просто ошарашены. Один из них очень сочно выразился: у меня в помещениях для свиней и то намного теплее).

Во время нашего разговора Юрий Владимирович несколько раз добрым словом упомянул председателя уличного комитета Александра Притуляка. Я решила зайти к нему в надежде, что он сможет что-то добавить к сказанному Скобиным. Мнение Александра Петровича было таким: необходимо как можно скорее отправить Юрия Владимировича в приют для престарелых или выделить ему комнату в доме ветеранов

- Вы сами видели, в каких условиях он живет. Я обращался по этому поводу в разные инстанции, но там меня постоянно переадресовывали друг к другу. Например, обратился к директору центра социального обслуживания населения Людмиле Степиной - она даже говорить со мной не стала, сказала, как отрезала: у меня ничего нет, мест в приюте нет.

Почему же для социальных работников в доме ветеранов нашлись квартиры, а тем, для кого этот дом предназначен, в жилье отказывают? Думаю, есть выход - подселить бедствующих стариков к проживающим в доме ветеранов соцработникам и дело с концом. Почему в конторах соцзащиты стоит шикарная мебель и аппаратура, а те, для кого они работают, пребывают в таком плачевном состоянии? Я сам когда-то работал в центре соцзащиты. И мне бы просто было стыдно сидеть в таких распрекрасных кабинетах, когда старики умирают от холода и голода. Степина - депутат, народный избранник и должна за народ душой болеть. А с какой легкостью она отмахнулась - мол, ничем помочь не могу.

То, что вы видели - это только верхушка айсберга. Давайте пройдем по нескольким адресам - посмотрите, как люди живут.

Мы отправились к Валерию Баймукашеву. По дороге Александр Петрович изложил его историю. Баймукашев – инвалид детства, не пьющий. Когда получает свое маленькое пособие, местные "бичи" выманивают у него деньги. Валерий Баймукашев настолько безропотный и тихий, что не может дать отпор. Он ищет себе пропитание на помойках. Там же находит одежду.

Мы подошли к руинам старого домишки. Рядом с ним стоит то ли бывшая летняя кухня, то ли баня. В ней-то и живет Баймукашев. Самого хозяина дома не оказалось, но мы все же прошли внутрь (за неимением замка дверь оказалась незаперта). Трудно подобрать слова, чтобы описать эту конуру. В крохотной комнатке умещается только одна лежанка. Маленькая полуразвалившаяся печка отделяет от "спальни" помещеньице размером еще меньше - видимо, здесь должна была быть кухня. На ней с трудом может развернуться один человек. Температура в 'этой хибарке минусовая, как на улице, - разве что ветер не дует. Александр Петрович указал на две старые кофты, висящие в углу на гвоздике - это весь гардероб. Летом Валерий ходил босиком. Недавно нашел на свалке старые кеды - в них теперь ходит. По дороге к еще одному бедствующему мы с Александром Петровичем встретили старушку. По тому, как она двигалась, можно было понять, что она очень больна. Александр Петрович рассказал и ее историю. Лукерья Антясова, инвалид первой группы. За ней ухаживает соцработница - Людмила. Недавно она взяла у Антясовой всю пенсию для того, чтобы выписать угля - вторую неделю не видно ни угля, ни этой самой Людмилы. У старушки почти все разворовали бродяги - с сарайки весь шифер сняли, всю картошку (ее было-то всего-ничего) поутажили. Вот и голодает теперь бабушка Лукерья.

По следующему адресу проживает Георгий Богов - инвалид по зрению. Он перенес четыре операции на глаза. Почти ослеп. В прошлом комбайнер, тракторист и слесарь - всю жизнь работал.

В доме у Георгия Егоровича оказалось довольно тепло. По всему видно, что он, как может, создает уют в своем жилище: кровать аккуратно застелена, на уголке стола стопочкой стоят чистые тарелки и кружка. Заметно, что неровный обшарпанный пол он старался вымести почище.

Георгию Егоровичу райсобес выделил 300 рублей на покупку очков. Очков у него до сих пор нет – заказывал в сушиновской аптеке очки на плюс 16, ему прислали минусовые. Зная, что он почти слепой, уярские воры не гнушаются стащить у старика деньги, картошку, а то и постельное белье. Досаждают ему одна выпивоха. В надежде поживиться она ходит по старым людям – то деньги стянет, то съестное. У Георгия Егоровича она один раз стекла побила за то, что он ее не пустил. Теперь Богов на ночь ставни

обязательно закрывает, даже днем запирает ветхую дверь. Для самозащиты держит под подушкой вилку и столовый ножик, а около кровати всегда держит молоток...

Старик, замерзающий на железной кровати... бабушка, скорченная болезнью и страдающая от голода... инвалид, живущий в конуре... слепой дедушка с вилкой и молотком в качестве оружия самозащиты... Поверьте, если бы вы увидели все это своими глазами, то еще очень долго не смогли бы спокойно спать.

Что еще могу я добавить к своему рассказу? Александр Притуляк не оставил надежды на милосердие людей – он, в сущности посторонний человек для бедствующих, упорно добивается улучшения условий для стариков. По его настоятельной просьбе приехали два депутата районного и городского советов Валерий Дьяконов и Надежда Галушкина – им Александр Петрович также устроил экскурсию по адресам беды. На депутатов все увиденное произвело настолько большое впечатление, что через 40 минут после их посещения приехала машина за Юрием Скобиным и полуживого старика перевезли в дом ветеранов.

Это событие укрепило в Александре Петровиче намерение и дальше сражаться с людским безразличием и бессердечностью. Повезет ли другим старикам также, как Скобину?

**Второе пришествие коллективизации,
или Записки из казенного дома**

В одном из прошлых номеров “Вперед” была опубликована статья под выразительным названием “Отверженные”. Напомню, в ней рассказывается о жизни нищенствующих стариков в Уяре. Благодаря неустойчивости председателя уличного комитета Александра Притуляка и вмешательству нашей газеты были приняты меры в отношении одного из героев статьи – Юрия Скобина. Два депутата районного и городского советов Валерий Дьяконов и Наталья Галушкина поместили полуживого старика в дом ветеранов. Как сложилась его дальнейшая судьба, я попыталась выяснить.

Мне удалось узнать, что поместили Скобина в так называемую социальную гостиницу, которая находится в доме ветеранов. Туда я и направились. Как мне объяснили, соцгостиница – это трехкомнатная квартира, где временно проживают пожилые люди в ожидании, когда их направят в дом престарелых в Красноярск, Канск, Нижний Ингаш или Лесосибирск. Они сами оплачивают проживание и питание. Круглосуточно в гостинице дежурят три соцработника. Они ухаживают за жильцами – купают их, убирают в комнатах, стирают и готовят еду.

... Дверь мне открыла одна из дежурных. Я объяснила цель своего визита – поговорить с Юрием Скобиным. Пришлось немного подождать – Юрий Васильевич еще завтракал. Дожидалась я его в служебной комнате. Дежурная рассказала об основных правилах проживания в гостинице: здесь запрещено курить и распивать спиртные напитки. А в остальном – свобода в пределах разумного. Есть телевизор, который можно посмотреть в любое время (кроме ночи). Питание разнообразное: каждую неделю составляется новое меню, в котором есть даже блины и пирожки. Все бы хорошо, да вот беда: весь октябрь были перебои с подачей воды, а в конце месяца вода вообще перестала поступать на 4 и 5 этажи из-за низкого давления. Дежурные ежедневно бегают с ведрами до ближайшей колонки или на нижние этажи.

Сейчас в гостинице проживают 8 человек. Из них семеро – лежачие, они с трудом могут добираться до кухни и обратно, до кровати.

Большинство постояльцев гостиницы раньше (гостиница появилась недавно) были вынуждены скитаться: ночевать в кочегарках зимой и на вокзале летом. Теперь они живут в уюте и тепле и ждут, когда будут оформлены документы и появится свободное место в каком-нибудь доме престарелых.

Но вот закончился завтрак, и я смогла поговорить со Скобиным. Чувствовал он себя не очень хорошо – видимо, сказались те две недели, проведенные в холоде и голоде. Он почти непрерывно кашлял. Два раза с момента поступления его возили в больницу – на рентген. Но, как говорит Юрий Васильевич, самое главное, что он теперь в тепле живет. Ему даже не верится. Юрий Васильевич поделился со мной своей радостью: здесь даже книжки есть, читай – не хочу! Один из жильцов Николай Алишин может передвигаться с помощью трости. Он-то и посещает районную библиотеку – берет книги и для всех жильцов. Это вносит приятное разнообразие в жизнь стариков.

Я поинтересовалась у жильцов гостиницы, как складываются у них отношения с соц.работниками. На мой вопрос ответил Николай Алексеевич Алишин:

- Мы им очень благодарны за доброту и заботу. Ругаться – не ругаемся. Да и нехорошо бы это было с нашей стороны. За нами как за детьми ухаживают. Создают уют как могут. Они из дома для нас принесли постельное белье, посуду, матрацы. Начальник центра социального обслуживания населения Людмила Степина принесла красивые шторы во все комнаты...

Успокоенная, вышла я из гостиницы. Скобин не умрет от холода, за ним ухаживают, даже в больницу возят. И пусть его кровать стоит в коридоре (в комнатах уже некуда ставить), зато тепло и чисто кругом...

Мои идиллические мысли прервал громкий крик на нижней площадке. Кричала пожилая женщина. Высокие ноты в голосе сливались в сплошной звук, но можно было разобрать слова: “Я больше не могу так, лучше бы умереть! Она меня постоянно изводит! Я больше не могу так жить...”. Дежурная соцгостиницы и я быстро спустились вниз. Дверь одной из квартир была распахнута настежь. На площадке стояла старушка, по ее лицу текли крупные слезы. Под руки ее поддерживала какая-то бабушка. Из дверей выглядывала другая пожилая женщина. Видимо, произошла ссора между соседками. Дежурная завела бабушек в квартиру и попыталась их успокоить. На площадке скопилось порядочно народу. Рядом со мной стоял дедушка с тросточкой. Он прокомментировал эту малоприятную ситуацию так: ругаются здесь часто. Оно и неудивительно – в квартирах живут по три человека, не состоящих друг с другом в родстве. Чужие фактически. Кухня, ванная и туалет у них - общие. Люди уже пожилые, нервы у всех слабые. Любой, даже самый маленький конфликт перерастает в скандал. Нас ведь не спрашивали, сказал мой невольный собеседник, с какими соседями мы бы хотели жить. Каждый из нас понимает, что здесь мы встретим свою смерть. Это наш могильник. Хотелось бы последние дни прожить в мире и покое. А нас просто навязали друг другу. Когда я заселялся, не думал, что придется жить в такой гнетущей атмосфере...

... У Михаила Шолохова в романе “Поднятая целина” есть эпизод, в котором описывается процесс коллективизации – у людей отобрали домашний скот и птицу, которых потом согнали в одну кучу. Поднялся невообразимый переполох. Петухи сразу же передрались – для них неприемлемо присутствие рядом чужого. А как ведут себя другие представители фауны в случае вторжения на свою территорию чужака? Они просто рвут друг друга в клочья.

У человека также развито чувство собственника. К старости желание обособиться у многих обостряется – хочется иметь что-то свое, жить в своей квартире. А если к тебе могут подселить кого-нибудь? Пожилым людям это изматывает нервы.

Мне захотелось поговорить с кем-нибудь из жильцов – неужели так трудно ужиться с соседями, неужели и в самом деле положение столь безвыходное? Я постучала в какую-то квартиру – наобум. Дверь открыла маленькая старушка в очках с толстой оправой. Я представилась. Бабушка пригласила меня зайти. Из боковой комнаты вышла еще одна пожилая женщина – в оранжевой красивой кофточке. Мы прошли в одну из комнат. Я отметила про себя, что стены здесь были аккуратно оклеены обоями, потолок побелен, окна законопачены – любо посмотреть. Однако вещи и мебель стояли так, словно их внесли только вчера. Как оказалось, хозяйка комнаты въехала сюда уже давно, но вот обустроиваться душа не лежит. Чтобы объяснить почему, кратко изложу заявление, которое старушка написала на имя районного прокурора А.Вагабова. В нем она жалуется на

неуважение к пожилым людям, на беспорядочный обмен квартир внутри дома, на то, что при заселении не учитывалось состояние здоровья людей (для некоторых стариков подняться на третий этаж также сложно, как совершить прогулку на Луну). Обвиняет заявительница в грубости некоторых работников из соответствующих служб, в том числе и властных.

Как я узнала, эта старушка сдала свою двухкомнатную государственную квартиру в благоустроенном доме в поселке и взамен получила комнатку в доме ветеранов, куда даже не поместились все ее вещи (в прихожей громоздятся тазы и коробки). Она просит, чтобы ей выдали ордер на однокомнатную квартиру в любом доме, только бы подальше от этого...

В тот же день мне удалось поговорить еще с одним жильцом дома Арсентием Царюком, ветераном ВОВ. Арсентий Федорович обстоятельно изложил свои претензии:

- Мы просто не заслуживаем такого плохого отношения к себе. Большинство жильцов не подписали договор (который, кстати, четвертый раз переделывается), потому что его условия становятся все более неприемлемыми. Например, если в однокомнатной квартире проживают супруги, а потом один из них умирает, то в эту квартиру подселают соседа. Или переселяют вдовца (вдову) в другую “общую” квартиру. Ненормально, что люди живут как в общежитии. Сейчас мы обратились с ходатайством в прокуратуру, службу соцзащиты края, Законодательное собрание. Депутат Щербо обещал приехать, разобраться. Если это не подействует, мы будем вынуждены провести акцию протеста – пойдём с плакатами к главе района Василию Масальскому. Не поможет – придется писать в международный суд.

Арсентий Федорович высказал свое мнение и относительно службы социальной сферы в районе:

Раздули штаты, а работу свою полностью не выполняют – почему не выезжают в деревни? Там старики бедствуют...

Но не все, как оказалось, жалуются на жизнь в доме ветеранов. Одна пенсионерка, с которой я тоже разговаривала, проживает в этом доме вместе с мужем. Они всем довольны. Живут на первом этаже (уже большой плюс), куда исправно подается горячая и холодная вода (водой, как правило, обделены 4-й и 5-й этажи), в квартире всегда тепло. Эта семья занимает одну комнату в трехкомнатной квартире. В остальных проживает сосед, так что в случае смерти одного из супругов уже никого не подселят. Они оставили большой дом детям, а теперь, по их словам, “живут в этом прекрасном во всех отношениях доме”. Сосед им не мешает. Да и с периодическими осмотрами квартиры комендантом дома как-то уже смирились.

И все же можно понять тех, а их большинство, кто не доволен сложившейся ситуацией. Им хочется иметь свою ячейку в людском муравейнике, жить в своей квартире, а не в коммуналке.

Кто прав, кто виноват в конфликте, судить трудно. На одной стороне баррикады оказались пожилые люди, оставившие свои дома и квартиры и переселившиеся в дом ветеранов в надежде, что здесь они доживут остаток дней в покое и комфорте. На другой – должностные лица, определившие, что дом ветеранов имеет статус социального, а потому квартиры в нем не могут быть приватизированными и передаваться по наследству. Но есть ли правовая основа в таком раскладе? Не останутся ли старики, отказывающиеся подписать договор из-за негуманных условий, на бобах?

Номинация “Прозрачная власть”

Андрей Аносов (Улан-Удэ), “Номер один”, “Как стать круче Путина?”

Как стать круче Путина

Легко! Надо только воспользоваться самым таинственным документом Бурятии

В апреле исполняется три года со времени принятия Устава города Улан-Удэ в новой редакции. Этот документ мало кто видел, еще меньше народа знает его содержание. А зря! В нем прописано то, что делает каждого улан-удэнца мэром, депутатом и даже президентом.

Горожане под защитой Европы

Устав – это по сути конституция города. Основной закон, на котором строится все. Тоненькая книжка, где описано, что должен и чего не должен делать мэр, кто такие депутаты горсовета и зачем они нужны. Кроме того, много внимания уделяется жителям Улан-Удэ.

Местное самоуправление (МСУ) – это когда жители города, собравшись, сами решают, как им жить. Строить или не строить еще один мост через реку Уду, чинить или не чинить, скажем, чертово колесо.

Если говорить образно, то все жители города скидываются в одну общую кассу - бюджет (то есть платят налоги), для того чтобы улицы были чище и безопаснее, в домах было теплее и вообще все в городе было замечательно. И по сути, мы сами должны были все это обеспечивать своим трудом. Но поскольку постоянно заниматься нам всем этим нет никакой возможности, мы стали нанимать людей, которым передали нашу головную боль. К таким людям относятся и мэр, и депутаты горсовета, и все муниципальные работники.

В идеале система самоуправления должна быть примерно такой: мэр и горсовет решают текущие проблемы (ЖКХ, поддержание чистоты и порядка на улицах, организация торговли и тому подобное), а более значимые вещи, вроде закрытия проезда по ул. Ленина или строительства за счет городского бюджета 100 фонтанов вокруг площади Советов, решаются всеми горожанами на референдуме.

Основной принцип устройства МСУ как раз и заключается в том, что граждане максимально вовлекаются в решение вопросов местного значения.

А гарантии прав граждан на самоуправление содержатся в европейской конвенции о МСУ. Любой житель Улан-Удэ может жаловаться в Европарламент, если его право на самоуправление нарушено. К примеру, гражданина не принимают должностные лица мэрии, хотя они обязаны это сделать. Набрав определенное количество таких жалоб из России, Европарламент может принять решение опять исключить страну из Европейского союза. Как вы помните, в последний раз эта санкция применялась к нам после начала второй чеченской кампании. Вот какую значимость МСУ придает Европа. Но вы и сами сможете оценить все прелести самоуправления, ознакомившись с нормами, которые содержатся в Уставе Улан-Удэ.

Каждый может написать закон

Надоели алкаши, пьющие в вашем подъезде? У вас есть абсолютно реальная возможность написать закон о запрете распития алкогольных напитков на лестничных пролетах многоквартирных домов! И в мэрии его обязательно рассмотрят, а впоследствии, если за ваш закон проголосуют депутаты горсовета, он станет обязательным для исполнения.

Статья 53 Устава города Улан-Удэ гласит:

“Проекты правовых актов, внесенные населением в органы самоуправления города, подлежат обязательному рассмотрению на открытом заседании органов самоуправления города с участием представителей от населения, а результаты рассмотрения – обнародованию”.

Процедура рассмотрения этой самой правотворческой инициативы в Улан-Удэ полностью еще не применялась. Население города, в том числе и работники мэрии, до сих пор не видит разницы между теперешней мэрией и советскими органами управления, которые ничего общего с самоуправлением не имели. Нашему мэру, а также простому гражданину, занявшемуся законотворчеством, в принципе, даже путин приказывать не может – МСУ зависит от государства только материально. По закону

местное самоуправление – абсолютно независимая и негосударственная организация, которая управляется только жителями города.

Бум законотворчества среди психов

Получается, что каждый улан-удэнец – маленький мэр в отпуске. “Я ничего пока что не решаю, потому что у меня есть другие дела” – так должен говорить себе каждый горожанин. К сожалению, люди мало пользуются своим правом на самоуправление. В мэрию, например, очень редко обращаются горожане, предлагающие конкретные правовые нормы. Хотя надобность в этом наверняка есть, и закон обязывает администрацию города учитывать эту надобность.

Таряшиев Олег, зав. правовым отделом администрации города:

- Такая норма действительно содержится в Уставе города, а значит, каждый житель Улан-Удэ может прийти в администрацию со своим предложением и мы его обязательно рассмотрим. Правда, предложения, исходящие от населения, в процессе нормотворчества сильно видоизменяются. Это легко объяснить тем, что большинству людей юридические тонкости не понятны. Часто от действительно нужного предложения жителя Улан-Удэ в принятом впоследствии решении остается лишь рациональная идея. К сожалению, таких рациональных идей среди общей массы предложений очень мало.

Зато весной –осенью резко возрастает количество проявлений разного рода психических расстройств. Сейчас нас осаждают люди с обострениями. Иногда в весенне-осенних “проектах”, которые мы рассматриваем, встречается ненормативная лексика или какие-то сверхбезумные идеи. Но даже на такие обращения администрация города по закону должна давать официальный ответ, что мы и делаем.

Номинация “Благотворительность – новая реальность”

Трудной оказалась эта номинация...

К сожалению, чаще всего о “благотворителях” пишут скучно, перечисляя благодеяния или названия фирм, рассыпаясь в дежурных словах благодарности...

Не созрели еще до анализа, осмысления явления (а оно, безусловно, есть, хотя тоже еще в стадии становления).

Воистину “новая реальность”!

Номинация “Социальные звезды”

**Ольга Соловьева (Новосибирск), “Советская Сибирь”, “ОРТО-С”
делает революцию в отечественном протезировании”**

Ольга Соловьева (она же Ольга Ильина, Полина Антонова) по окончании десятилетки работала младшим литературным сотрудником в областной молодежной газете “Молодость Сибири” (Новосибирск). Затем – “ударная пятилетка” на факультете журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. После защиты диплома “высажена десантом” в город-герой Волгоград, где почти двенадцать лет отдала службе в различных редакциях (информации, музыкальной, молодежной и снова музыкальной) областного телерадиокомитета. Затем вновь – родной Новосибирск. Работа в государственных и негосударственных теле- и радиокomпаниях, газете “Ведомости областного Совета депутатов”, а также – с февраля 1997 по июнь 2000 года – в должности помощника директора банка по связям со средствами массовой информации и рекламе. С 10 мая 2001 года – корреспондент по промышленности аграрно-промышленного отдела газеты “Советская Сибирь”. Любимые жанры – репортаж, интервью.

Тематически всеядна.

“ОРТО-С” делает революцию в отечественном протезировании

По утрам, просыпаясь, он часто представляет одно и то же: лето, рассвет и себя, бегущего в одних трусах по кромке воды... Ощущение свежего ветра в лицо, радость от напряжения мышц мигом сбрасывают его с постели и – возвращают к действительности, в которой уже невозможно ничего повторить.

Несколько лет назад, в начале 90-х, Иван Сахнюк – яхтсмен и перспективный инженер-оборонщик, - попал в автомобильную аварию. Это случилось в Москве. Там и провел он полтора года в тяжелейшей реабилитации, пытаясь, вопреки прогнозам врачей, в буквальном смысле поставить себя на ноги.

- Тогда я впервые почувствовал, - вспоминает Иван Владимирович, - как легко вылететь из седла, оказавшись после ампутации в положении инвалида. Но не для того я, выходя дважды из комы, просил у Бога возможности жить, чтобы вот так просто сдаться... Я стал изучать свою проблему и с медицинской стороны, и с технической... Сначала только для самообразования. А потом увидел в ней точку приложения своих сил.

Системность мышления, шлифованная годами работы в военно-промышленном комплексе, позволила Сахнюку не замкнуться в рамках собственной реабилитации, а посмотреть на ситуацию шире: как обстоят

дела с этим в Москве, в его родном регионе – Сибири, в стране... Изучал материалы, встречался со специалистами в области протезирования и, в конце концов, пришел к выводу, что положение, при котором развитием сложнейшей отрасли управляют лишь из Москвы, крайне непродуктивно. Это не только не решает проблемы, но даже наоборот – создает дополнительные. И разрешение ситуации – поиск новых подходов: может быть, в организации кустовых схем, в частной инициативе, наконец... Так родилась его первая пошаговая программа, ориентированная на Сибирь.

Вернувшись домой, Иван Владимирович взялся за реализацию своей идеи. И вскоре на берегу Бердского залива начал функционировать нейроортопедический центр “ОРТО-С”, главной задачей которого стала комплексная помощь людям с нарушениями опорно-двигательного аппарата.

Сегодня на тот период он оглядывается с благодарностью ученика, которому пошли на пользу суровые уроки учителя – жизни, заставлявшей его напрягать весь свой физический, интеллектуальный и личностный потенциал, чтобы не только шаг за шагом решать поставленные перед собой задачи, но и преодолевать подозрительность и некомпетентность чиновников, насмешки, а иногда и открытое противодействие специалистов государственного протезного предприятия.

- Это была хорошая, но тяжелая школа, - говорит Иван Сахнюк.- Особенно первые два года, когда я только и делал, что доказывал (в том числе – высоким профессиональным уровнем работы), что имею полное право заниматься реабилитацией и протезированием. А когда меня, что называется, припирали к стенке, приходилось “выкатывать тяжелую артиллерию” – пускать в ход аргумент, что я сам инвалид и лучше знаю, что я делаю для себя. Я производитель и я же потребитель своей услуги. Это, как правило, убеждало...

И по сей день этот неспоримый аргумент ему помогает. Тем более что сфера деятельности Сахнюка достаточно широка. Причем диапазон задач диктуется не желанием монополизировать формирующийся рынок медико-социальных услуг, а количеством слабых мест в этой системе и необходимостью брать на себя решение возникающих проблем: будь то дефицит технических средств реабилитации или острая нехватка кадров.

- Техников-ортопедов, специалистов среднего звена, сегодня в России считанные десятки, а нужны тысячи, - поясняет Иван Владимирович и с гордостью добавляет: - Представьте, я уже могу позволить себе такую роскошь, как готовить их на базе нашего центра. У нас прекрасные условия, но отбор идет жесткий. Потому что не каждый может работать в нашей сфере. Тут нужен особый человеческий талант. Поэтому каждый наш кадр, как золотая крупица, что просеивается через огромное количество песка. А тем ребятам. Кто у нас остается, приходится (при

довольно высоком базовом образовании) дополнительно изучать медицину – такие ее разделы, как анатомия, гистология, биомеханика – и новые технологические приемы. Организовали лабораторию биотехнических методов лечения, где проводим испытания новых технологий, проверяем необходимость применения тех или иных методов реабилитации, отработываем новые методики...

У директора центра “ОРТО-С” есть хорошее качество: он начинает устанавливать партнерские отношения с нужными специалистами из смежных отраслей только после того, как появятся собственные наработки, требующие профессиональной оценки и дальнейшего продвижения к людям. В принципе, он как некий спецназ, действующий в глубоком тылу отечественного протезирования, в котором все никак не случается технологического прорыва, даже несмотря на определенные усилия правительства в этом направлении.

- Почему? Да потому, что опять был сделан неверный шаг, - горячится Сахнюк. – Вбухали огромные деньги в одно предприятие, пусть даже и самое мощное в России, - НПО “Энергия”, поставив задачу разработать и запустить в производство новые технологии протезирования. А предприятие пошло по легкому пути, “слизав” образцы для своей продукции с не очень технологически качественно сделанных разработок немецких фирм. В итоге, образно говоря, получился “пшик”. Изделия оказались не такими уж новыми, не самыми лучшими и к тому же дорогостоящими, что сильно ограничивает их востребованность. Сдерживали и жесткие рамки ограничений, не позволившие разработчикам из “Энергии” привлечь к выполнению поставленной правительством задачи людей. Способных предложить к реализации более эффективные технологии.

Впрочем, и то, что было сделано, - уже шаг вперед. Но проблема, тем не менее, остается. К тому же, как показала практика, в протезе главное – не компоненты (функциональные узлы, механика и прочее), хотя и это важно, а как раз то, над чем мы сейчас в нашем центре работаем: как приспособить стабильный объем (ортопедическое изделие) к нестабильному – ампутированной конечности. Так что изготовить хороший протез – это грань науки, искусства, немножко таланта, милосердия и прочего. А на этом акцента не делается. И поэтому у нас в Сибири до сих пор нет ни одного методического центра, где готовили бы таких людей. При потребности в сотни специалистов по нашему региону на сегодня их насчитываются буквально единицы. В том числе и мне-то за эти годы удалось подготовить только троих. Но, тем не менее, мы сегодня уже готовы стать таким учебным центром для всей Сибири. Нарботана школа.

Действительно, у специалистов “ОРТО-С” особый профессиональный почерк. Их отличает стремление максимально компенсировать инвалиду

утраченные функции, и для этого привлекаются все необходимые средства реабилитации, целый комплекс средств, имеющихся в арсенале центра. Пожалуй, было бы неплохо использовать этот принцип и в работе служб социальной защиты, чтобы сделать более мобильной и эффективной всю систему.

- Одной из главных проблем социальной защиты сегодня является отсутствие реального структурированного банка данных тех задач, которые нужно решать, - считает Иван Сахнюк. - То же касается и такой материалоемкой и затратной отрасли, как протезирование. Поэтому я выбрал для себя такую нишу – создание элементов индустрии реабилитации, внедрение ее на региональном уровне.

За шесть лет Сахнюку удалось многое. В “ОРТО-С” уже есть собственные возможности для самостоятельных разработок. Всю механику и электронику специалисты центра создают сами. Здесь свое вспомогательное производство, которое Иван Владимирович собирал буквально по частям, постепенно приобретая станки, оборудование, кое-что восстанавливал... Хорошая ортопедическая база. Прекрасный стационар. Сахнюк утверждает, что в России сегодня нет аналогов такого комплексного реабилитационного отделения, как у него. Здесь даже фуникулер соорудили, чтобы инвалиды могли, нажав кнопку, спуститься прямо к воде...

- Вроде бы мелочь, - говорит Иван Владимирович, - а как она приближает наших пациентов к нормальной жизни! Здоровый человек так этого не ценит. Вот я и пытаюсь создать своего рода модель, чтобы показать: все это возможно. Нужна только грамотная расстановка сил и не такие уж большие вложения. Инвалидность-то растет, а возможности у общества компенсировать эти проблемы далеко отстают. И дело не столько в отсутствии денег, сколько в том, что не хватает механизмов разрешения этих проблем. Вот это-то как раз лежит в основе моей работы.

В центре нередко бывают зарубежные специалисты – американцы, англичане, канадцы. Но Сахнюку с ними сегодня неинтересно: учиться у них уже нечему, говорит. Чтобы осваивать их методы реабилитации и протезирования, нужна хорошо отлаженная специальная индустрия. А поскольку в России еще не скоро появятся специализированные предприятия, выпускающие необходимые полимеры и прочее, то и задачи у директора “ОРТО-С” совершенно иные.

- Мы должны создавать свою индустрию – из наших возможностей, - делится планами Иван Сахнюк. – Возможно, в результате наших поисков мы выйдем на какие-то принципиально новые решения, и потом они будут представлять интерес на внешнем рынке. Вот даже наш комплексный подход к реабилитации – чем не “ноу-хау”? Те же англичане разводят руками: они решают подобные проблемы “по кусочкам”, им и в голову не

приходило взглянуть на это как-то иначе. Да и общество их, похоже, устраивает такое положение. Ему проще содержать инвалида, чем пытаться вернуть его к активной жизни. А я ставлю задачу максимально помочь человеку, чтобы он, будучи инвалидом, все-таки был максимально работоспособен. Ведь наша страна еще долго не будет соответствовать канонам правового государства.

Кстати, в основе некоторых методик, разработанных в центре “ОРТО-С”, заложен принцип гомеопатии: подобное лечат подобным. Занимаясь, к примеру, восстановлением двигательной активности спинальников, их ставят в такие условия, когда они вынуждены включать в действие все заложенные природой ресурсы. Иногда это приводит к потрясающим результатам.

- Однажды ко мне обратилась мать 14-летнего юноши, который был обречен на медленное угасание в инвалидной коляске, - рассказывает Иван Владимирович. – Врачи уже поставили на нем крест. А я предложил попробовать одну из наших методик. Говорю: все равно терять нечего... Сегодня диапазон двигательных возможностей этого паренька стал значительно шире, и это дает ему дополнительный стимул жить.

Цену такой победы Сахнюк когда-то прочувствовал на себе, поднимаясь на ноги через кровь. В прямом смысле. И поэтому сегодня может быть очень суров и даже жесток к своим пациентам, жалующимся, к примеру, на потертости от протезов. Свою ответственность перед ними он понимает, как задачу научить их действовать автономно, рассчитывая только на себя.

Ему и по сей день приходится считать шаги. Он старается их экономить, а потому больше работает головой.

- К сожалению, у нас к инвалиду относятся как к балласту, а не как к потенциалу, - делится выстрадавшим Иван Владимирович. – А, между прочим, среди инвалидов, имеющих ограничения по передвижению, очень много людей, способных прекрасно работать в управленческих структурах. Я думаю, зачастую именно в этих вопросах они сегодня могли бы дать фору многим чиновникам. Они намного трезвее оценивают реалии происходящего и для себя научились ставить задачи: что они хотят получить от жизни. У них другие потребности – им меньше надо. И это тоже ресурс.

Главный ресурс самого Сахнюка – это способность мыслить системно, конструктивно, анализировать, выстраивать перспективу. А еще – способность творить, в том числе творить чудеса, ибо то, что он делает, придумывая механизмы комплексной реабилитации, сочиняя принципиально новую инватехнику, даря жизнь обреченным, -

действительно, на грани фантастики. А что касается его потребностей, то они такие же, как у многих.

- Для меня нет счастья больше, - говорит он, - чем быть востребованным... Много сегодня проблем. Но главное – помнить о том, что после себя нужно оставить не только хороший быт своего ребенка, а общество, в котором ему предстоит жить. Такие задачи ставит перед собой сегодня не так уж много людей. Хотя многие трудятся самоотверженно. Просто – разные цели. А я своим детям сказал (у меня сын и дочь, оба учатся в медицинском вузе на педиатрическом факультете): “Ребята, я вам после себя должен оставить простую вещь – умение быть нужными, надежными, востребованными. И тогда вас не будут волновать мои финансовые накопления. Хорошие деньги вы будете сами зарабатывать. Потому что, если человек научился быть востребованным, общество всегда отзовется. Не такое уж оно неблагодарное. Общество – это живой организм, и каждый человек может найти в нем свое место”.

Марина Кочнева (Барнаул), “Молодежь Алтая”, “Восьмое марта – ласковое слово и феминистке приятно?”.

“Восьмое марта – ласковое слово и феминистке приятно?”

Если для некоторых простых смертных женщин 8 марта – это цветочки, шампанское и ухаживания мужчин то для феминисток – это возможность перевернуть какую-нибудь акцию.

В прошлом году члены Барнаульского некоммерческого партнерства “Женский альянс” писали письмо Владимиру Путину, просили принять федеральную программу в защиту женщин, пострадавших от насилия. И нынче собираются писать.

- Неужели нас, женщин Алтая, так сильно угнетают?

- Что значит угнетают? – возмутилась Наталья Середина, директор “Женского альянса”. – То, что существует дискриминация по признаку пола – это однозначно. Об этом и статистика говорит. У безработицы - женское лицо. Насилию больше подвергаются женщины. Это факт. Женщин в первую очередь увольняют при сокращении. У женщин низкая оплата труда.

- Но ведь нет такого закона, по которому женщин можно уволить в первую очередь?

- Закона такого нет, но, к сожалению, многие наши законы формальны. Нужен механизм, обеспечивающий гарантию Конституции.

- Вам нравится быть феминистками?

- Я считаю, любая женщина считается феминисткой. Не только та, которая на баррикадах стоит.

- Что-то я не слышала, чтобы женщину, стоящую у плиты, называли феминисткой.

- Союз солдатских матерей, к примеру, - это тоже феминистская организация.

- Но это уже союз...

- Какая разница, как называется! Просто мы при слове “феминизм” начинаем вздрагивать, махать руками: “Что вы, что вы. Я не феминистка”. На самом деле все, что мы свободно делаем как женщины, - феминизм.

- Что-то в нашем феминизме от старых женсоветов.

- Они и сейчас есть, и возрождаются. Но женсоветы – это что-то административное. На мой взгляд, нужно более широкое участие в женском движении.

Хлеба и роз! Как это было

8 марта 1908 года 15 тысяч женщин промаршировали по улицам Нью-Йорка, требуя “Хлеба и роз”. “Хлеб” символизировал экономическую стабильность, “розы” – лучшую жизнь.

На этой демонстрации женщины отличились тем, что разбросали на улице измельченное мыло, в результате чего конные полицейские (и люди, и лошади) получили серьезные травмы. С тех пор NY-конная полиция ездит на лошадях, подковы которых подбиты резиновыми набойками.

В память об этой демонстрации американские социалисты предложили отмечать женский день в последнее воскресенье февраля.

В одно такое последнее воскресенье февраля 1917 года в России, потерявшей 2 млн. человек в первую мировую войну, женщины вышли на улицы Питера, требуя “хлеба и мира”. Политические деятели не одобрили демонстрации, но женщины все равно пошли.

Это историческое воскресенье выпало на 23 февраля (по новому стилю – на 8 марта) и совпало с историческим выступлением американок. Из-за этого календарного совпадения двух демонстраций – 8 Марта и было решено признать Международным женским днем.

- Некоторые мужчины не признают феминисток.

- Многие из них сами феминисты. Поддерживая женщин в том, что те могут быть руководителями, что должны быть равные права, они уже считаются феминистами, хотя они этого или не хотят. Просто у нас предвзятое отношение именно к этому слову.

В 1999 году мы вели секцию в Америке на Международном женском форуме. Перед этим проводили исследования среди молодых людей в Барнауле. И девушки, и парни спокойно ответили, что они готовы поддержать женщину-Президента, принимать участие в женских программах, женском движении. Это нас приятно удивило.

- А что было самым интересным на этом форуме в Америке?

- Мы увидели, насколько российские женщины далеки от Международного женского движения, не включены в эти процессы. Мы пассивные, разобщенные. Тихо конкурируем друг с другом. Не объединены в какие-то общества, чем и пользуются мужчины.

- Вы видите, к примеру, главой нашего края женщину?

- *Почему бы нет? С удовольствием бы поддержали.*

- А такие кандидатуры есть в крае?

- Не может их не быть. Из трех миллионов человек в крае – половина женщины. Неужели нет достойных?

- Как вы думаете, почему в администрации края и Барнаула работает так много женщин, но не главами?

- Наверное, потому, что без женщин никак. А может быть, позиция такая: мужчина – голова, женщина – шея. Есть множество международных документов, по которым мы должны принимать равенство женщин, выдвигать женщин на руководящие посты. Но первых-то женщин у нас на Алтае нет. А вторые – замы – это все-таки не то. Пока в России нет условий. Вот в Прибалтике уже появились женщины-главы. В странах, которые достигли социального прогресса (в том числе и северных странах) 50 процентов женщин-руководителей в правительстве. Там главой правительства может быть женщина. Министром обороны может быть женщина. А у нас только вице-премьер по социалке.

- Занимается ли ваш “Женский альянс” вопросами домогательства к женщинам на работе?

- *Конечно, у нас есть общественная приемная в клубе. Женщины обращаются с жалобами на разные формы насилия, с ними работают сотрудники кризисного центра, пятьдесят человек обращаются каждый день. Либо психологи, либо юристы с ними работают. Кого-то мужа*

выгоняют из дома. Мы помогаем вернуть нарушенные права. Сегодня женщина приходила. Осталась с тремя детьми на улице. Муж сделал дарственную на квартиру на другого человека и сейчас ее выгоняет.

Не сталкивались ли вы в своей работе с пренебрежительным отношением мужчин?

Безусловно. Общественное мнение устойчиво – женщина сама виновата в том, что ее место на кухне. Многие мужчины сопротивляются, не хотят отдавать бразды правления. Некоторые говорят: “Все надуманно. Все уже у вас есть: и права, и возможности. Пора уже мужчин защищать”.

- Мне кажется, что они в чем-то правы. Конечно, наверное, пора их уже защищать...

- Если была бы такая необходимость, наверное, это бы уже было. А пока они только говорят да плачутся. Что болтать-то? На мой взгляд, они ждут, когда женщина создаст “Общество защиты мужчин”. Кстати, в наш кризисный центр обращаются и мужчины.

- В Германии мне рассказывали об ужасных проявлениях феминизма, когда женщина обижается, что мужчина подает ей руку и расплачивается за нее в кафе.

- Я часто была за границей и лично с таким не сталкивалась. Хотя все зависит от уровня восприятия. Мы, к примеру, только 8 Марта слышим ласковое слово, поэтому для нас, конечно, дико, что там женщины судят кого-то за ласковый взгляд, посчитав это унижением достоинства. У нас разные углы зрения.

- И все-таки ласковое слово, наверное, и феминистке приятно. Какие подарки на 8 Марта любят члены вашего клуба?

- Наверное, цветы.

- Как вы относитесь к библейскому сюжету о том, что женщина сделана из ребра Адама?

- Есть анекдот на эту тему: “Адам был лишь пробным материалом”.

Елена Климова (Новосибирск), “Советская Сибирь”, “Воспитание мужчин четырьмя стихиями и собственным примером”.

Воспитание мужчин четырьмя стихиями и собственным примером

“Не надо писать жалобную статью – дескать, никому мои занятия с детьми не нужны, кроме меня самого...” – не столько попросил, сколько “оговорил условия” рассказа о школе ВТ (водного туризма) Юрий скородумов. Какие

там “жалобные строчки”! Не тот это герой и не то это дело, чтобы сочувствовать. Уважать – да. Удивляться – может быть. Задавать вопросы “Зачем вам это надо?” – непременно. Но жаловаться? В общем, знакомьтесь, Юрий Викторович Скородумов. Сам придумал, самоорганизовал на Первомайке секцию водников, сам ее содержит. Настаивает, что “он вообще-то не педагог”, хотя ребята за ним ходят “хвостом”. И если не этим определяется принадлежность к званию педагога, то, подскажите, чем?

Подросткам хочется подвигов – таковы законы роста. Дайте им возможность попробовать себя там, где азартно, интересно, где риск и взаимовыручка, дайте им что-то, кроме надоевших школьных будней – и вы уберете пацанов от многих ошибок. Поговорите с психологами, они подтвердят: лучшее, что может подросток получить от педагога, - стоящее дело. Хотя и от этих педагогических заслуг Юрий Викторович открещивается. Приходила к нему мать одного из мальчишек, благодарила за “воспитание сына”. Но в изложении самого “воспитателя” случай – скорее, курьез, чем повод гордиться. И вообще все начиналось почти случайно...

- Я как-то взял с собой в поход сына, тот привел друга, тот – еще, и еще одного. Для них, конечно, тогда мир перевернулся. В общем, ребята стали ходить сюда, где мы на стадионе “Молодость” арендуем помещение.

У Скородумова свое небольшое производство, плюс тут же базируется, чинится и даже сооружается все, что нужно для собственных походов. Он один из самых сильных сибирских водников, гид-проводник международного класса. Я понимаю мальчишек – помещение вполне может поразить неискушенное воображение. “Скелет” будущего катамарана зимует под потолком. Весла – у стены, готовые к бою. На стенах – фотографии невиданных в дымной Первомайке природных красот, куда, оказывается, можно попасть!

- Будущей весной я их повезу на Чую. (На алтайской реке Чуе ежегодно проводится первый этап чемпионата России по водному туризму). И надеюсь, что лет через пять мы с ними чемпионат выиграем. Школ водного туризма в России пять-шесть. Кроме столичных городов, свои школы есть в Тюмени и в Горно-Алтайске. Там к ним отношение серьезное. У них бассейн бесплатный, лодки бесплатные, они на соревнования, в том числе международные, ездят два-три раза в год. В Тюмени зашли так далеко, что даже собираются сделать для ребятшек в бассейне “искусственный поток”. Ладно, Тюмень, допустим, некорректный пример: с нефтяными деньгами можно себе это позволить. Но вот в Чехии, в соответствии с государственной программой, дейтей приучают к воде, начиная с детского сада. С четырех лет учат плавать и сажают на лодочки, а такие мини-каяки (каяк – это одноместная байдарка с жестким корпусом). В бассейнах сооружают карусели, только вместо лошадок –

лодки. Малыш гребет, карусель крутится. Лишним будет говорить, что ни с бассейнами, ни с лодками, ни с гидрокостюмами там проблем нет (гидрокостюмы – специальные комбинезоны из современных материалов, непромокаемые и сохраняющие тепло. Для детей на воде – вещь необходимая). А мы все в шерстяных носках и свитерах. Гидрокостюм стоит 75 долларов, я не могу на всю команду их купить, родители – тем более не могут. Набрали немножко стареньких, один экипаж выступает, другой ждет своей очереди, чтоб переодеться. Но по сравнению с остальными детскими командами мои – хоть куда. У нас есть брызгозащитная форма, у нас американские весла, приличные суда, и палатки у нас не брезентовые. Не потому, что мы такие “чайники никелированные”, мы – команда, мы на соревнование приехали! А другие ребята, по-моему, выступают, в чем в школу ходят.

Зимой у нас тренировки в зале и в бассейне. Бассейн мы арендуем, за него ребяташки платят по 15 рублей.

- Тренируете тоже вы?

- Сначала только я. Сейчас помогают шестеро старших мальчишек. Здесь занимаемся теорией, в бассейне – практикой. Плаваем, отрабатываем все, что может пригодиться на реальной реке, например, если смочет с плота, если судно перевернется, если подомнет водой в так называемой “бочке” (“бочка” - очень неприятная вещь, нечто вроде центрифуги стиральной машины, положенной на бок. – Непрофессиональное прим. авт.). Главное – подготовить ребенка так, чтобы он не лез куда попало, но и не напугался, если на воде что-нибудь случится. Весной и летом я им организую “сборы”. Начинаем с похода, потом, в июле, летний лагерь. У нас есть любимая коса на Обском море. Ставим палатки, кухню, я приглашаю преподавателей из педуниверситета, они и готовят, они и с детьми занимаются. Две недели живем на свежем воздухе! Не просто живем – тренируемся. Я привожу резиновую лодку с мотором и парусные катамараны. Мальчишки под парусом – это, знаете, словами не передать. А заканчиваем сезон золотой осенью одним-двумя пешими походами --на сколько средств хватит, лагерь довольно дорогое удовольствие.

- Вы хотите сказать, что лагерь – полностью за ваш счет?

- *Да. Дети в основном из небогатых семей. Они на бассейн-то с трудом наскребают. Случись, не дай Бог, у меня какая-нибудь экономическая неприятность – и все, прощай, летний отдых. Я и сам все время под дамокловым мечом, и школа, естественно. Наверное, надо было мне сначала устроить свою жизнь, а потом думать о детях. Но я понял в один прекрасный момент, что тогда времени на детей может и не хватить.*

- С какого возраста берете детей?

- Да я их вообще не беру! Сами приходят и уже не уходят. Бывает, что вижу: для водного спорта нет данных, роста не хватает, хрупкий мальчишка, тонкокостный. Поговорю с парнем поостроже, чтобы отпугнуть. Удалось – хорошо. А если ему нипочем – что ж, пусть остается. Иногда терпение мое лопается: достаточно, говорю, не могу больше. Потом время проходит – и все опять по-прежнему. Дети-то просят и даже требуют: хотим заниматься! Они же не знают, что за этой школой стоит. Обращаться к спонсорам, честно скажу, не пробовал. Не люблю просить, не хочу чувствовать себя обязанным. Нужны не спонсоры, а заинтересованные и понимающие люди.

Управление образованием вообще далеко от наших проблем. Спорткомитету ни к чему поддерживать какой-то “водный туризм”, о котором мало кто знает, спорт немассовый, по крайней мере, здесь и сейчас. Но водный поход – жизнь в окружении сразу четырех стихий. Земля, по которой ты идешь до реки. Чистый воздух, которым ты дышишь. Огонь, у которого ты греешься. И наконец – вода! Можно ли придумать для детей что-нибудь лучшее? А вообще не в спортивных достижениях дело, наплевать мне на достижения. Вырастут из этих мальчишек настоящие мужчины – я свою задачу выполнил. Я рос – у меня перед глазами были шестидесятники. А у ребятшек сейчас кто примером? Когда приходится бывать на соревнованиях и наблюдать другие команды, иной раз слышишь, пацаны при взрослых ругаются матом, и всем хоть бы что. Тренеры плечами пожимают: что я могу сделать, ко мне другие не приходят!

Мои отлично знают: услышу мат – выгоню. Увижу с сигаретой – до свидания. Будут называть друг друга не по имени, а кличками – всего хорошего. Мы ведь не развлекаться здесь собрались, мы работаем, мы экипаж, и вода – стихия серьезная. Если мы перевернемся, то от того, как мы друг к другу относимся, будет зависеть, насколько благополучно все закончится. Это в футболе – игра закончилась, и все по домам пошли. Одного я выгнал, а через месяц случайно заметил – ходит кругами! Зима, мороз, а он около стадиона “просто гуляет”. Теперь парень снова занимается, не мальчишка стал – чистое золото! Хотя за час в неделю их трудно перевоспитать, конечно. Остальное время – та же среда, та же улица...

- И не за час трудно. Зачем вам-то это надо, скажите, ради Бога?

- Я как-то не задумывался. Мне, правда, многие объясняли – зачем. Не может, говорят, Скородумов, жить, как все. Надо ему чего-нибудь сотворить и себя показать притом. Наверное, определенная правда здесь есть. Когда моих награждают – приятно, не скрою. Но вообще-то жизнь, наверное, так устроена. Кто-то должен хоть что-то делать, вот и все.

Не все. Позвольте одну подробность, без комментариев. Собрав приличную сумму на крайне необходимый ему автомобиль, Скородумов купил вместо машины пять каяков для своих мальчишек.

Номинация “За вклад в развитие социальной журналистики”

Сергей Баршай (Красноярск), различные СМИ Красноярска, подборка материалов.

Сергей Баршай – постоянный внештатный сотрудник газет “Городские новости” и “Сибирский календарь”. А всего за последние 4 года он опубликовал более 65 статей на социальные темы в изданиях Красноярска и края. На конкурс были представлены 6 работ. Две из них мы представляем вашему вниманию.

Береги себя, сестренка! (рассказ)

Я пропихнул последний пучок черемши в рюкзак и стал потуже его затягивать. Он был так же туго набит, как муниципальный автобус поутру.

В рюкзак отчима вошло тридцать три свежих упругих пучка.

В последние годы привозные, но все равно дешевые бананы и прочая экзотика сильно пошатнули цены на “сибирское сало”. В девяносто пятом за тридцать три пучка давали полста тысяч рублей. Все деньги.

Я всегда полагал, что уметь торговать – это тоже дар. Я был уверен, что меня Господь лишил этого дара напрочь. Стоять в квартале, где ты вырос и прожил полжизни. Где на тебя собаки не лают, по причине близкого знакомства. Стоять и, подобно мадам Стороженко, кричать: “Бычки, бычки” – это ж провалиться проще сквозь землю.

Я сложил настил из своих костылей, присел на них, продолжая осмысливать ситуацию той, навсегда памятной мне весны девяносто пятого. Я глядел на свои, уже изрядно облезлые, ортопедические ботинки и ясно видел перед собой простую альтернативу: либо я остаюсь наедине со своей гордыней, без тридцать пятого дня рождения, на который через пару дней должны собраться друзья. Остаюсь без часов, которые встали дня три назад. Даже без капли бензина в бензобаке моей надрывно тарахтящей “мототохи”. Короче говоря, либо так и сидеть гордо и голозадо, либо кончать чистоплюйствовать и идти торговать черемшей, пока сезон, пока берут.

Облезлые ботинки я, разумеется, почистил.

Я думал в тот момент, что они хоть и грубовато сколочены, но довольно прочные. И вообще, ортопедическая обувь имеет свои плюсы. В таких чоботах довольно тяжело ходить, а уж догонять и убегать тем паче. Может,

поэтому люди, носящие ортопедическую обувь, практически не бывают замешаны в делах, связанных с воровством и убийствами? Или в делах с “наркотой”.

Такая вот у нас, своего рода, реклама – социальная.

Так, размышляя о средствах и методах выживания, я приделся во все свежее и, одолжив у соседа пару литров горючего, отправился к хлебозаводу, что на “Тарнушке”. Остановка ближайшая так называется – “Тарная база”.

“Мототоху” удалось загнать аккуратно промеж двух березок, обосновавшихся у магазина “Горячий хлеб”. Моя мотоколяска, как всегда, привлекла всеобщее внимание, впрочем, не слишком большой группки продавцов и покупателей. Все громко выражали удивление по поводу того, что подобное чудо техники до сих пор способно самостоятельно передвигаться по нашим улицам.

“Что ж, хоть такая, а все реклама моего черемшиного бизнеса”, - оптимистично решил я.

Май – мой любимый месяц, и не только из-за любви к своему дню рождения. Но тот май памятен редкой даже для Сибири весенней промозглостью. Беспреданно моросил холодный дождь, периодически переходящий в “горячий снег”, словно перекликаясь с названием магазина.

На фоне той живописной публички, в основном весьма пожеванной и успевшей либо мечтающей похмелиться, я смотрелся вполне импозантно.

Чистый капот коляски выгодно отличался от замызганных ящичков, а то и просто от ступеней магазинного крылечка, кое-как застеленных газетенками, на которых был разложен товар моих потенциальных конкурентов.

Имело значение и то, что прохожим, заинтересовавшимся весенними сибирскими витаминами, не приходилось наклоняться, чтобы разглядеть товар.

Да и маленький опрятный мужичок на костылях, умеющий рассказать о месте произрастания черемши и об ее цене без применения ненормативной лексики, видимо, тоже вызвал у прохожих симпатию. В общем, дело пошло.

Одно оказалось плохо: явно завышенная кем-то цена. За две тысячи рублей пучок только у меня и брали, да и то не больно-то бойко. А потому тетка в сером плащике и темной косынке и я стали отдавать пучок за полторы

тысячи. Остальные, немало напуганные каким-то Колей, продолжали держать цену в два “косаря”.

- С ума вы посходили, - возмущались прохожие. – Таких цен давно уже нет.

Из разговора черемшинных торговцев-бомжей я понял, что торговать по две тысячи велел какой-то недавно второй раз вернувшийся на волю зек, которого уважительно величали Коляном.

“Господи, да неужели и с такого смешного бизнеса “снимают”? – изумился я тогда. – Что тут за такой крутой Коля?” – в сомнениях стоял я и прикидывал, не уйти ли.

“Да чего тут-то терять, черемшу, что ли? Так я ее и не собирал. Останусь. Что будет, то и будет”, - ободрил я себя.

Коля появился вскоре. С сильно загнутыми пальцами, в чумазой синей болонье и с расстегнутой прорехой на штанах.

- У вас, баба Вера, почем черемша? – с места круто “наехал” он на тетку в сером. – Так, собирай свои вещи, баба Вера, торговать будешь с дороги, - распорядился урка.

Но баба Вера уже всюю наседала на “мафиози” дворового пошиба.

- Ладно, ладно, бабка Вера, я еще с тобой разберусь, - пытался угрожать уркаган. И обращаясь уже явно ко мне, как интеллигенту, безусловно понимающего его, интеллигента и предпринимателя “в законе”:

- Тут дела надо делать, а им бы побыстрее все расфуговать да шары залить спозаранку, - заметно пошатываясь, презрительно выдал “пахан” в сторону алкашей еще более низкой пробы. – У меня шесть таких точек. Тут торгуют, у молочного, там, у универсама, и еще, а им... - он безнадежно махнул рукой и куда-то побрел.

Мне вспомнился Самсон, мой знакомый “крутой”. У того хотя бы прореха застегнута. Когда пацанам ногами “растяжки” каратистские показывал, было видно – “молния” на месте. Он даже в зоне “рукопашкой” продолжал заниматься. Этого хмыря одним щелчком уговорит.

Я спросил у бабы Веры адрес этого Коли. Успокоил ее, а заодно и себя.

Вскоре на недорогой иномарке подкатили раскрашенные в пух и прах девки с явно уличными замашками и привычками. Они жеманно жевали бананы и апельсины. Дурачась, тыкали яркими, как стоп-сигнал пальчиками в черемшу.

Громко обхохотали мое “мотото” и тут же уехали. Было жутко досадно от очевидности, что на выручку от черемши мне никогда не купить “иномарку”, даже самую дешевую.

Я залез внутрь своей “мототошки”, ежась от невеселого холода и от досады на этих шkodных девок. Стал готовить к продаже новую порцию зелени.

Вдруг, буквально капот к капоту, меня подпер рыжий сороковой “Москвич”. Это был Антоша. Именно сегодня он приехал именно сюда и именно сейчас.

Мы дружим с Антохой уже больше двадцати пяти лет. С его первого класса. Было много совместного озорства в детстве. Было много нужных книг и важных бесед в юности. В нашем рабочем поселке на окраине города, выстроенном в стиле “барокко”, мы с Антошей слыли интеллигенцией. И я, как старший, оказал на него тогда немалое влияние. Возможно, это я научил Антона в свое время не только думать о многом, но многое понимать.

С тех юношеских пор мы стали редко видеться.

Откуда теперь ему знать, что он, как обычно, через пару дней завалит ко мне на день рождения, а мне и угостить его нечем. Я был уверен, что не бывает более постыдной ситуации, чем пустой стол в день рождения на глазах у друзей. Оказалось, бывает.

И вот я читаю в его голубых глазах всю глубину его изумления от того, что он застал меня здесь, с этой черемшой, в компании бичей.

Меня будто застукали на “панели”.

Антон лишь успел сказать: “Ты здесь?..” – и осекся. Мы еще секунду-другую о чем-то помолчали. Потом поговорили о чем-то важном, о политике, наверное.

Ни он, ни я никогда позже не вспоминали этой минуты.

Спустя два года, когда я проезжал на своей дешевенькой “иномарке”, не “черемшиной” естественно, мне не раз на вечерних улицах встречались развеселые “ночные бабочки”, готовые впорхнуть в любое авто, только моргни. Глядя на них, я всегда вспоминал черемшиный ряд у “Горячего хлеба”. Себя в этом ряду. И глаза Антона, с ужасом заметившие меня среди “черемшистов”.

Завидев путану, я всегда теперь мысленно повторяю: “Держись сестренка. Береги себя”.

А когда доводилось проезжать мимо шаромыг, бойко торгующих черемшой, я всегда притормаживал, будто искал в этом ряду голубенькую мотоколяску и маленького мужичка на костылях.

А черемши с тех пор я не ем вовсе.

Февраль 2001 г.

Убери с капота свое “творчество”!

*Чтобы продать поделки, инвалидам-ремесленникам придется
"раскошелиться".*

Я закрыл за собой дверь ОВД Центрального района. "Обошлось!".

А собственно, почему я, инвалид с детства, пытаюсь продать гипсовые распятия Христа и иконы, изготовленные своими руками, или художественные свечи, должен гадать — заберет меня родная милиция или на этот раз обойдется?

Меня забрали с проспекта Мира за то, что осмелился торговать изделиями с капота своей мотоколяски. Да, торговля с машин на улицах нашего города категорически запрещена! Но, во-первых, мотоколяску назвать автомобилем может лишь большой юморист, а во-вторых, как же быть инвалиду, коли он товар изготовить сумел, а продать его негде?

Для сдачи товара на реализацию в то или иное торговое учреждение необходимо обзавестись свидетельством предпринимателя, а также получить сертификат качества на товар и его аннотацию. Никаких скидок людям с ограниченными физическими возможностями в данном вопросе не делается.

Как же быть, если у инвалида из "стартового капитала" имеются только "очумелые ручки" да отчаянное желание вырваться из нищеты. Оформление бумаг, разумеется, стоит денег. И никакой уверенности в том, что ваш товар “влет пойдет”.

В центре стандартизации скажут, что товары данной номенклатуры являются изделиями художественно-прикладного промысла и, таким образом, не нуждаются в сертификации. Это же почище, чем у героя Аркадия Райкина: "Дайте мне справку, что мне НЕ НУЖНА справка!" Поверьте, среди инвалидов достаточно много неленивого и мастеровитого народа. Только в нашей "неформальной" группе инвалидов-ремесленников — настоящие кудесники вышивки, художник, пишущий свои картины... крупной. Есть инвалид, который мастерит точные макеты

кораблей. И, наконец, специалист по изготовлению бижутерии из бисера — Светлана Стрельцова, чьи пасхальные яйца, тоже бисерные, недавно побывали на выставке-ярмарке в Голландии!

А здесь, в родном отечестве, по-прежнему нет спроса на таланты

В начале декабря, как обычно, инвалиды услышат поздравления со своим международным днем. Будут и подарки, и речи, и концерты в жанре “два притопа три прихлопа”.

А почему бы не состояться в эти знаменательные для инвалидов дни разговору между чиновниками администраций, налоговых и контролирующих торговлю инстанций и, разумеется, соцзащиты, на тему: “Как выживать в столь “аномальных” условиях инвалидам-предпринимателям?” Будет совсем недурно, если в этом разговоре примут участие законодатели и спонсоры. Кто бы взялся реализовать проект по поддержанию предприимчивых инвалидов, предусматривающий хотя бы временную, всего на полгода, люфт-паузу, во время которой наш брат смог бы реализовать свои художественно-прикладные изделия без излишних формальностей? Почему бы соцзащите с ее довольно мощным патронажным аппаратом, не оказать хотя бы разовую помощь по оформлению надлежащих бумаг при организации своего дела инвалидам-ремесленникам?

А вообще-то, для решения этой и прочих задач нестарых еще инвалидов в Красноярске назрела необходимость в создании городского молодежного центра инвалидов. При какой-либо молодежной организации. Кто откликнется? Слабо?!

А пока седой подполковник милиции извиняется перед инвалидом, стыдливо пряча глаза, и объясняет ему, что он — человек служивый и просто обязан выполнять закон и приказы администрации (даже такие “самодурные”, по его словам, как задержание инвалидов).

Подполковник милиций должен ловить воров! А ремесленник должен иметь законную возможность продвигать в торговлю свои изделия.

Разве я не прав?!

*Анастасия Яровая (Иркутск), “Труд-Восточная Сибирь”,
“Саламандра”*

Саламандра

Когда-то я написала о том, что у всех у нас есть учителя: учитель Время, учитель История, учитель Жизнь... Написала, видимо, не без некоторой бравады: вот у кого стоит учиться, вот они — основные учителя. (Учиться

всегда пригодится, на ошибках учатся, чтение — вот лучшее учение; учиться, учиться и учиться, наконец).

И все-таки главные учителя — люди. О них и пойдет речь. О моих учителях.

Известно: умные учителя на прозвища не обижаются. Опять же: у умных учителей не бывает обидных прозвищ, а необидные переходят по наследству от поколения к поколению учеников, не претерпевая изменений.

Покинув начальную школу, стоя на пороге большой необычной шумной школы средней, где сразу много учителей и надо за перемену успеть перейти из одного кабинета в другой, мы, тогдашние четвероклассники, уже знали, что математику у нас будет вести Саламандра. Слово, уже одним своим звучанием внушавшее трепет. По прошествии первых уроков трепет только усилился.

...Может, я сейчас пишу о ней потому, что всегда ходила на привилегированном положении любимицы? Все шесть лет она звала меня неизменно — Настенькой. Помню, в девятом классе, после слияния трех классов в один, наши новые одноклассники никак не могли привыкнуть, что меня по любому поводу называют уменьшительно-ласкательным именем. “По любому” это значит, например, так: “Ай да Настенька! Ай, молодец! Вы посмотрите только, как она у нас доказывает теорему косинусов! А рисуночки какие при этом на доске нарисовала! Просто любо-дорого глядеть!.. Вашестюк!” — обращалась она тут же к моему однокласснику-отличнику. Серега вскакивал, и она говорила теперь ему: “Беги скорее в мастерскую, выточи для Настеньки на токарном станке медаль деревянную.. Нет! Не медаль. Бляху!.. Так вот: выточи деревянную бляху и бегом волокни ее сюда. Мы эту бляху Настеньке на шею повесим, пусть носит до тех пор, пока не научится теорему косинусов доказывать!..”

И попробуй после этой тирады не обнаружить свою ошибку. Тогда “бляха” разрастется до размеров колеса и сарказм станет угрожающим.

Подобных “наград” достаивалась не только я, но и тот же Серега, и Ольга, получившая впоследствии золотую медаль, и Светлана — “серебряная” медалистка, и Ленка — завучева дочка. То есть все те, кто математику знал нормально, то есть на “пять”, говоря школьным языком. Впрочем, эту “пятерку” еще надо было заслужить.

— Ты у меня получаешь либо “пять”, либо “два”, — говорила Саламандра, например, Ольге. — Никаких “четыре”, никаких “три”. За одну ошибку получаешь “два”.

— Но это несправедливо, — пыталась возражать Ольга.

— Еще как справедливо! Если можешь решать на “пять”, должна решать на “пять”. И никаких ошибок! — говорила Саламандра уверенно, потом обращалась к остальным из тех, “кто мог решать “на пять””, — И вас тоже касается.

Так я и помню свои тетрадки: либо “пять”, либо “два”. Впрочем, справедливости ради (а не похвальбы для) стоит отметить, что “двойки” у меня случались нечасто — математику я всегда любила.

...Не парадокс ли: всегда любила математику (геометрию все-таки чуть больше алгебры, хотя нравилось и решать уравнения, особенно длинные, “навороченные”), но поступила учиться на филологический? Променила “физику” на “лирику”. О чем по сей день не жалею, но на вопрос “отчего же я любила математику, но изменила ей?” ответ до сих пор не однозначен. Верно одно: если бы математику в нашем классе вела не Саламандра, вряд ли она так надолго и прочно засела бы в моей памяти. “Она” — это математика... Или все-таки Саламандра?..

Получается, что Саламандре я обязана не только своей любовью к “царице всех наук” (по мнению Лобачевского), но и тем, что мне пришлось учиться в нашем классе. А дело было так. Когда мы закончили начальную школу, моя мама, узнав, что математику у параллели четвертых классов будет вести молодая выпускница пединститута и только в 4 “А” будет работать знаменитая Саламандра, приняла решение мгновенно: “Я перевожу тебя в 4 “А”. — “Но, мама! У меня же тут друзья”. — “Друзья у тебя будут и там, а такой математики не будет больше нигде!”

Мама, конечно, знала, что делала. Впоследствии оказалось, что не только такой математики, но и таких друзей у меня бы не было, останься я в прежнем классе. Благосклонный поворот судьбы, не иначе. И Саламандра, как видите, сыграла в нем не последнюю роль, хоть и невольно.

А уж какую роль она сыграла “вольно”!.. Кстати, тот факт, что в нашей параллели из пяти классов только в нашем классе работала Саламандра, объяснялся просто. У нее была огромная нагрузка в средней школе, она работала со старшеклассниками, была классным руководителем у шестого класса, в чьей параллели также преподавала, а работать в 4 “А” ее просто упростили. Еще бы, ведь у нас училась масса учительских детей (не исключая меня). И все мамы-учителя знали, что делали.

Почему Саламандра тогда согласилась на всеобщие уговоры, то мне неизвестно. Согласилась, и это оказалось для нас главным. А вообще-то она никого не боялась, ни перед кем не пресмыкалась, не лебезила, говорила всегда то, что думала, что для учительского коллектива, скажем мягко, не всегда свойственно. И жутко не любила всякой деятельности (в ту пору, как правило, общественно-политической), которая мешала бы занятиям любимой математикой.

Приходит, например, к нам на урок завуч по внеклассной работе:

— Сейчас во второй рекреации начнется линейка, посвященная... (чему-нибудь такому комсомольскому).

— 8 “А” в ней принимать участия не будет.

— Это почему?

— Потому что 8 “А” будет решать самостоятельную работу по алгебре.

И завуч тихонько закрывала дверь: с Саламандрой спорить бесполезно.

Бывали при этом и издержки: если “самостоятельная” была большая и сложная, то класс без всяких вопросов продолжал работать на перемене. Вплоть до звонка на следующий урок, когда Саламандра была вынуждена нас отпустить, что делала с явной неохотой.

О суровом и непреклонном характере учителя математики была наслышана вся школа. И выражения, которыми награждались провинившиеся ученики, были на слуху у каждого. Тут у Саламандры не было равных!

— Это не класс, а ужас что такое! — могла кричать она, если оказывалось вдруг, что подавляющее большинство учеников успешно “провалило” очередную контрольную. — Сидят, с доски слоников (!!) срисовывают, а своими мозгами пошевелить не могут! Да и какие там мозги? Рыбьи мозги! Плесенью поросли!..

Во время подобных громоизвержений полагалось сидеть по-мышьиному тихо, чтобы не попасть под горячую руку. Когда же для “разбора полетов” (то есть для работы над ошибками) к доске вызывали кого-нибудь из отличников (в обязательном порядке) и от волнения тот начинал запинаться, то и ему доставалось по первое число, теперь уже персонально:

— Ты у нас, наверное, в стоматолога пойдешь, да? Что это за “э-э-э” и “ой” такие?.. Или ты, может быть, доказательство не помнишь? Что это за память такая девичья?

Или, например, так:

— Ну-ка быстро скидывай свои лапти! Пальцев на руках-то не хватает посчитать, вот и ноги придется использовать. Давай, давай, раз в уме посчитать не можешь, разувайся!..

И так далее. Варианты могли быть бесконечны и живописно разнообразны. От почти театрального: “Филька! Филька! Где ты у нас спрятался со своей грамотой!? Вылазь скорее из-под парты, беги к доске, помогай Лене задачу

решать! А то она всю свою филькину грамоту уже нам рассказала и дальше не знает, что делать!” До изысканно наукообразного: “Видимо, вы подзабыли правило выведения формулы УО. Так я напомним. Леня, помноженная на незнание и возведенная в степень общей безграмотности, дает в результате УО. То есть “Умственную Отсталость”, которая у вас у всех поголовно присутствует, судя по результатам последней контрольной”.

А уж ее контрольные никак нельзя было назвать легкими. При этом она любила повторять: “Учитесь у меня, пока я вас учу, и знайте, что моя твердая “тройка” в другом месте была бы “пятеркой””.

Поразительно, но факт: эти слова, которые мы тогда воспринимали за похвальбу, оказались правдой. Мой одноклассник, обыкновенный троечник, после восьмого класса поступивший в авиационный техникум, рассказывал как-то при встрече: “Не поверишь, но у меня с алгеброй в технаре вообще проблем нет. Да и ни одну лекцию с Саламандриным уроком не сравнить”. Кстати, когда в девятом классе к нам пришли несколько человек из расформированного параллельного, двое парней, довольно неглупых, тем не менее не смогли учиться у Саламандры и попросили их перевести в другой класс, к другому учителю.

Что правда, то правда: таких уроков математики во всей школе ни у кого больше не было. Учебник мы открывали лишь для того, чтобы решать оттуда задачи. Все доказательства теорем, правила и формулы Саламандра давала нам по-своему. Причем доказательства были яснее и короче, правила четче и без лишних слов, а формулы, объясненные на уроке, запоминались с первого раза. Правда, для этого нам приходилось писать подробные конспекты лекций, совсем как в институте. Да и Саламандра всегда говорила: “Пишите все подробно. Такого доказательства вы ни в одном учебнике не найдете!”

Откуда она брала их? Не знаю. У меня есть подозрение, что многие из них она доказывала сама, как и подобает настоящему математику. Иначе почему она прямо летала у доски, и мел крошился и исписывался со страшной силой, и формул становилось все больше, и, наконец, наступала долгожданная восторженная кульминация: в самом уголке заполненной числами и знаками доски ставились три победные буквы “ч. т. д.” — “что и требовалось доказать”. Саламандра выглядела победительницей, ее восторгом нельзя было не заразиться. Хотелось повторить подобное рассуждение, чтобы и у тебя получилось заветное “ч. т. д.”.

Более того, она учила нас тому, что было не предусмотрено школьной программой. Когда при изучении тригонометрических функций все остановилось на котангенсе, мы уже изучали секанс с косекансом, записывали формулы с их участием, решали уравнения. Да и стереометрию проходили более подробно, нежели все остальные.

Но не хотелось бы, чтобы сейчас, при воспоминании событий более чем пятнадцатилетней давности, получился некий идеализированный образ учителя, настоящего наставника и мудрого педагога. Это не так, хотя Саламандра была блестящим математиком и таким учителем, которого забыть сложно. В 4-ом, 5-ом, 6-ом и даже 7-ом классах мы ее, конечно, боялись. Она умела “построить!” класс так, чтобы все ходили словно по ниточке, когда шаг вправо, шаг влево... Но, во-первых, она никогда не была несправедливой, даже если ругалась на чем свет стоит, во-вторых, не была злопамятной, мстительной и умела прощать, в-третьих, признавала чужие заслуги, особенно когда видела, что ученик на самом деле старался, пусть у него не все еще получается. Все это чувствовали, даже самые хулиганистые “двоечники”. Что, впрочем, не мешало им совершать в отношении Саламандры всякие мелкие пакости.

Однажды Пашка посадил к ней в сумку с тетрадями мышонка. Все были в томительном ожидании: что будет? Однако Саламандра всех разочаровала: поймала мышонка за хвост, подозвала к себе кого-то из мальчишек и попросила вынести “животное” на улицу. После чего, как ни в чем не бывало, начала урок.

В другой раз Саня засунул трехкопеечную монету в замочную скважину: авось, Саламандра не сможет открыть кабинет и урока не будет.

Но и этот план провалился. Замок, конечно, вышел из строя, но дверь все равно открылась. Пока шел урок, позвали учителя-трудовика, чтобы он посмотрел, что к чему. Трудовик разобрал замок, и оттуда выпала искореженная монета. Пацаны изумленно присвистнули: вот это силища, попробуй попади ей под горячую руку!

Как и всякие дети, мы были порой непонятливы и даже жестоки. Только сейчас, став взрослыми, мы начали понимать некоторые вещи, и нам приоткрылась бездна ее человеческого горя и в то же время ее потрясающая сила духа.

Мы учились, кажется, в пятом, когда ее единственный сын сломал позвоночник. После уроков Саламандра ехала в больницу, часто там и ночевала. Потом приезжала в школу, давала уроки, снова ехала в больницу, и так по кругу, изо дня в день. Сын был обречен на лежачий образ жизни. Но Саламандра смиряться не хотела. Прослышав про то, что у знаменитого атлета Валентина Дикуля есть центр в Москве, она написала ему. Дикуль прислал ей ободряющее письмо и комплекс упражнений. Но письмо не успело — сын умер.

Если бы у нас в классе не училось столько учительских детей, то мы вряд ли узнали бы, что у Саламандры такое горе. Разве что она совсем не кричала на нас и как-то раз (лишь однажды!) вышла из кабинета, но почти сразу вернулась, вытирая платком глаза. Уже значительно позже, когда мы

учились в 10-ом, она как-то сказала, обращаясь к тем из нас, кто собирался поступать в педагогический: “Запомните главное правило учителя: все свои личные тревоги и заботы вы должны оставлять у дверей класса”. Сама она этого правила придерживалась неукоснительно.

Чем старше мы становились, тем сильнее менялись наши отношения. В 9 и 10 классах Саламандру никто уже не боялся, да и она относилась к нам как ко взрослым людям. Обличительные тирады теперь звучали очень редко, запутавшемуся у доски не предлагалось “скидывать лапти”, да и деревянные бляхи перестала раздавать. Зато теперь мы часто прямо на уроке могли беседовать с ней о будущем, строить планы.

— Вот ты, Настенька, — говорила она мне, — выходи замуж за Пашку (мой сосед по парте). А что ты смеешься? Он, смотри, какой бравый парень! Уедете с ним в деревню: ты будешь математику в школе преподавать, Пашка на тракторе станет землю пахать. Нарожаете ребятшек, будет у вас хорошая крепкая семья. Пашка, а Пашка! Возьмешь Настеньку в жены?.. Нет, вы посмотрите на них! Смеются сидят! Над кем смеетесь?.. Ну ладно, ладно. Не хотите — не женитесь. А какая бы пара получилась!.. Ой, молчу, молчу, успокойтесь...

Вспоминать ее можно долго. Это означает: есть что вспомнить. И если я, вот уже более десяти лет как совершенно не соприкасаюсь с математикой, но все-таки помню формулу, по которой вычисляется дискриминант, — это говорит отнюдь не только о моей хорошей памяти. Это говорит о том, что я училась не у простого учителя. Может быть, именно это и называется “Учитель с Большой буквы”.

...Среди учеников ходила красивая легенда. Когда-то давно Саламандра, тогда еще молодая, с роскошной косой, танцевала на выпускном балу у своих учеников. Танцевала настолько хорошо, что вся мужская половина преподавательского состава была очарована, а учитель рисования, романтик и поэт, поцеловав ей руку после тура вальса, сказал: “Вы так танцуете!.. Вы самая настоящая огненная божественная Саламандра!..” Вот с тех пор и приклеилось.

...Возможно, подобная история имела место в реальной жизни. По крайней мере, то, что Саламандра превосходно танцевала, — это факт. А может, нам просто хочется, чтобы у этого прозвища была такая романтическая история. Не знаю. Знаю только, что мне весьма повезло — учиться математике у Александры Тимофеевны Маслаковой.

Да простит она мне то, что я так беззастенчиво зову ее старым школьным прозвищем. Но ведь умные учителя на необидные прозвища не обижаются, правда, Александра Тимофеевна?

1997 года является Российская PR-ассоциация.